

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ ЗЕМЛИ
КАК БЫЛ УБИТ НИКОС БЕЛОЯННИС
МАРТИРОС САРЬЯН ОБ ИСКУССТВЕ
Фельетон «ЗА ГЛУХИМИ СТАВНЯМИ»
Copyrighted material

Еще не зазеленели деревья, еще не расцвел урюк, но солнце уже гонит ртутный столбик термометра под тридцать. На поля колхоза «Москва», Марыйского района, Туркменской ССР, вышли тракторы. Они готовят землю под посевы хлопка (см. в номере фотоочерк «Москва» и москвичи»).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 13 (1814)

25 МАРТА 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва. На избирательном участке № 7 Калининского избирательного округа столицы. Здесь в депутаты Верховного Совета СССР баллотировались Н. С. Хрущев и Н. М. Шверник.

Фото А. Гостева.

Ленинград. Старый работник Кировского завода Александр Николаевич Карякин отправился на голосование вместе со своей семьей. Сто лет в общей сложности проработали на Кировском заводе десять человек из этого дружного семейного коллектива.

Фото Н. Ананьева.

Хабаровский край. Сельские комсомольцы (справа налево): Г. Демьяненко, А. Пашинин, К. Ступалова и Т. Шадренко возвращаются с избирательного участка.

Москва. Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев после голосования на 52-м избирательном участке Фрунзенского избирательного округа столицы.

Фото С. Раскина.

ЗА КОММУНИЗМ!

НА ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР БЛОК КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ ОДЕРЖАЛ ПОЛНУЮ И БЕЗРАЗДЕЛЬНУЮ ПОБЕДУ!

Баку. Впервые в жизни голосует десятиклассница Эльмира Азимова.

Фото Я. Рюмкина.

Тикси. Далекий северный поселок. Весь день машины и мощный вездеход доставляли голосующих на избирательный участок № 1.

Фото Ю. Кривоносова.

18 марта во французском городе Эвиане заместитель председателя Временного правительства Алжирской Республики Белькасем Крим и представитель Франции Луи Жокс подписали соглашение о прекращении огня в Алжире.

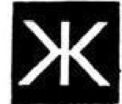
Позади 88 месяцев напряженной борьбы, которую вел мужественный алжирский народ против французских колонизаторов, за свободу своей родины.

Ценой огромных жертв патриоты добились большой победы, добились того, что перед их страной открылся путь к национальной независимости.

На снимке: алжирская делегация перед отелем «Дю Парк» в Эвиане. Четвертый слева — Белькасем Крим.

Фото ЮПИ.

В ЗЕРКАЛЕ ЖЕНЕВСКОГО ОЗЕРА

Женевский ландшафт — городской и окрестный — благодатный материал для аллегорий и литературных сравнений. И не удивительно, что в корреспонденциях трехсот журналистов, освещающих путь переговоров по разоружению в Комитете 18-ти, можно встретить самые разнообразные архитектурные детали, пейзажные штрихи, бытовые сценки и характеристики погоды, призванные воссоздать ту атмосферу, которая окружает Дворец наций, где под фресками, изображающими кошмары войны и сцены мирного труда, заседают участники конференции по разоружению.

Мы не будем говорить о горных пиках во главе с сахарно-белой снежной вершиной Монблана, видных из всех уголков города и нередко сравниваемых журналистами с теми задачами, которые возникают перед Комитетом в ходе переговоров. Не будем подсчитывать, с какой скоростью проносились над Женевой холодные ветры со снегом и ледяным дождем, заставляющие журналистов, спешивших в Дом печати, поднимать воротники и невольно сравнивать дипломатические интриги боннского министра Шредера, примчавшегося в Швейцарию на «дипломатическую консультацию» с западными министрами иностранных дел, с «циклонами «холодной войны».

Все это читатель встречал в газетных корреспонденциях и отчетах. Женевские события отражаются в них подобно тому, как отражаются Альпы в зеркале Женевского озера. Поэтому нам хотелось бы рассказать о некоторых дополнительных деталях, которые, как нам кажется, помогают полнее представить ту обстановку, в которой работают в Женеве и дипломаты и представители десятков крупнейших газет и журналов мира всех политических цветов и направлений.

Накануне открытия конференции мы направились в резиденцию советской делегации, расположенную неподалеку от Дворца наций. Выйдя из машины, мы увидели у входа в здание большую группу журналистов. Здесь же на треножниках были установлены кинокамеры, а возле ступенек подъезда один над другим разместились фоторепортеры. Все ждали, когда закончится «визит вежливости» министра иностранных дел ФРГ к Андрею Андреевичу Громыко.

Корреспонденты нетерпеливо поглядывали на часы, перебрасывались короткими фразами и старались поближе протиснуться к закрытым дверям. Как только в дверях показались господин Шредер и заместитель министра иностранных дел СССР В. С. Семенов, вспыхнули «блицы», затрещали кинокамеры, а стоящие рядом с нами западные журналисты начали громко комментировать «выражение лица герра Шредера».

На следующий день на страницах многих газет «по этим данным» составлялся «предварительный итог» визита, велись рассуждения о том, какой характер носила протокольная и находившаяся вне рамок конференции по разоружению встреча, и даже делались... политические прогнозы.

То же самое происходило и во время предварительных консультативных контактов между министрами США, Англии, Советского Союза в момент приезда и отъезда глав соответствующих делегаций.

«Большим днем» первой недели совещания для всех журналистов стал четверг, когда министр иностранных дел СССР А. А. Громыко внес на рассмотрение участников Комитета 18-ти проект Договора о всеобщем и полном разоружении. Текст этого важнейшего документа, доставленный в сотнях экземпляров в Дом печати, с силой гигантского магнита привлек внимание всех журналистов, собравшихся на пресс-конференцию советской делегации. О настоящем штурме, последовавшем вскоре после того, как журналистам предложили взять экземпляр с текстом выступления А. А. Громыко и Меморандума Советского правительства, на следующий день писала вся западная пресса. Многие радиостанции передавали записанный на пленку в зале пресс-конференции «звуковой фон» этой дружной атаки корреспондентов на председательский стол, где возвышались стопы экземпляров советских документов.

О перспективах переговоров иностранные журналисты пытаются нередко судить и по тому, с каким настроением приходят в Дом печати советские корреспонденты. Насколько им помогает изучение наших лиц, нам, естественно трудно судить. Но мы очень часто слышали, как советских журналистов иностранные коллеги по перу не без зависти называли «представителями оптимистического общества». Разумеется, мы не скрываем нашего оптимизма в отношении борьбы народов за то, чтобы утвердить на нашей планете мир без войн и оружия. И мы совсем не против, если оптимизм советских людей поможет иностранным журналистам реалистически осмыслить все то, что происходит в Комитете 18-ти.

Одной из политических достопримечательностей Женевы является кафе «Бавария». Это кафе было излюбленным местом «кулуарных бесед» делегатов покойной Лиги Наций. До сих пор на стенах «Баварии» прямо над столиками висят десятки карикатур и шаржей, на которых запечатлены портреты бывших деятелей этой бесславно закончившей свое существование международной организации.

— Когда-нибудь, как мы надеемся,— сказал нам один знакомый западный журналист,— в Женеве откроют музей «Истории разоружения», где туристы всего мира будут с любопытством рассматривать созданные человеком для истребления себе подобных «исторические орудия» — от первобытного каменного топора до ракет и моделей атомных бомб образца 19... года. Тогда «Бавария» может стать неплохим «филиалом». Здесь экскурсанты смогли бы увидеть портреты тех дипломатов, которые немало сделали, чтобы утопить вопрос о разоружении в водах Женевского озера.

— Мы за то, чтобы подобные музеи открылись в самое ближайшее время,— ответили мы нашему коллеге-журналисту.— Пусть Запад согласится на советские предложения, и через четыре года мы с радостью будем экскурсантами в залах этих музеев.

Виталий Меньшиков,
Вера Шагинова

Женева,
19 марта.

Она так сладко
распевала
Над лоном синих
мирных вод...
Взгляни поглубже —
выдает
«Русалку» атомное жало.

Рис. Гр. Оганова.

Заседание Комитета 18-ти в Женеве. Справа на снимке — представители Советского Союза: министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин.

Места представителей Франции в Комитете пустуют. Правительство де Голля отказалось участвовать в переговорах.

И. ТУНКЕЛЬ, А. ГОЛИКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

«16 марта 1962 года в Советском Союзе произведен очередной запуск искусственного спутника Земли».

Из Сообщения ТАСС.

УЛИЦА СПУТНИКОВ

Представьте себе, такая существует! Она состоит из маленьких желтых домиков с пирамидальными или цилиндрическими крышами. Невдалеке стеной поднимается лес. Вечерами крыши домиков раскрываются, словно створки раковин, и в небо нацеливаются объективы фотографических камер. Эти домики — павильоны, из которых ведутся фотографические наблюдения за искусственными спутниками Земли. Здесь расположена экспериментальная станция Астрономического совета Академии наук СССР.

Мы сидим в одной из лабораторий станции и слушаем рассказ младшего научного сотрудника Ильи Хасанова об искусственных спутниках, о методах наблюдения за ними. Уже первый советский спутник, запущенный в октябре 1957 года, помог значительно расширить круг научных исследований и позволяет ученым решать новые технические задачи.

С помощью спутников, например, можно создать всемирное телевидение, осуществить сверхдальнюю радиотелефонную и радиотелеграфную связь. Спутники можно использовать как космические радиомаяки, по которым будут прокладывать путь морские, воздушные и космические корабли. Спутники позволили точнее и быстрее определить форму Земли. Это только часть проблем, в решении которых спутники оказывают неоценимую помощь.

Хасанов показывает нам карту земного шара. На ней нанесены станции наблюдения за искусственными спутниками. Такие станции есть почти во всех странах. Ведь сейчас вокруг Земли в космосе летают новые небесные тела, созданные руками человека. Это не только спутники, но и ракетоносители.

— Движение спутников,— говорит Хасанов,— в сравнении с движением обычных небесных тел имеет свою особенность: элементы орбит спутников быстро меняются. Это происходит из-за сопротивления, которое оказывает атмосфера. А величину этого сопротивления можно вычислить только с помощью очень точного наблюдения за спутниками. Кстати, некоторые из них ведут себя совершенно неожиданно для ученых. Например, американский спутник «Эхо». Это огромный баллон диаметром в 30 метров. В космос его отправили в сложенном виде, поместив внутри кристаллический порошок, который при нагревании быстро превращается в газ.

Выйдя на орбиту, оболочка спутника нагрелась и раздулась. Ученые считали, что «Эхо» будет существовать недолго, и ошиблись: неожиданно круговая орбита спутника стала вытягиваться, превратилась в эллипс, потом снова стала круговой, а теперь опять вытягивается. Оказалось, что на спутник такого большого размера и очень легкий влияет давление солнечных лучей. Они действуют на «Эхо» с силой примерно в полграмма, но в космосе этого достаточно, чтобы изменить орбиту этого спутника.

— А как производится фотографическое наблюдение?

— Увидите, если метеосводка правильная,— отвечает Хасанов, с сомнением глядя в окно.

Его сомнения разделяем и мы. Над станцией, казалось, навечно повисли серые низкие тучи. Они упорно сыплют густым крупным снегом.

Но да здравствуют метеорологи! К вечеру поднимается северный ветерок, тучи уходят, и в ясном небе зажигаются первые, еще неяркие звезды. Улица Спутников оживляется. Приближается весьма ответственный момент: фотографирование небесного тела, запущенного человеком.

Из Вычислительного центра СССР поступило сообщение о том, что сегодня над станцией пройдет советский искусственный спутник. В сообщении указаны время и примерные координаты. Астрономы наводят в небо объективы фотографических камер и напряженно ждут. Мы тоже нетерпеливо посматриваем на часы, поеживаясь от мороза.

— Вон идет! — указывает Хасанов на край горизонта и припадает к аппарату.

Мы смотрим, но ничего не видим среди яркой россыпи звезд. И вдруг — вот он! — похожий на яркую звезду спутник быстро катится по ночному небу. Уже пятый год летают вокруг Земли спутники. Слово это стало обыденным, и все же, когда своими глазами видишь спутник, летящий во Вселенной, испытываешь волнение и удивление перед этим творением человека.

— А сколько времени он будет виден? — спрашиваем мы.

Но для Хасанова уже не существует ничего, кроме спутника. Он наводит аппарат и нажимает затвор. Снова наводит и фотографирует. Движения астронома быстрые, четкие, и сам он сейчас, какой-то подбористый, целеустремленный, напоминает охотника на тяге, бьющего птицу влет. И этот охотничий азарт заразителен. Мы всецело поглощены полетом спутника, действиями Хасанова и болеем за него: успеет ли еще раз сфотографировать?

Работа эта требует определенного мастерства. Спутник летит быстро, а надо, чтобы он попал в центр снимка. На станции работают молодые, но опытные «охотники» за спутниками. Младший научный сотрудник Анатолий Крылов, например, за прошлый год сделал более 1 200 фотографий спутников. А младший научный сотрудник Владимир Беленко мастерски снимает слабые спутники, те, которые светятся неярко и трудно различимы на небе.

Много удачных съемок у Валентина Юревича. Валентин говорит, что в их работе к научному интересу примешивается и спортивный: не упустить спутник, сделать как можно больше фотографий за время полета.

Яркая звезда описывает на небе дугу и закатывается за лес. Результаты съемок будут обрабатываться завтра.

...Мы попадаем в помещение, сплошь заставленное различными аппаратами. Здесь помещается «служба времени» — одна из самых ответственных на станции наблюдения за спутниками. Ведь для всех последующих расчетов необходимо знать, когда именно получено изображение спутника. И момент этот нужно определять с большой точностью. Спутник проходит за одну секунду 8 километров. Затвор фотоаппарата автоматически соединен с хронографом, который отмечает время открытия и закрытия затвора с точностью до тысячной доли секунды.

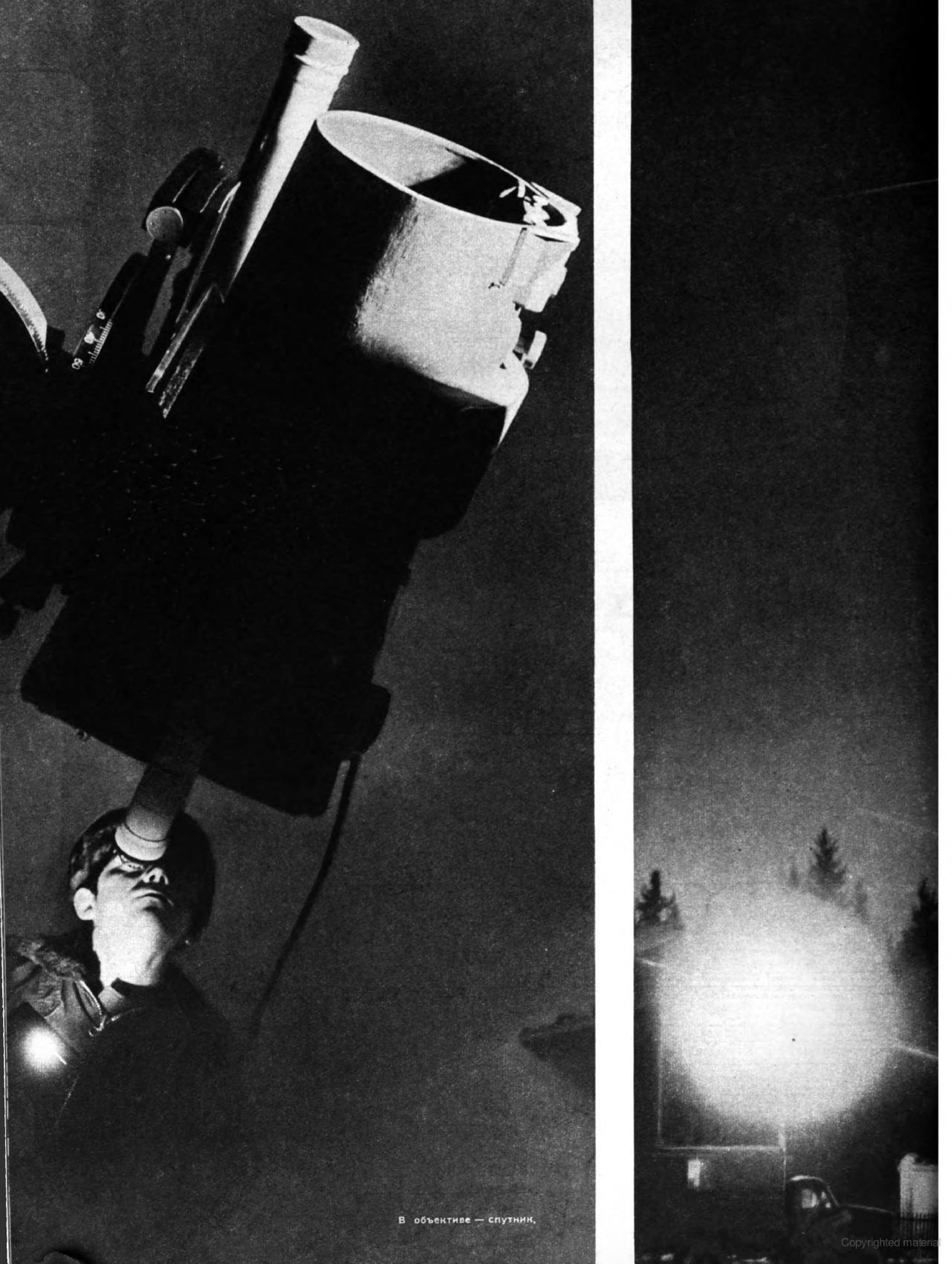
И все же есть ощутимые погрешности. Ведь пока открывается и закрывается затвор, тоже проходят доли секунды. Они не учитываются хронографом. Астрономы стараются сократить время, не поддающееся учету. Младший научный сотрудник Валентин Юревич сконструировал затвор для фотоаппарата, работающий с помощью электромагнита. Это должно повысить точность наблюдения.

— Наша вчерашняя съемка.— Юревич показывает проявленный негатив.

Спутник запечатлен на нем в виде коротких штрихов на фоне звездного неба. Лаборант Галя Копытина определяет, около каких звезд проходит спутник, и выписывает из каталога их координаты. Затем негатив поступает на координатно-измерительную машину, которая с точностью до одного микрона определяет положение звезд и изображение спутника на негативе.

Теперь все данные есть. Остается только произвести математические вычисления, чтобы определить координаты спутника на небесной сфере. Но если бы этим занимались люди, то потребовался бы большой штат вычислителей. На помощь приходит счетно-электронная машина. Она стоит в просторном двухсветном зале. В высокие окна с любопытством заглядывают ветви елей. Мягко гудит мотор, вспыхивают и гаснут лампочки, черной змейкой ползет лента с программой вычислений. А в стороне — аппарат, похожий на автоматическую кассу, печатает конечные результаты вычислений.

...Мы покидали станцию вечером. Небо было ясным, и когда, сделав поворот, дорога вышла из лесу, мы увидели улицу Спутников. Крыши павильонов были открыты. Астрономы готовились к очередному наблюдению.

В объективе — спутник.

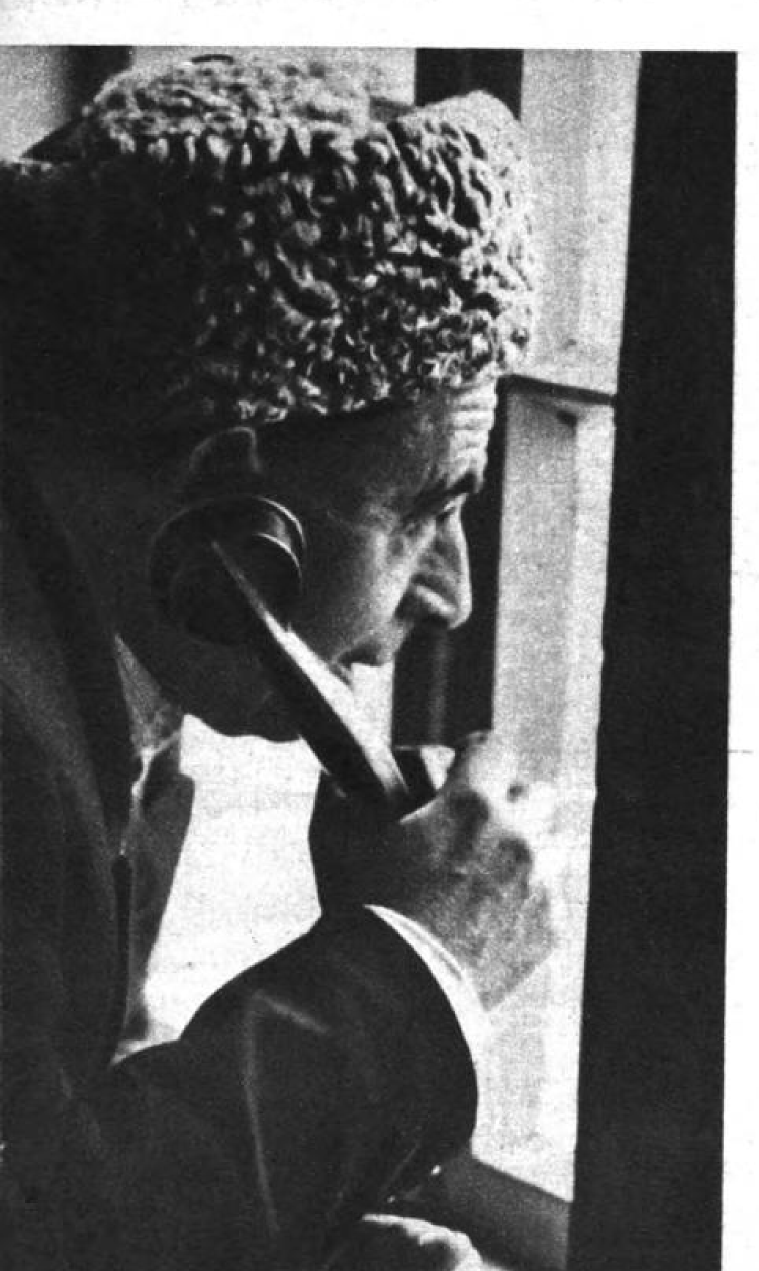
Над станцией проходит советский спутник.

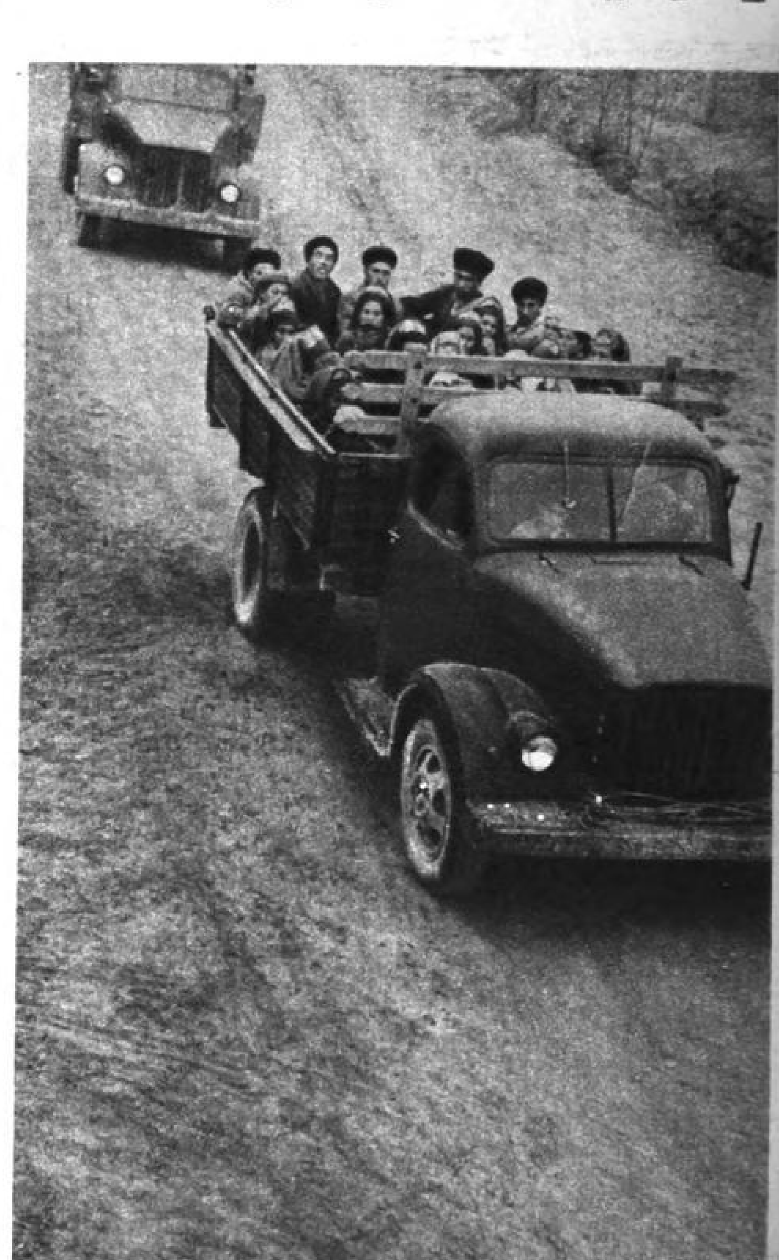
Счетно-электронная машина. Определение координат спутника на небесной сфере.

Это москвичи из колхоза «Москва». Населяют его почти шесть тысяч человек. Они умеют собирать хороший хлопок, растить сады, строить дома — делать все то, что нужно колхозу, стране. Познакомьтесь с ними. Парторг Мухамедкули Аннаев, сборщица хлопка Гозель Глиджиева, ветеран колхоза Гулли Бегмиев, колхозник Балли Оразов, врач Ходжа Карамрадов (он учился в Ашхабаде и вернулся в родные места), заместитель председателя колхоза, дочь пастуха 26-летняя Огульбабек Илясова, еще один ветеран колхоза Илли Халмурадов, главный врач колхозной больницы Реджип Мамиев, счетовод Какаджан Атаев, колхозник Эмир Бекиев. Многих, конечно, нет на этом снимке. В том

„МОСКВА" И М

А это председатель Джумадурды Атаджанов. Двадцать пять лет стоит он во главе колхоза. По праздничным дням на лацкане его пиджака поблескивает золотая звездочка — он Герой Социалистического Труда. Его колхоз — участник выставки в Москве. В весенние дни у председателя дел — не счесть! Появился утром на полчаса в правлении, а там, смотришь, запылил его «газик» по дороге: председатель поехал в РТС, потом в поле, а к вечеру еще надо успеть на совещание в обком.
В прошедшее воскресенье за кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Джумадурды Атаджанова москвичи отдали свои голоса.
←

→
Утром на московских улицах слышится шум машин. Москвичи отправляются в поля, на работу.

числе и агронома Аннаберды Курбаналиева. Уже второй год он далеко от родных мест, на Кубе. Он помогает далеким друзьям научиться искусству хлопководства. И делает это, очевидно, неплохо. В письме, которое пришло недавно, он пишет, что вырастил хороший урожай и кубинские друзья просят его остаться подольше.

ОСКВИЧИ

Борис **КУЗЬМИН**, Александр **СЕРБИН**

Вот как выглядит московская земля: аккуратные квадраты, словно страница из огромной тетради в клеточку; узкие арыки, по которым бежит коричневая вода; она заливает квадраты, чистое небо отражается в водной глади, и кажется, будто здесь много-много квадратных голубых озер. Это хлопковые поля.

А между полями тут и там — песок. Знойный ветер закручивает его в столбы, из песка торчат желтые, сухие кусты колючек, рыжий неуклюжий суслик улепетывает от проезжей машины со всех ног. Это аванпосты Каракумов. Пустыня рядом, рукой подать — каких-нибудь пятьдесят километров.

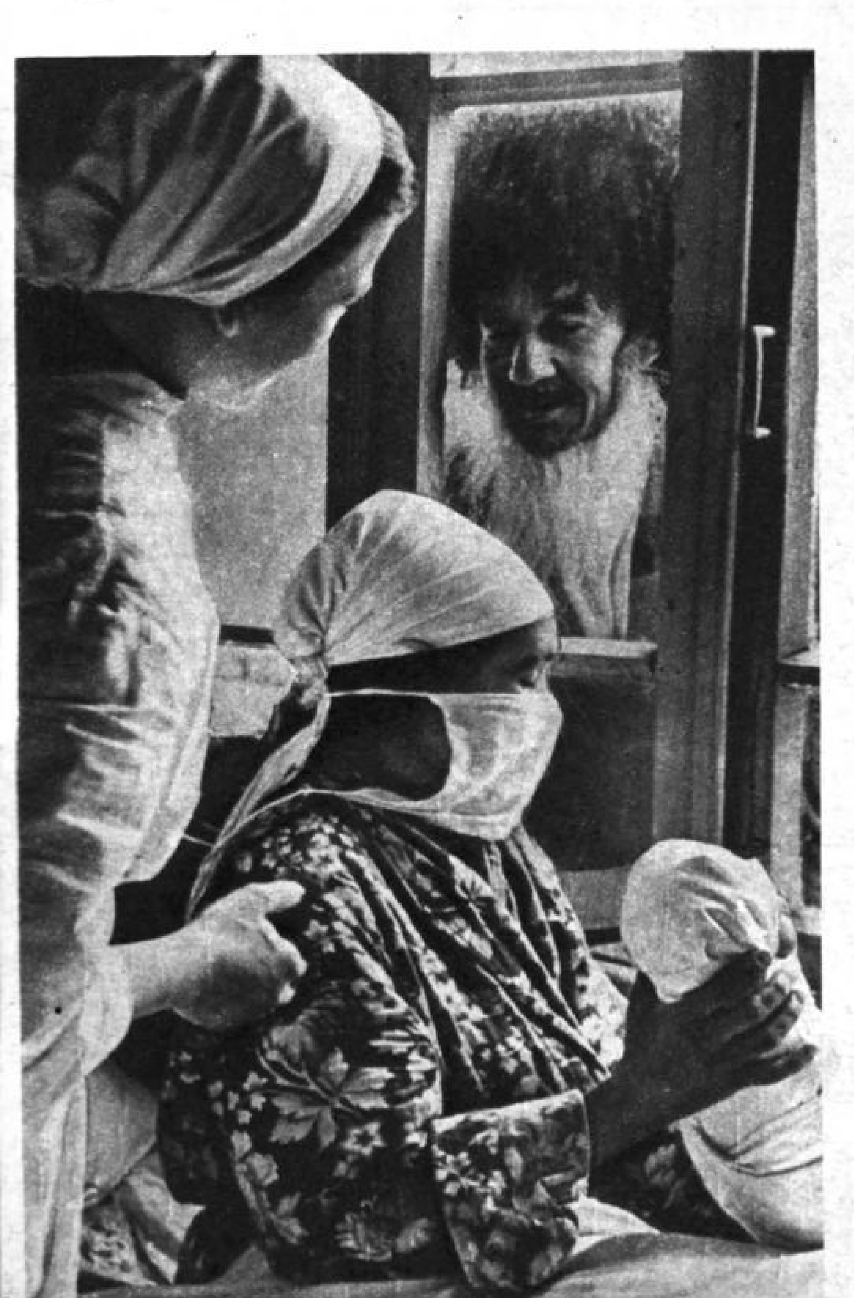
Но земля эта все-таки московская. Потому что принадлежит она туркменскому колхозу, который называется «Москва».

Здесь, где Мургаб-река, текущая с гор Афганистана, распадается на множество рукавов, люди занимались земледелием издревле. Но туркменские москвичи начинают свою историю с тридцатых годов нашего века, когда «большевики пустыни и весны» принесли сюда идею коллективного труда.

«Москва», конечно, не сразу строилась. Но менялось тут все очень быстро.

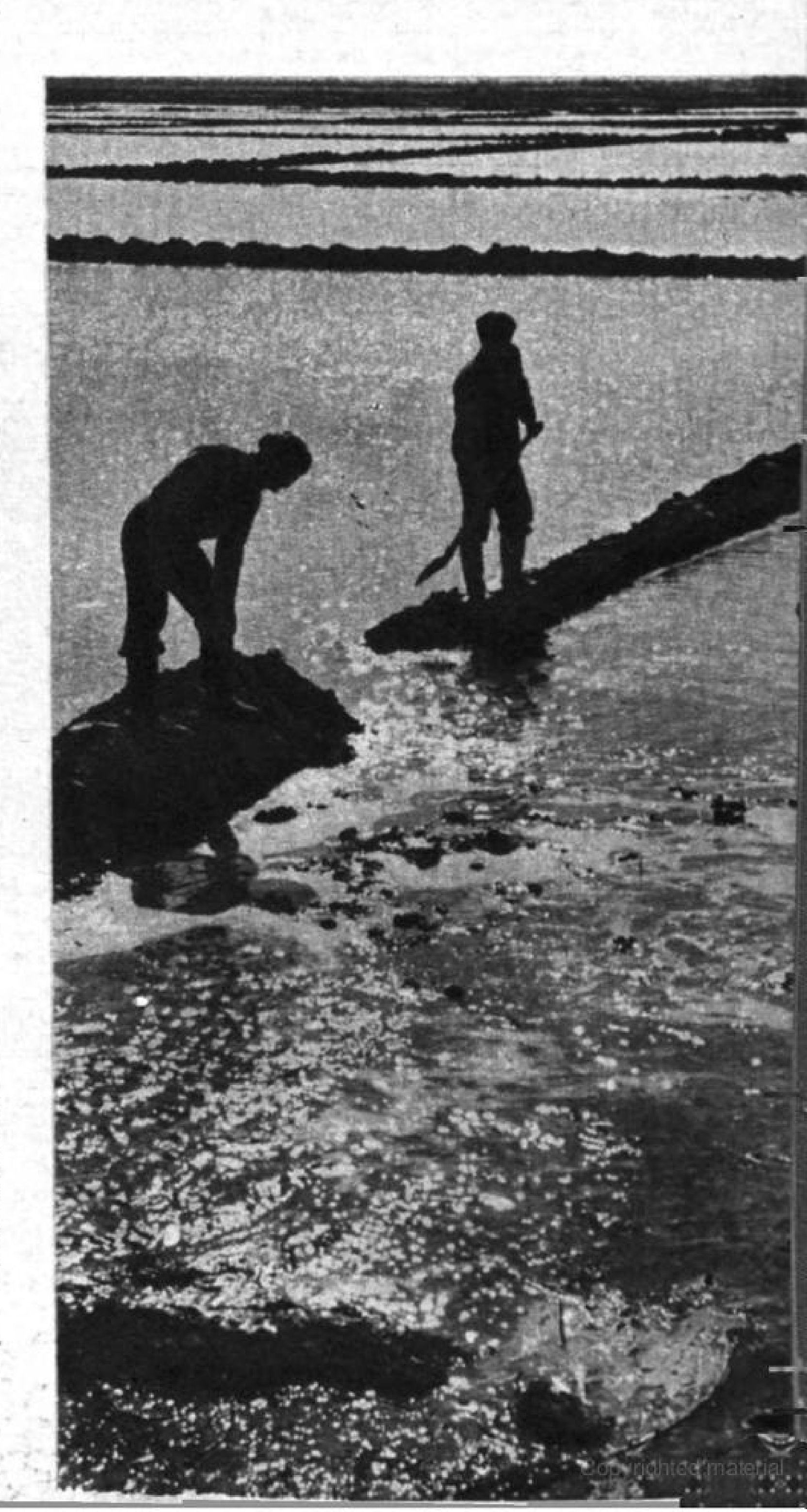
Сын батрака, ровесник колхоза Мухамедкули Аннаев сейчас руководит парторганизацией в «Москве». Родился Мухамедкули в кибитке, учился в школе, которая была единственным беленым зданием в колхозе, готовил уроки при свете керосиновой лампы. Сейчас он живет в двухкомнатном доме, его дети ходят в колхозный детский сад, а потом пойдут в школу. Школ несколько. Когда в «Москве» строили клуб, колхоз специально приглашал мастеров расписывать в нем стены и потолки. Все изменилось вокруг: и люди, и дома, и земля. И даже Мургаб, который протекает по московским землям, не тот, что прежде. В тресте «Туркменгидрострой» — он ведет по пескам Каракумский канал — эту часть реки называют теперь «семнадцатым спуском». Уже не вода с гор Афганистана, а живительная влага Каракумского канала течет по древнему мургабскому руслу.

Тезка столицы Союза колхоз «Москва» начинает новую весну. Она особенная, эта весна. Пленум Центрального Комитета поставил новые задачи перед хлопкоробами. Москвичам предстоит поднять урожайность хлопчатника на своих полях. Много работы у них и по животноводству. Задачи большие, но и силы у москвичей немалые.

Эта весна — первая для маленького москвича, который родился в колхозном роддоме 24 февраля. Подошел к окошку старый Атаджан Джумаев, участник борьбы с басмачами. «Как живешь, внук? Как аппетит? Смотри, Халигозель, хорошенько корми малыша, пусть растет на радость деду!»

И вырастет москвич на туркменской земле здоровым, счастливым!.. ←

Непростое это дело — вырастить хороший урожай хлопка. Машины вспахали землю, машины разровняли почву под полив, машины будут сеять, но все равно пока еще не обойдешься без человеческих рук. На полях, залитых водой, работают поливальщики. →

Верность

(Из лирического дневника)

Константин МУРЗИДИ

* * *

Ленин — вождь, боевой оратор —
По профессии — литератор.
Я об этом узнал давно.
Даже, помню, читал про это
Ладный стих одного поэта.
Не задумался все равно.
А теперь, словно проблеск света,
Та страничка из партбилета,
Та, где ленинскою рукой
Было выведено когда-то
Знаменитое: литератор.

Литератор. А вот какой?
За дубовым столом сидящий?
По бумаге пером водящий?
Мастерок словесной игры?
Это слово по-русски значит —
И никто не переиначит! —
Переделывающий миры.

Помни, суть эту забывающий,
На безделках преуспевающий,
Помни и передай другим:
В современники и в товарищи
Мне подходит не подпевающий,
А поющий
партийный гимн!

* * *

Гостей партсъезда мы встречали —
Один другого вряд ли знал,—
И зал, взволнованный речами,
Запел «Интернационал».
И голоса слились мгновенно.
Мы люди самых разных стран,
А пели стройно, вдохновенно —
Нам был запев единый дан.

Волной накатывалось пенье,
Шло, нарастая, к ряду ряд,
Как будто в гору по ступеням
Взбегал штурмующий отряд.

И тот, кто слов иных не помнил,
Петь тоже не переставал:
Он вспоминал их в этом хоре,
В самом звучанье узнавал.

* * *

Влюбленный в красоту земную,
В земную жизнь, в страну родную,
Не может честный человек
Начать войну по доброй воле,
Лишь зубы сжав от страшной боли,
Он будет бить — врагу в ответ.

А всей земле давно известно,
Что я живу на свете честно.
Пусть положится на меня
Трудолюбивая планета,
И пусть поймут все страны света:
Я не открою вдруг огня.

Я весь в работе, в добром деле,
Я устремлен к заветной цели,
Я безраздельно отдан ей.
А буду вынужден — не скрою:
Я громовой огонь открою
В защиту Родины своей!

* * *

Вот полюбуйся, товарищ,
Доброй работой ткачей.
Ты их, надеюсь, похвалишь
Просто, без громких речей.
Этой материи хватит —
Штука безмерной длины! —
И на весенние платья
И на знамена страны.
Этой материи хватит —
Необычайный моток! —
И на узорную скатерть
И на девичий платок.
Этой материи хватит —
Сверток не знает конца! —
И на костюм космонавта
И на рубашку бойца.
Хватит материи этой —
Крепко сработали мы! —
И на сарпиночку лета
И на холстинку зимы.
Хватит материи этой —
Горы ее у меня! —
И на полоску рассвета
И на полотнище дня.
Хватит материи этой —
Столько ее нанесли! —
Сини небесного цвета,
Зелени мирной земли.
В ситец и в шелк одевайся —
Будет приятно ткачу —
И навсегда оставайся
Верен во всем кумачу!

* * *

В Москве все больше новых зданий,
Все больше в ней красивых мест...
Взамен закрытых заседаний —
На всю страну партийный съезд.

Не по особому декрету —
Проходят, сердце веселя,
По театральному билету
В ворота Спасские Кремля.

И было странным лишь сначала,
Что это так, лишь с первых дней
От удивления качало,
Потом пошло ровней, ясней.

Мир в самом главном неизменен,
Не отступил от своего.
И всюду Ленин, всюду Ленин,
Как в годы детства моего.

К 30-ЛЕТИЮ КАРАКАЛПАКСКОЙ АССР

У колодца Терень-Кудук, на плато Устюрт, выросла буровая скважина. Разведчики Каракалпакской конторы бурения ищут здесь нефть и газ. Вертолет только что доставил сюда новое оборудование.

Фото автора.

ТРИ ЦВЕТА

Два цвета бросятся в глаза человеку, который посмотрит на этот край сверху. Желтый и синий. Желтое море песка и голубые островки воды. Не случайно море, омывающее Каракалпакию с севера, называется Аральским. «Арал» значит остров.

Там, где желтый и синий цвета соприкасаются, они словно бы смешиваются и рождают на своих границах третий цвет — зеленые пятна оазисов. Почти вся зелень, которая возникла здесь, в краю каменистых и песчаных пустынь,— это творение рук маленького, но упорного и трудолюбивого народа. Хлопковые и рисовые поля, тополевые аллеи, тутовые рощи...

За короткий исторический срок республика совершила стремительный скачок от патриархально - феодального строя к социализму. Сегодняшняя Каракалпакия — это страна современного земледелия и бурно развивающейся промышленности. В краю, где из тысячи человек лишь пять-шесть могли читать и писать, открыты свои техникумы и институты. А недавно создан филиал Академии наук Узбекской ССР.

Каракалпакский народ вносит свою лепту в общее дело создания изобилия. В прошлом году республика сдала государству 219 тысяч тонн хлопка. Рыбные консервы Муйнакского завода можно встретить в магазинах Ташкента и Свердловска, Киева и Алма-Аты. А семена каракалпакской люцерны, каракалпакский каракуль — сур — славятся и за океаном. Новая статья вывоза из республики — пушнина. В дельте Аму-Дарьи создан крупный звероводческий центр. Он поставляет мех ондатры, норки, песца, чернобурой лисы.

В ближайшие годы карта республики сильно изменится. Гигант бумажной промышленности вырастет в районе Кунграда. Он будет вырабатывать из камыша картон, целлюлозу, бумагу. Через Каракалпакию пройдет трасса газопровода на Урал. Рисовые совхозы закладываются на орошаемых землях. В пустыне и на плато Устюрт создаются новые центры каракулеводства и верблюдоводства.

Желтому цвету на карте Каракалпакии придется потесниться!

Вл. КРУПИН

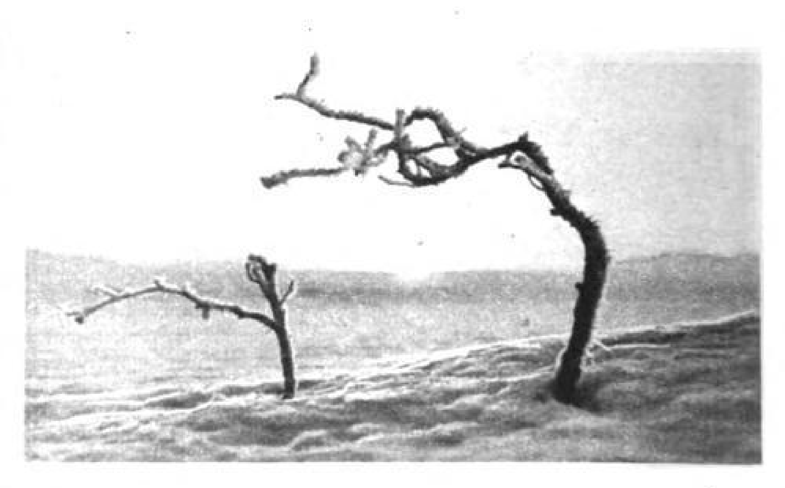
Первый весенний луч

Дыхание весны коснулось и Заполярья. Над далекой Чукоткой взошло солнце. Еще тускло и скупо льет оно свой свет на заснеженную тундру, но навстречу его лучам из-под толщи снегов пробиваются тонкие стволы карликовых березок.

Одиноко, сиротливо выглядывают они из-под пушистого покрывала, ожидая прихода тепла, чтобы одеться в зеленую листву и своим скромным нарядом скрасить однообразие тундры.

И. СОЛОВЬЕВ

Фото автора.

Б. Домашников (Уфа). НОВАЯ ОКРАИНА.

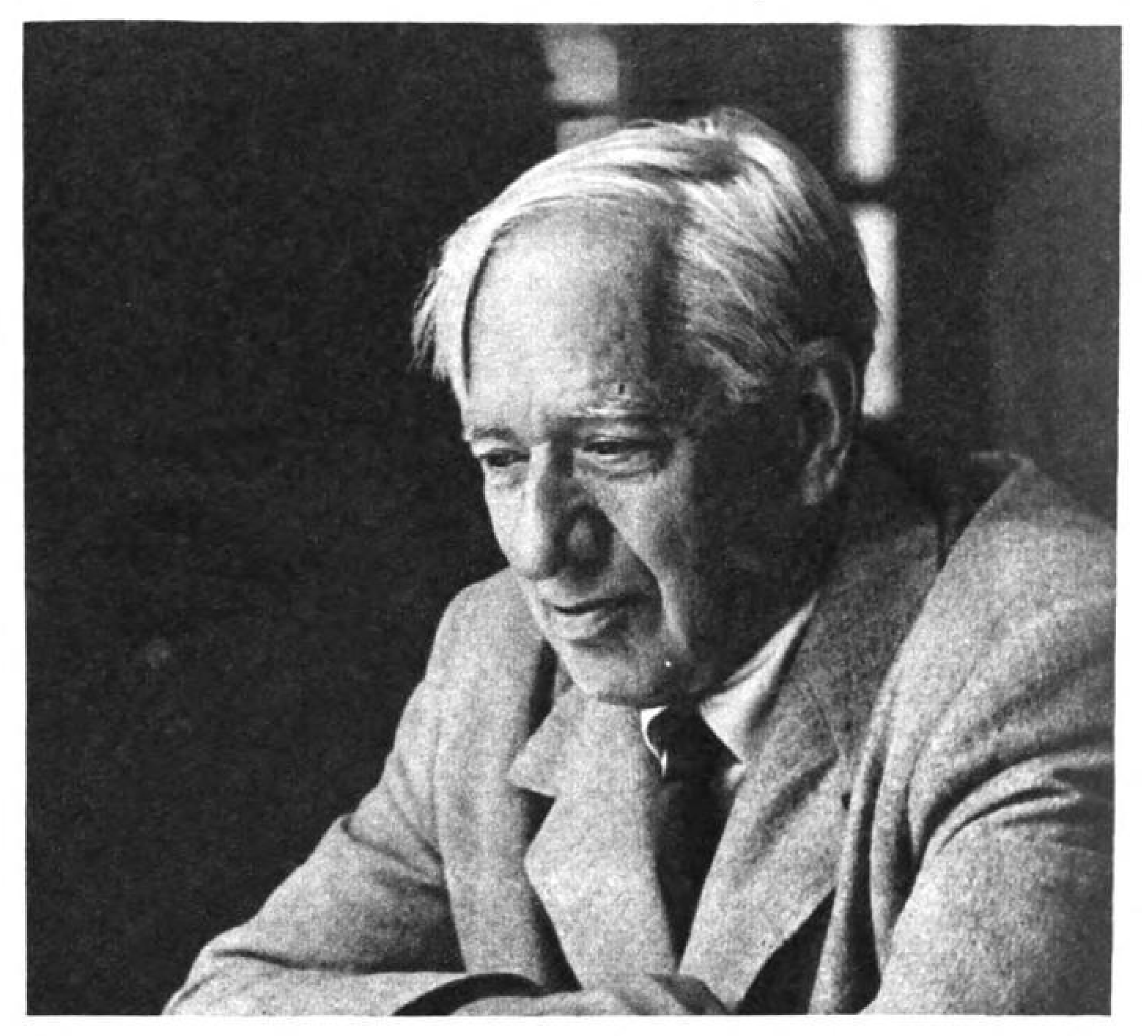
Из серии «Уральский городок». Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

С. Лысин (Казань). НА ПРОСТОРАХ ТАТАРИИ. Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

А. Даниличев (Москва). ЛЕНИНГРАД. ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ. Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Каждый день на рассвете

Корней Чуковский. К 80-летию со дня рождения.

Фото И. Тункеля.

Валентин БЕРЕСТОВ

Общение с Корнеем Ивановичем Чуковским никогда не бывает будничным.

Муха, муха, цокотуха,
Позолоченное брюхо!
Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Услышав эти строки, малыш, который едва лепечет и еще не может правильно произнести половину согласных звуков, отрывается от игрушек, в его глазах вспыхивает живой и радостный интерес, он всем своим существом включается в игру, полную действия, событий, приключений, веселья. Творится доброе дело: муха с позолоченным брюхом вводит его в мир, казалось бы, элементарных, но подлинных человеческих чувств — малыш радуется добру и веселью, презирает трусость, ненавидит зло. И вместе с тем он радуется живому полновесному слову, заражается ритмами, интонациями, отвечает вдохновением на вдохновение поэта, входит в мир поэзии.

А как великолепно сам Корней Иванович играет с детьми! Я помню его в красочном уборе индейцев, слышу, с каким увлечением он читает малышам свои сказки, пересказывает замечательный древнегреческий миф про Персея и Андромеду, вижу, как потом вместе с ребятами он бродит по лесу, хохочет, шалит, жонглирует палкой, которая ему нужна явно не для того, чтобы на нее опираться. А ежегодные костры «Здравствуй, лето!» и «Прощай, лето!» с традиционной платой за вход — еловыми шишками! А детская библиотека, построенная Чуковским, где все предусмотрено: и игрушки для малышей и специальные скамейки на свежем воздухе для нетерпеливых читателей, — есть же такие энтузиасты, которые не в силах идти до дому, если у них в руках интересная книжка.

Чуковский не только друг детей, не только детский писатель. Это выдающийся исследователь детской психологии, детского творчества, автор «От двух до пяти», книги, не имеющей себе равных в литературе. Эта книга, над которой Чуковский работает из года в год, не научно-популярная, а просто научная и просто популярная, открыла многим взрослым прекрасный мир ребенка — неутомимого исследователя и творца, повысила самый уровень общения взрослых с малышами, помогла многим из нас увидеть в ребенке человека будущих времен. И когда Чуковский пишет, что «древнее, тысячелетнее, рабье неуважение к ребенку... могла истребить лишь наша эпоха», мы вспоминаем, какую борьбу вел писатель с формалистами, обывателями, халтурщиками, борьбу за сказку, за фантазию, за детскую творческую мечту.

«В наше время,— пишет он,— в эпоху осуществления самых размашистых научно-социальных фантазий, которые еще так недавно казались безумными сказками, нам нужно во что бы то ни стало создать поколение вдохновенных творцов и мечтателей всюду, во всех областях — в науке, технике, агрономии, архитектуре, политике». Во что бы то ни стало! Страстная целеустремленность пронизывает всю книгу.

...Площадь районного городка. Радиорупор над ней никогда не выключается, все к нему привыкли, словно его и нет. Но вот над площадью звучит голос, к которому невольно прислушиваются, тут и там останавливаются люди, увлеченные передачей: Чуковский говорит о Некрасове.

Все, кто знает Корнея Ивановича, помнят то особое чувство приподнятости, бодрости, свежести, которое испытываешь при каждой встрече с ним. Я был четырнадцатилетним мальчишкой, когда показал ему первые свои стихи. Встреча с Чуковским изменила всю мою жизнь. Со мной, как и со многими молодыми и немолодыми литераторами, он был удивительно щедр, доброжелателен и строг. Незаметно для меня он воспитывал мой вкус, вводил в мир большой литературы. В его великолепном исполнении я впервые услышал и «Колокольчик» Полонского, и «Сон Попова» А. К. Толстого, и «Весну» Тютчева, и «О доблестях, о подвигах, о славе» Блока, и рассказ Слепцова «Питомка», и «Знаменитого Павлюка» Нилина, и «Королеву Элинор» в переводе Маршака, и «Страну Муравию» Твардовского.

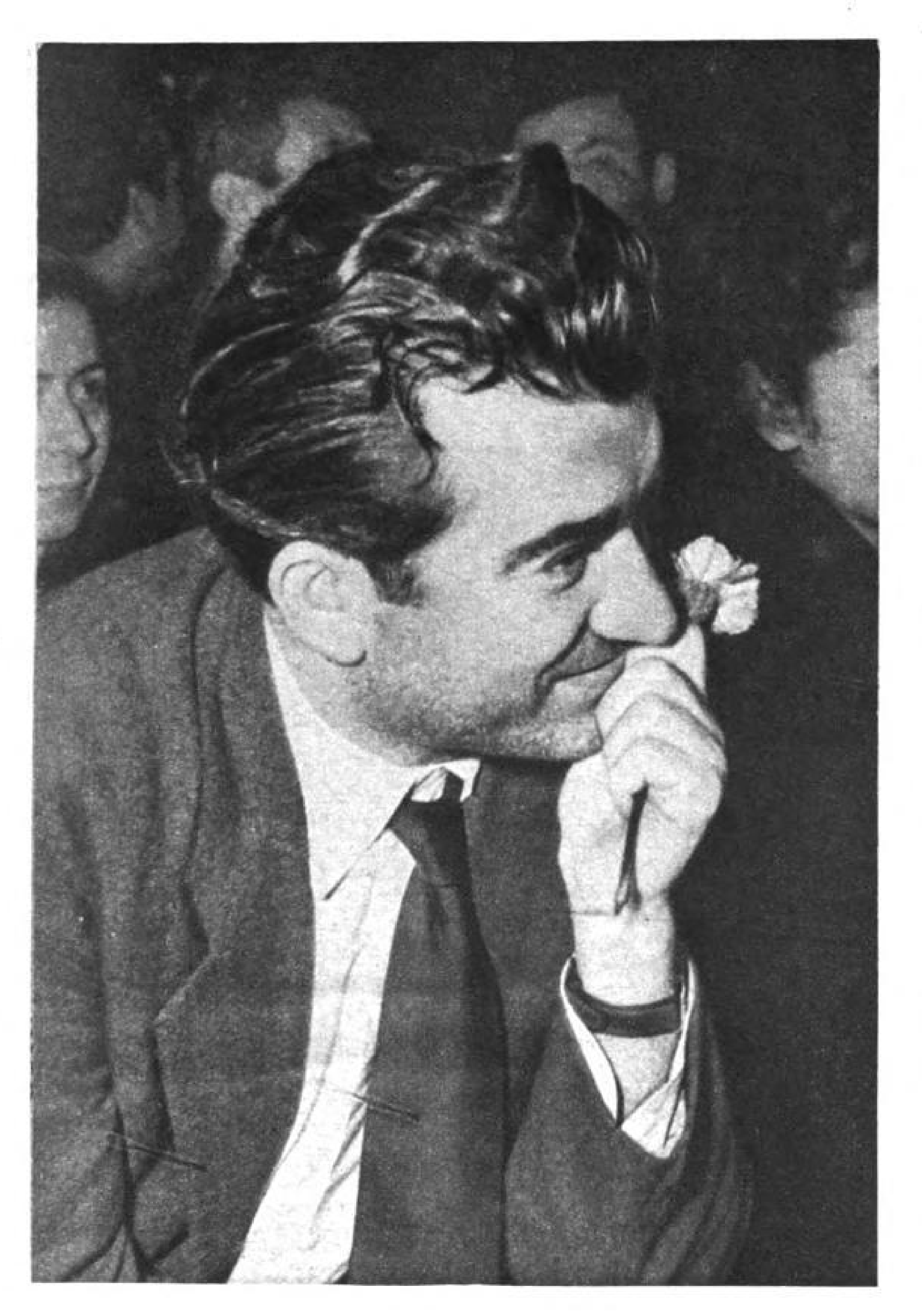
Помню чудесные прогулки по весеннему Ташкенту, по зимней Москве, стихи, шутки, поиски какого-то мальчика, приславшего Корнею Ивановичу рисунки к его сказкам. Мальчик сообщил, что он болен, и Чуковский решил обязательно навестить его. Но, увы, маленький художник, указав номер квартиры, забыл про номер дома. Мы обошли все дома на этой улице, и почти везде Корнея Ивановича узнавали, завязывались веселые разговоры, звучал смех. Малыша так и не нашли: он, оказалось, перепутал и номер квартиры. И тут Чуковский спохватился: забыл купить клей, а магазины уже закрылись. Зашли за клеем в одну редакцию, снова каскад шуток, рассказов, стихов. Все забыли про цель его прихода, в том числе и сам Корней Иванович. Но когда он уходил, одна из сотрудниц преподнесла ему пузырек с клеем, и мгновенно родился экспромт:

О похитительница клея!
Ты сердце бедного Корнея
Так приклеила к своему,
Что не отклеиться ему.

Откуда эта неиссякаемая жизнерадостность, боевой задор, остроумие, энергия, молодость? Где, на каком поле битвы удалось ему, восьмидесятилетнему богатырю, победить старость?

...Каждый день в течение долгих лет он встает на рассвете и садится за работу, молчаливый, озабоченный, строгий, совсем не похожий на того кипучего, любящего движение и оживленное общество человека, каким мы его знаем. Здесь, за письменным столом, в каждодневном сосредоточенном труде, вновь и вновь возрождается и растет сила его таланта, его любовь к жизни. И вот он кончает свой дневной урок, распрямляет плечи и с детской жадностью включается в окружающий мир. Этим он очень напоминает всех настоящих мастеров своего дела, будь они художниками, рабочими, агрономами, конструкторами.

И я верю, что любовь Корнея Ивановича Чуковского к русскому слову, его неустанный размеренный труд дадут ему новые силы, здоровье и долголетие на радость большим и маленьким читателям.

КАК БЫЛ УБИТ Б

Одиссей **КОРФИАТИС**

Я увидел его в тот момент, когда он стирал белье в лохани из цемента на тюремном дворе. Правильнее будет сказать — когда он пытался это делать. Обе руки его были изранены. И это очень мешало ему. К тому же было холодно, зима стояла у порога. Я подошел, взял у него рубашку.

— Давай,— сказал я,— помогу тебе. Не суй свои раны в холодную воду.

— Можно подумать, что ты здоров! Помоги выполоскать этот рукав. Я буду держать за другой конец. Вот так! Вместе.

Пока мы выжимали его рубашку из грубой ткани, он продолжал говорить:

— Понимаешь, это еще и от неподвижности. Разучился: сколько времени в строгой изоляции! Целый год проморили меня!..

— Держи, но сам не крути. А то уроним белье в грязь.

— Тише! Руку мне сломаешь... А я еще не закончил свою работу по греческой литературе.

— Как она идет?

— Разве здесь можно по-настоящему работать? Мне еще повезло: я нашел одного охранника с хорошей привычкой читать. Любителя книг. Вот я и уговорил его покупать для меня книги. Он приносил по одной, я прочитывал, а потом дарил ему. Платить мне, конечно, приходилось вдвойне. Плут был не только подпольным любителем чтения, но и спекулянтом. Что поделаешь? Взамен он мне давал бумагу от сигаретных коробок и хранил мои записки. Как идет работа, говоришь? Я ее ужимаю. Потому что, того гляди, и нас прижмут. И на сей раз уже как следует...

Стирка окончилась. Я подпрыгнул и повесил белье на решетке двора.

— А теперь пошли выпьем кофейку, — предложил я.

— А есть?

— Есть пустые коробки из-под кофе. Может, вытрясем из них что-нибудь.

В тюрьме тебе скорее дадут лом, чтобы рушить стены, чем позволят выпить кофе. Тебя, видишь ли, считают человеком второго сорта. Впрочем, может быть, это делают потому, что на кофе тюремщики довольно удачно спекулируют.

А ведь ты человек, и тебе хочется выпить кофейку — хотя бы в воскресенье. Да если к тому же ты еще и осужден на смерть! Ну как тут без кофе?!.

Никос не провел еще и двух недель в нашей тюрьме, в Керкире, после того как его в первый раз приговорили к смертной казни. Он был еще «гостем». И, к сожалению, так и остался нашим «гостем». Мы раздобыли на местном «черном рынке» кофе, мешочек — граммов сто. Принес его надзиратель, получив 200—300 процентов прибыли.

Мы поднялись ко мне в камеру. На самый верх. Я свертывал трубочкой коробки от сигарет и зажигал их под консервной банкой, изображавшей кофейник. А он продолжал разговор:

— Мне, видишь ли, надо во что бы то ни стало продержаться. Они спешат разделаться со мной.

— Что еще могут они теперь придумать? Все, что можно и чего нельзя было выдвинуть в качестве обвинения против тебя, они выложили на Чрезвычайном. Или, черт побери, все предрешено с самого начала?

— Как бы то ни было, всю эту историю с радиосвязью они состряпали не без умысла. Затевают новый процесс.

Как раз в те дни, в середине ноября 1951 года, Афины были взбудоражены известием, будто захвачены рации КПГ, секретные коды, шифры. И началась дикая свистопляска антикоммунистической пропаганды. Стали поговаривать о новых судебных процессах. Впутали в это дело и Белоянниса.

— Им нужна кровь! За вступление в НАТО нужно платить. И в этой подлой игре человеческие головы — разменная монета.

Он перебрал пачку писем, вытащил письмо для Никоса, отдал ему. А мне сказал:

— Завтра получишь.

Так утешали тех, кому не было писем.

— От адвоката.— Никос распечатал письмо. Не успев прочитать и двух строк, воскликнул:

— Ну, что я тебе говорил? Слушай, что он пишет.

Адвокат писал обстоятельно. Улики против Белоянниса были опровергнуты, но было еще неясно, какие дальнейшие планы у судей Никоса. Ясно одно: готовится новый процесс. Никоса замешали в дело о «коммунистических радиостанциях». И в процессе — это гвоздь. Дело «по обвинению в шпионаже» будет слушаться в трибунале. «На основании чрезвычайного закона 375», изданного при диктатуре Метаксаса[3]. Каждая статья закона 375 — смерть!

— Третий декрет больше не годится,— заметил Никос.— Изобретен шпионаж. Коммунист? Значит, шпион. Расстрел!

И, обернувшись ко мне:

— Им надо оклеветать нашу партию, выдав ее за партию шпионов. Но это не удастся, тверд орешек. Помяни мое слово, дело идет к тому, чтобы узаконить преследование коммунистов в международном масштабе. Только палка-то о двух концах. Но об этом поговорим на процессе.

Снизу донесся скрип тяжелых ключей в железных дверях. Вошли надзиратели и стали запирать нас по камерам. Мы поднялись и только тогда заметили, что наш кофе остыл, забытый...

Наутро вся тюрьма гудела о том, что Никоса будут снова судить.

Мы все понимали, что это значит. Но старались отогнать мрачную мысль.

— Пойдет ли Пластирас[1] на такое преступление?

— Что Пластирас! Командуют-то американцы. Иногда Пластирас вспоминает, что вышел из народа. А что толку? Во-первых, он очень болен, его не спрашивают ни о чем. Во-вторых, решающее слово имеет только Перифуа[2] и ИДЕА, этот фашистский союз солдафонов. И, в-третьих, именно Пластираса заставят возглавить кампанию казней. Хотят этой кровью помешать объединению демократических сил. Видишь, сколько зайцев собираются убить одним ударом?

Между тем кофе закипал.

— Пусть чуточку остынет,— сказал я.— Жжется металл. Те, кто пьет его из фарфора, кое-что понимают!

— Мне нравятся толстые чашки... Такие вот...

Но тут вошел староста камеры.

— Письма раздавали,— сказал он.— Товарищ Никос, тебе письмо.

В течение четырех с половиной месяцев наша тюрьма вместе с греческим народом, вместе с прогрессивным мировой общественностью и всеми друзьями мира жила в беспрерывной тревоге. Опасения. Надежды. Гнев. Мы испытали всю шкалу переживаний, вызванных этим потрясающим делом.

От газетных сообщений уже несло запахом крови. Заявления официальных лиц — настоящий бред опьяненных кровью. Военный министр адмирал Сакелларию 10 января 1952 года заявил в парламенте о «группе Белоянниса»:

— В качестве военного министра я уже предал казни двадцать человек. Даю слово, что казнены будут все!

Он уже принял решение! Суд был излишней роскошью. Но необходимой для пропаганды террора.

Газеты, в частности правые, подчеркивали жуткую роль американцев. Писали: «Американский поверенный в делах г. Йост посе-

---

[1] Тогдашний премьер Греции. Известен по событиям 1922 года, после которых в стране была установлена республика 1924—1935 годов.

[2] Посол США в Афинах.

[3] Метаксас — реакционный политический деятель Греции, установивший в стране фашистскую диктатуру. Был у власти до 1941 года.

тил вице-премьера... Стало живейшим образом проявляться беспокойство союзнического фактора (так именовались США) в отношении политики, которой придерживается правительство в вопросе преследования коммунизма... Этот интерес (к эффектному уничтожению действующих в Греции коммунистов) официальных кругов Вашингтона подтвердил посол США Перифуа».

В те дни в греческом парламенте утверждалось «вступление» Греции в НАТО. А чтобы не было никаких сомнений в том, как его понимают империалисты и как они хотели бы отметить этот «прием», американские газеты подчеркивали: «Этот судебный процесс поднимет престиж Греции как члена Атлантического союза».

Мы встретились в дверях при выходе в тюремный двор. До того, как нас запирали вечером, оставалось еще полчаса.

— Кончил,— сказал он мне.— Только что. Устал. Пошли пройдемся. А завтра почитаем.

У наружной двери сектора (вся тюрьма была разделена на десять помещений — секторов) мы увидели собравшихся товарищей. Не успели ни о чем спросить, как услышали голос объявляющего: «Белояннис Николаос, на перемещение!»

Двое товарищей вытащили его вещи. Мы по очереди прощались с ним. Целовали его... Он ушел! Мы провожали его взглядом. Мыслями. Душой. И желали про себя вновь увидеться с ним, хотя и понимали, что увидеть нам его больше не придется, разве только на фотографии из зала суда, с красной гвоздикой в руке. Ему хотелось, чтобы такими были человеческие сердца, сама жизнь: как гвоздика, только что распустившаяся и ароматная...

и воинский начальник. Но кто мог поверить их заверениям в том, что нам не о чем беспокоиться? Мы перестали кричать, только когда они согласились, чтобы наша делегация пошла к Белояннису и оставалась с ним до утра.

...На суде лицом к лицу столкнулись два мира. С одной стороны — американский империализм со своим НАТО. С другой — борец греческого народа, коммунистический руководитель, его устами говорит наш народ. С одной стороны — война. Против нее — борьба за мир. С одной — грязная клевета. С другой — пламенное слово правды.

На этом процессе Белояннис становится подлинным обвинителем. «О патриотизме той или иной партии,— говорит он в своей защитительной речи,— ... можно судить лишь тогда, когда независимость, свобода и целостность нашей родины подвергаются опасности... КПГ — партия чисто греческая и патриотическая...» Он перечисляет бои и жертвы, которые понесли коммунисты Греции во имя родины. И бичует политику войны и американское засилье в Греции. «Мы убеждены,— говорит он,— что, если Грецию втянут в новую войну, эта война принесет ей только гибель... Новая война не должна застать Грецию в лагере, противоположном Советскому Союзу, с которым нас ничто не разделяет и которому мы в конечном итоге обязаны своей свободой».

В противоположность войне, голоду, грабежу, которые несет народам империализм, Белояннис высоко поднял знамя коммунизма. «Мы,— провозгласил он в заключение защитительной речи,— верим в правильность теории, рожденной умами самых передовых людей. И смысл нашей борь-

жение несколько ослабевало. Так было годами: по воскресеньям — день бога! — людей не казнили. Первая заповедь гласит: «Шесть дней делай (и приговоры приводились в исполнение), день же седьмый господу, богу твоему» (палачи отдыхали).

И в то воскресное утро одни бродили по двору, другие мыли котелки, подметали камеры... И вдруг: «Сегодня утром, незадолго до восхода солнца, в обычном месте казней...»

Мы окаменели, приросли к месту. Крик «Убийцы!» заглушил продолжение передачи. Было слышно только «Белояннис». Но и без того мы уже поняли, к о г о «в обычном месте казней...». Молча бросили мы все дела и разошлись по камерам, объявив двухдневную забастовку в знак протеста против казни, в знак траура по герою.

Календарь показывал 30 марта 1952 года. Это было десять лет назад!

Мы внесли эту дату в летопись героических свершений нашего народа.

Заглавными буквами вписали мы ее в жития святых мучеников нации.

Помните слова Бальзака о том, что из всех семян, высеваемых в землю, кровь героев дает самый богатый урожай.

...Пришли газеты. Трагедия произошла в 4 часа 12 минут, при свете прожекторов! Ночью дула двадцати четырех американских винтовок выплюнули смерть в тело героя. В это время он воскликнул: «Да здравствует Компартия Греции!»

Далее в газетах говорилось: «Белояннис был абсолютно спокоен, владел своими нервами и проявлял характерную невозмутимость... В тот момент он произ-

ЕЛОЯННИС

Ночью, как дрожь, по всей тюрьме разнеслась весть: Никоса заключили в одиночку! В одиночные камеры заключали смертников, которым наутро предстояла казнь. Нельзя было терять ни секунды. Тревога! Мы вскарабкивались на решетки окон. Они были высоко, под самым потолком. Одни подставляли спины, другие взбирались на них. И выставляли в зарешеченное окно бумажный рупор. В момент мы подняли на ноги весь город.

— Народ Керкиры! Американские палачи убьют Белоянниса. Только что его поместили в камеру смертников. Никос Белояннис в опасности! Демократический народ Керкиры! Вставай, спаси народного борца! Немедленно сообщи в Афины! Спаси борца за мир! Амнистию! Спасите Никоса Белоянниса!

Шестьсот голосов скандировали эти слова! Шестьсот сердец заряжали каждый слог взрывчаткой своего гнева! Словно судорога пробежала по городу. Люди выбегали на улицы. Некоторые тут же звонили в Афины и слово в слово передавали наше объявление. В тюрьму прибежали и прокурор, и начальник жандармерии,

бы заключается в том, чтобы эта теория стала реальностью как для Греции, так и для всего мира... Мы боремся за то, чтобы и для нашей родины настали лучшие дни, без голода и войны... И, если понадобится, мы пожертвуем ради этого своей жизнью. Я убежден, что, подвергая нас сегодня суду, вы судите борьбу за мир, судите Грецию».

И его осудили. Американцы и НАТО. Осудили и Мир и Грецию...

Все прогрессивное человечество поднялось на защиту Белоянниса. Все человечество бодрствует, тревожится.

Радио Афин начинало передавать первый выпуск последних известий в 7.15 утра. По воскресеньям — на час позже. Наши камеры открывали в восемь. Целый месяц мы взбирались на решетки с половины седьмого, чтобы в тревоге, затаив дыхание, прослушать последние известия из репродуктора, установленного во дворе. Целый месяц трепетали наши души. То нам казалось, что его убьют и никакой надежды нет! То, видя, что в его защиту поднялось все человечество, мы начинали верить, что его спасут!.. Только по воскресеньям на рассвете напря-

водил впечатление человека, старающегося охватить взглядом весь горизонт. В свете прожекторов на его лице вырисовывалась горькая улыбка».

«...Когда в семь часов утра открытая машина муниципалитета проезжала по улицам и кровь, капающая из машины, оставляла на асфальте красную линию, утренние прохожие с ужасом останавливались на тротуарах, снимали шапки. Многие крестились...»

На другой день после похорон на могиле героя был обнаружен венок с надписью: «Спи спокойно. Мы бодрствуем!»

Да, бдительно, самоотверженно, не сгибаясь борется греческий народ против войны. За свою независимость и демократию, за светлое будущее, которое в данный момент выражается самым главным: МИР! Идет борьба за то, чтобы осуществилось пожелание матери Белоянниса:

«...Пусть кровь моего сына, оросившая эту порабощенную землю, питает лишь цветы Мира. А его улыбка пусть станет даром всех героев на свете, чтобы не пришлось плакать другим матерям».

Афины, март 1962 года.

ОБРАЩЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ

В адрес нашего журнала пришло письмо от греческих политических ссыльных. Это письмо, написанное карандашом на тонкой бумаге, проделало длинный путь из тюремной камеры до редакционного стола. В нем говорится:

«Концентрационный лагерь на острове Агиос-Эвстратиос для греческих политических ссыльных.

Агиос-Эвстратиос, Греция

Ко всем демократам-антифашистам, друзьям мира, ко всем людям доброй воли.

Дорогие друзья!

С печального острова закованной в цепи Греции, из неофашистского лагеря Агиос-Эвстратиос, мы поднимаем наш голос протеста против преступления, которое состоит в том, что мы семнадцатый год в нарушение конституции находимся в ссылке без всякого обвинения и суда.

Наше место за семейным столом снова остается пустым. Хлеб становится ядом для наших смертельно измученных матерей и для наших детей, которые никогда не знали радости и отцовской любви.

Смертельным врагом вошла в наши палатки, расположенные в мрачных ущельях, семнадцатая зима нашей ссылки. Нам нечем бороться против жестокой природы. У нас голодный паек, нет лекарств и совсем нет одежды.

Наши тюремщики прибегают к всевозможным варварским карам. Они запретили нашим семьям посещать нас. Они лишают нас всего, они исподволь убивают нас. Мы очень хорошо это знаем! Силы насилия, несправедливости, войны хотят убить нашу душу, душу нашего народа.

Незаконное правительство, захватившее 29 октября 1961 года власть с помощью американцев и двора, ненавидит наше славное Движение национального сопротивления и снова приводит в нашу страну офицеров гитлеровской немецкой армии. Чтобы укрепить неофашистский режим и услужить поджигателям войны, оно бесстыдно растоптало нашу конституцию и демократическую законность. В то же время оно усиливает оргию террора, направленного против нашего народа, против всех сторонников оппозиционных партий.

Друзья во всем мире!

Белые, черные, желтые друзья всех рас, всех наций!

Наша прекрасная родина, наш отважный народ, наши мученики переживают критическое время.

Мы обещаем не склониться, какие бы преступления ни совершал фашизм. Мы обещаем принести любую жертву в любой момент для священного дела мира,

для триумфа демократии,

для национальной независимости,

для прогресса.

Фашизм не пройдет. Мощное большинство нашего народа, выступающего за демократию, преградит ему путь.

Дорогие друзья!

Мы глубоко тронуты той горячей поддержкой, которая шла от вас из всех уголков мира.

Помогите нам снова

разорвать в куски колючую проволоку, которая стала позором для Греции;

открыть ворота тюрем, чтобы освободить бойцов нашего Национального сопротивления и нашего национального героя Манолиса Глезоса;

преградить дорогу фашизму и подготовить триумф демократии;

повергнуть американских империалистов и их гитлеровских соратников;

прогнать с голубых небес нашей прекрасной страны черный кошмар ядерной катастрофы.

За политических ссыльных

П. КАТЕРИНИС,

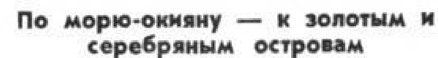
В. ВАРДИНОИАНИС»

Путешествия «Огонька»

Семен **ШУРТАКОВ**

Фото автора и Ю. Волкова.

По морю-окияну — к золотым и серебряным островам

Сахалин лежит далеко за восточным краем нашей земли, а мы отошли от острова и берем курс еще дальше на восток.

Когда-то, еще и двести и триста лет назад, этим же путем на восток, «встреч солнца», шли отважные русские мореходы. Шли на утлых лодиях, кочах, гвозденниках, байдарах, без приборов, без карт, на авось. Недаром одно из судов тех времен так и называлось: «Авось».

Около трехсот лет назад среди моряков получила распространение легенда о том, что северо-западнее Японии расположены острова Кенсима и Генсима, что первый из них покрыт слитками золота, второй — серебра и что испанцы видели их впервые еще в 1584 году. Для проверки этих слухов голландцы направляют одну экспедицию, а когда та возвращается ни с чем,— другую. Далеконько, что и говорить, да уж очень хочется найти золотые и серебряные острова! Вторая экспедиция во главе с капитаном Де-Фризом также не нашла искомых островов.

Ходили в эти неведомые места и русские землепроходцы, мореплаватели, и вот какой наказ был дан одному из них — Василию Севастьянову,— посланному Петром Первым с целью «проведывания островов».

«...приложить тщание к сыску иных народов богатых, которых реки в Море-Окиян Восточной впали и живут на островах, и проведывать про них ласкою и учинить с ними дружбу и торговые промыслы. И про те народы всякую ведомость имать...»

И сколько их, известных и совсем неизвестных мореходов, нашло себе могилу в холодных волнах Моря-Окияна Восточного, сколько кораблей разбилось в щепки на подводных рифах, в бурных проливах!..

Утро мы встретили на подходе к Курильской гряде. Помните, на карте между огромной Камчаткой и Японией тянется по океану прерывистая цепочка островов? В гряде, вытянувшейся более чем на тысячу километров, насчитывается только крупных тридцать островов, а мелкие исчисляются сотнями.

Мы держим курс на пролив Екатерины, разделяющий два самых южных и самых крупных острова гряды — Кунашир и Итуруп.

Море немного поутихло. Качает, но не так сильно. Туман с моря уходит все дальше и дальше от судна, туда, к островам. Справа, на северной оконечности Кунашира, выступает из тумана двухэтажный Тятя. Его считают отцом Курильских вулканов, потому, наверное, так и назвали: Тятя. Около острой, как у Казбека, темной вершины Тяти этаким газовым шарфиком завилось реденькое белое облачко, будто шею у Тяти укутало. А у подножия курятся густые туманы. Курильские острова!

Солнце садится за Японией

Если из Южно-Курильска — административного центра Кунашира — пойти в глубь острова, то можно попасть на знаменитые озера — Горячее и Кипящее. Про последнее ходят слухи, будто в него и руку сунуть нельзя: ошпаришь.

Интересно бы поглядеть. Заодно и на Кунаширский лес посмотрим. Он стоит того.

Про нетронутую тайгу принято говорить: дремучая, девственная, непроходимая. Любой из этих эпитетов годится для кунаширского леса. Он дремуч, девствен и труднопроходим. Мы едем верхами и буквально продираемся сквозь сплетения лиановых, сквозь сплошные заросли бамбука. Нет-нет да приходится спешиваться и вести лошадей в поводу. Они оскользаются на мокрых обомшелых голышах, фыркают и с пустыми седлами идут, как с грузом.

Лес такой густой и высокий, что, несмотря на погожий день, в нем стоит голубоватая сумеречная дымка.

Мой спутник, инспектор рыбвода Феликс Рухлов, не первый год живет на острове, и человек он по натуре своей уравновешенный, может быть, даже несколько флегматичный. Но и его заново захватывает и удивляет вид дремучей, первозданной тайги. Да, здесь есть чему подивиться!

Каких только представителей зеленого царства тут не встретишь! Северянку-пихту цепко обнимают лианы, под сенью тысячелетнего тиса — огромного дерева с мягкой хвоей и железным стволом — растет нежная черемуха; виноград вьется по березе, а саянская ель мило соседствует с магнолией. И все каких-то преувеличенных размеров, будто глядишь на них в увеличительное стекло. Вон стоит клен, но какой высоченный этот клен! Вон наша русская рябина алеет гроздьями спелых ягод, но какая могучая эта рябина и какие крупные ягоды на ней! Взгляни на эту пихту или на ту ель, и у тебя шапка слетит, если захочешь увидеть их вознесшиеся на немыслимую высоту вершины.

Деревья так высоки, что не могут устоять под напором ветров. Много лесных великанов лежат поверженными на земле. Одни упали давно и успели сгнить, обомшеть и зарасти подлеском, другие лежат еще во всей неувядшей красе, вздыбив корнями землю, продолжающую питать умирающих гигантов. А есть и такие деревья, которые умерли стоя.

На многих стволах жгуты лиан

край света

впились глубоко в кору — здесь годы, а может, и десятки лет идет скрытая борьба: кто кого? Дерево растет и, делаясь толще, раздирает лианные петли, а те, не поддаваясь, продолжают сжимать ствол и все глубже и глубже врезаются в него. Где борьба эта еще в самом разгаре, а где уже наступила развязка...

Иногда странные, причудливые картины открываются взгляду. Вот стоит березка. Ствол у нее метрах в полутора от земли не то на пять, не то на шесть отростков разошелся и словно бы горсть образовал. А в этой богатырской березовой горсти очень уютно устроилась молоденькая елочка. А в другом месте мы видим гигантский тис. Тис — долговечное дерево, оно может жить и тысячу, и две, и даже три тысячи лет. Возможно, и этому гиганту не меньше тысячи, так как не только ствол, но и нижние сучья его уже поросли густым мхом. По одному особенно толстому и пологому, почти горизонтально идущему ответвлению тоже рядком выстроилась молодая поросль. А дерево еще живо, еще само стоит крепко, и, может, не одно столетие простоит.

Тихо в лесу. Только внизу, в распадках, глухо шумят по камням ручьи да посвистывают редкие птицы: печально проворкует горлинка, кедровка подаст голос, дятел где-то простучит. И опять тихо. Солнечные лучи пробились сквозь густые кроны, повисли золотыми струнами на ветках, и кажется, что тоненько звенят. А может, это в ушах звенит от прозрачной лесной тишины...

Постепенно лес редеет. Вот и перевал. С вершины, с гребня его, открывается вид на Горячее озеро. Оно лежит в глубокой впадине, отделенной от моря сопкой и нешироким перешейком. Вода в озере отливает зеленцой и светлее, чем в море.

Спускаемся берегом ручья. Ниже, ниже. Деревья плотной стеной подступили к самой кромке озера. Но вот на берегу небольшая проплешина, на ней ни кустика, ни травинки, а лишь узкие, как барсучьи норы, дымящиеся отверстия. Пахнет серой.

Мы спешиваемся и осторожно идем по зыбкой белой глине к дымящимся фумаролам. Прислушаешься — вот тут, под твоими ногами, глухо клокочет что-то, будто закрытый котел кипит; сунешь руку в отверстие — обжигает жаром. Это дышит вулкан Головнина, возвышающийся недалеко от озера.

Вблизи озеро еще красивее — нежно-зеленое, будто все просвечивающее. Феликс говорит, что оно до того красиво, что кажется даже неестественным, и это, пожалуй, действительно так. Озеро совершенно мертвое: не только рыбы — в нем нет даже водорослей.

По другую сторону сопки, о которой я говорил, метрах в трехстах от Горячего, — озеро Кипящее. Оно невелико и похоже на гигантскую воронку, до половины заполненную беловато-мутноватой водой. Воронка эта — кратер действующего вулкана Томари.

Кипящее — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Озеро не кипит, вода в нем просто теплая и, если потереть меж пальцев, щелочная. Дымятся же, «кипят» по его высоким голым берегам все те же фумаролы — выходы вулканических газов. Хотя, как знать, может, когда-то озеро именно кипело. Может, и по сей день кипит время от времени. Озера эти еще мало изучены.

Озера находятся на западном побережье Кунашира. Здесь же, только немного севернее, расположено селение Алехино, куда мы добрались к вечеру. На краю Алехина прямо из скалы бьют горячие и тоже пахнущие серой источники. Целебные свойства их уже известны, и тут проектируется строительство санатория.

А пока что рядом с источниками стоит небольшое деревянное здание с деревянными же ваннами в нем. Вода в эти ванны течет по желобу прямо из скалы. После утомительной дороги мы с удовольствием забрались в просторные ванны, и, честно говоря, у меня было ощущение, что я где-нибудь в Пятигорске. Разве что вода была несколько горячевата, и нас сильно разморило.

Такие же целебные источники, слава о которых уже перешагнула границы Дальнего Востока, бьют по руслам Кислого ручья и речки Таежной, что рядом с Горячим пляжем. Может, вам интересно знать, откуда взялось такое название?

По берегу моря вытянулась широкая полоса мягкого мелкого песка — чем не пляж? Можно раздеться и полежать на этом пляже. Ничего, что осень и не видно солнца, — песок все равно горячий. Именно не теплый, а горячий, такой горячий, что где попало не ложись — можешь обжечься. То в одном, то в другом месте бесшумно бьют и растекаются по песку большие и малые ключи, пляж дымится испарениями. Не вздумай сунуть руку в эти ключи — обваришь. Не веришь? А вон погляди в тот котел, врытый в песок: вода в нем пузырится, кипит...

Но кто нагрел песок, кто кипятит воду в котлах? Это делает вулкан Менделеева, у подножия которого расположен Горячий пляж. Понятно, тот же вулкан «подогревает» воду и в целебных источниках.

Когда мы вышли из ванн, солнце уже садилось. Садилось оно за... Японию. Да, за страну восходящего солнца. Мне в свое время довольно долго пришлось прожить на Дальнем Востоке, но и тогда Япония оставалась для меня страной, из-за которой подымается солнце. И вот на тебе, мы любуемся, как оно заходит за синие холмы Хоккайдо, вытянувшиеся волнистой линией на той стороне пролива. Небо чистое-чистое, лишь несколько маленьких перистых облачков тают над горизонтом, расплываясь по его бледно-розовой чистоте. Ниже — подсвеченные закатившимся солнцем, густо-синие горы Хоккайдо, еще ниже — матовая голубень моря и весь зеленый, озаренный закатным светом наш берег. Завидное богатство красок!

Иллюминация в заливе Спокойном

По-разному складываются человеческие судьбы.

Парнишкой поступил Василий Власов во Владивостокский рыбопромысловый техникум, и этот шаг явно определил его будущее. Вот уже десять лет он ловит рыбу в неспокойных водах Тихого океана, пройдя за это время путь от штурмана небольшого сейнера до флагманского капитана целой экспедиции.

А думал ли, гадал ли Николай Бондарец, учась в Одесском мореходном училище, что ему тоже придется плавать в дальневосточных морях? Окончил он мореходку в звании штурмана дальнего плавания, и, конечно же, снились ему многопалубные лайнеры, тропические страны. А вот тоже ловит рыбу в Тихом океане на обыкновенном РС, то есть рыбацком сейнере. И не по распределению попал сюда: как отличнику, ему предоставлялось право выбрать хоть Черное, хоть любое другое море.

Когда Николай поступал в училище, вдруг выяснилось, что до необходимой нормы ему не хватает пяти сантиметров роста. Как быть, что делать?

— А ты вот что сделай, — посоветовал до слез огорченному парню один из старшекурсников. — Когда тебе рост замерять будут, подтянись незаметно. Не сутулься, а этаким франтом, навытяжку держись, вроде и всегда так держишься. Главное же, не робей, и все будет в порядке.

Должно быть, чем-то понравился Николай старшекурснику, потому что тот надавал ему кучу и других не менее ценных советов. И, конечно же, зеленому мальчишке все эти советы умудренного опытом курсанта очень и очень пригодились.

Но мог ли подумать Николай, что, окончив мореходку и попав на Тихий океан, встретит здесь своего тезку Николая Никитина, того самого старшекурсника, который когда-то наставлял его, как казаться выше, чем ты есть!

По-разному и часто неожиданно складываются человеческие судьбы. Неисповедимы, хоть вроде бы и ясны, пути, которые мы выбираем.

...День клонился к закату, когда рыбацкие суда одно за другим начали отдавать швартовы и уходить в море.

Флагман-капитан Василий Власов — небольшого роста крепыш, очень живой, подвижный и в то же время ровный, спокойный, — дает капитанам судов последние наставления, желает удачи. От Власова, от его слов, от всей его сильной фигуры как бы исходит та хорошая уверенность в успехе, без которой лучше и не начинать дела. Если бы я был капитаном рыболовного судна, я бы хотел, чтобы меня провожал в море вот такой же, как Власов, жизнерадостный и знающий дело человек. Плохо уходить в море напутствуемому мрачным брюзгой...

У пирса остались лишь средний рыболовный траулер-рефрижератор, или, короче, СРТР, с красивым названием «Легенда» и сейнер «Фергана».

Капитан «Легенды» Николай Никитин так же молод, как и Власов, но это уже опытный рыбак,

Капитаны Николай Бондарец и Николай Никитин вернулись с лова.

и «наставления» флагмана сводятся лишь к уточнению района лова.

— Счастливо!

«Легенда» отдает швартовы, а Власов идет к стоящей по другую сторону пирса «Фергане». Здесь капитаном Николай Бондарец — самый молодой среди сахалинских рыболовных капитанов. Ему всего двадцать два, мальчишка. Однако мальчишка этот каким-то образом «навострился», по выражению одного боцмана, добывать рыбы не меньше, а даже поболе многих бывалых капитанов. По ту и другую сторону капитанской каюты висят почетные грамоты.

— Все ясно! — говорит Бондарец в заключение разговора с флагманом.

— Уточнения — в капитанский час.

Я иду на лов на «Фергане».

Капитан встречает меня более чем сдержанно. Не сразу и вроде бы не всерьез, а в шутку признается, что корреспонденты приносят ему неудачу.

— Был как-то один, очень ему хотелось сфотографировать полный каплер рыбы, так мы в тот раз, как нарочно, ничего не поймали...

Утешаю капитана тем, что не буду фотоаппаратом пугать рыбу, а погляжу только, как она ловится.

Мы сидим в каюте, и я незаметно, исподволь приглядываюсь к капитану. Он очень молод: подбородок его, похоже, лишь недавно свел знакомство с бритвой. И когда Бондарец чуть наклоняет голову, то светлые, с рыжеватинкой волосы свешиваются на лицо, и он их каждый раз аккуратно поправляет. Серые глаза сидят глубоко, защищенно и время от времени помаргивают, словно боятся, как бы что не попало в них.

Николай потом расскажет мне, почему вот так опасливо помаргивают у него глаза — еще когда в мореходке учился, дурачились с друзьями на пляже, кто-то для смеха кинул в него песком, и он потом полгода в больнице отлежал, чуть совсем не ослеп. Расскажет он мне много интересного о своей жизни: о селе Октябрьском, под Одессой, где родился, где прошло его детство, о том, как еще в школе знался с одной «характерной» девчонкой, как долго тянулось их трудное — с примирениями и новыми ссорами — знакомство и как в конце концов та девчонка стала его женой. Многое мне потом будет рассказывать Николай, рассказывать без всяких «наводящих» вопросов, просто так, как человек человеку.

Но это потом. А пока он капитан, а я корреспондент, человек, которого почему-то пугается рыба. И разговор у нас идет пока сугубо деловой: какими показателями встретил коллектив судна съезд партии, сколько рыбы сверх плана они рассчитывают выловить до конца года. Я узнаю, что весь экипаж судна под стать капитану — молодежно-комсомольский, что среди ребят-рыбаков, кроме русских, есть украинцы и белорусы, татары и марийцы.

Что ж, для первого знакомства и этого достаточно. Теперь мне хочется поглядеть на этих ребят, и на капитана в том числе, в деле, в работе.

Мы подымаемся с Бондарцом в рубку.

Смеркается. Море постепенно темнеет. Розовато-голубой закатный блеск воды как бы тускнеет, пропитывается темнотой. Откуда-то налетевший ветерок начинает разводить волну. Сильнее, сильнее. Туманец поплыл на судно, а когда рассосался — на море уже была полная ночь.

Включили прожектор, и яркий свет его сделал все кругом черным, непроглядным, и белые пенные буруны, поднимаемые носом судна, обрушиваются теперь прямо в бездну. Никакого моря больше нет. Кроме бурунов и белой пенной полосы вдоль бортов, ничего не видно, все кругом — черная бездна. Чайки летят рядом с нашим судном, и на фоне этой непроглядной черноты в свете прожектора они ослепительно белые. Некоторые медленно, изящно опускаются на воду и так уютно складывают свои красивые крылья — ну, будто на теплое гнездо сели.

Когда мы выходили из бухты, живой и огромный мир окружал нас: зеленые островные берега, закатное солнце в небе, синее море, ближние и дальние суда, как бы раскиданные по его необъятному простору. И вот нет ничего, есть только темная морская бездна и наше одинокое — одно-единственное на тысячи и тысячи миль вокруг — суденышко. Может, совсем и не за тысячу, а всего каких-нибудь миль за десять от нас идет еще какое-то судно — и все-то скорее так,— но тебе не видно ни этого, ни другого судна и трудно отделаться от ощущения полного одиночества.

Впрочем, я, наверное, сгущаю краски. Просто я опять подумал про тех бесстрашных наших мореходов, которые двести пятьдесят лет назад шли открывать и описывать эти острова.

А о каком чувстве одиночества можно говорить сейчас. Стоит капитану спуститься в радиорубку, и если он пожелает, то услышит и Василия Власова, и своего друга Николая Никитина, и многих других своих товарищей. Кстати, наступает время капитанского часа, и мы с Бондарцом идем в радиорубку.

В судовой столовой, через которую мы проходим, мерно стрекочет узкопленочный аппарат. Ребята увлеченно смотрят индийский кинофильм.

...Зашумел, затрещал, засвистел эфир, и вот среди шума и треска мы слышим:

— Я «Ока». Идем с поисками в направлении Спокойного, но рыбы пока не встречаем.

— Я «Мармарик». В поисках. Пока ничего хорошего не нашли.

А вот и голос Николая Никитина:

— «Легенда». Идем к заливу Спокойному, но пока, кроме тумана, ничего не встретили.

Что ж, похоже, мрачная примета Бондарца не так уж и безосновательна! Но вот густой, протяжный бас сообщает:

— Я «Олевск». Встретил небольшие косяки. Замета не делал.

А потом «Орджоникидзе» докладывает:

— Сделал два замета. Двадцать центнеров.

— Кто разрешил вам идти на юг? — спрашивает Власов.

— В дневной капитанский час было сказано,— отвечает «Орджоникидзе»,— кто успеет, может идти подальше. По времени и по состоянию здоровья я решил идти на юг...

Веселый народ эти капитаны!

— «Оссорра»!, «Оссорра»! — нарочно нажимая на «р», дурашливо рычит какой-то радист.— Передайте на «Осстрропопь», что у нас для них посылочка лежит.

Это значит, «Острополь» забрел так далеко, что его плохо слышно и с ним разговаривают через передатчик.

А вот еще теснее стало в эфире. Начали перекличку приморцы. Их экспедиция добывает рыбу где-то по соседству. Время от времени просачивается в эфир чужая, как с другой планеты, речь: это переговариваются между собой японские рыбаки. Океан битком набит всяким народом.

Мы опять в капитанской рубке. И по-прежнему наше судно объемлет тишина и темень.

Но впереди показались огни. Еще, еще. Много огней. Яркие, светлые и не одиночные, а гроздями, люстрами. Рыбацкий поселок? Нет, непохоже. Для поселка, пожалуй, слишком много света. Так что же это? А это горят огнями те самые суда, которые ушли на лов раньше нас и с которыми мы только что разговаривали по радио.

Я забыл сказать, что суда промышляют сайру — потому они так ярко и освещены. И наша «Фергана», кроме прожектора, тоже несет еще на длинных кронштейнах по нескольку больших люстр с того и другого борта. Да, сайра любит иллюминацию, и вот в ее честь зажжены эти десятки ламп разных цветов — белых, синих, красных. На нее наводятся мощные прожекторы.

Еще какой-нибудь год, от силы два года назад мало кто и слышал о сайре. Наша реклама не успела еще нарисовать ни одного щита, напечатать и одного плаката, поющего хвалу сайре, а сайра и без рекламы пошла, что называется, нарасхват. Редкий человек, хоть раз отведавший этой очень нежной на вкус рыбы, не скажет: «Эге, а ведь это лучше всяких марокканских сардин и вряд ли хуже шпрот, разве что вдвое дешевле...» Словом, что за рыба сайра, теперь знают если и не все, то многие. А вот как ее ловят? Давайте посмотрим, тем более, что это весьма любопытное и красивое зрелище.

Итак, по бортам сейнера горят люстры, а дальше, за полосой света,— черная, недоступная темень. И в этой темени шарит луч прожектора. Шарит долго, неутомимо: посветит вперед, потом прочертит белую полосу в одну сторону, в другую, поближе, опять подальше. В одном месте вдруг вспыхнули под прожекторным лучом, заискрились, заиграли юркие, веселые, белые фонтанчики. Сразу и не подумаешь, что это рыба: так стремительно возникают и пропадают те фонтанчики-бурунчики.

Судно идет, свет прожектора двигается вместе с ним, и под его лучом, хоть пока и на приличном расстоянии, движутся, кипят бурунчики. Но вот прожекторный сноп света постепенно пошел на сближение с судном, пошел к его левому борту. Как завороженная, двинулась за этим снопом и сайра. Наконец свет прожектора слился со светом люстровых ламп, и мы видим рыбный косяк. Теперь сайра идет вдоль борта нашего сейнера, что называется, ухо в ухо. Идет — пожалуй, не то слово. Надо знать, что это за рыба. По внешнему виду она похожа на селедку, только как бы ту селедку взяли да потянули за хвост и за голову и она стала и потоньше, покруглей и подлинней. Ну, еще чешуя у сайры, пожалуй, светлее, серебристее селедочной: белая, блестящая, только узкий темный ремешок на спине.

Однако все это сходство и отличие внешнее. Главное же, чем сайра отличается и от сельди и от многих других рыб,— это своей необыкновенной мобильностью. Освещенную голубовато-зеленую гладь за бортом так стремительно, так молниеносно прошивают во всех направлениях светлые змейки, что даже глазами за ними не успеваешь. Многие рыбки выпрыгивают из воды — вот они откуда берутся белые бурунчики!—и бурунчики эти вблизи очень похожи на крылья. Так и хочется подумать, что рыба крылата. Выпрыгивает сайра резво, словно ею кто выстреливает. Для нее ничего не стоит выскочить на добрых полметра, а то и на целый метр или птицей пролететь по-над водой, лишь время от времени слегка касаясь ее,— ну, точно так же, как летают над водой у искусных мальчишек камешки. Однако, если даже чемпионы-метальщики делают по пять, редко по шесть «блинов», для сайры ничего не стоит сделать и семь и десять.

Но мы уж, пожалуй, лишку залюбовались необыкновенной рыбой, а она пока еще в море, и ее надо поймать.

Ловушка, то есть сеть, или, как рыбаки называют ее, дэль, находится на правом борту судна, и матросы, мотористы, электрик — словом, все, кроме капитана, рулевого да вахтенного механика, сейчас как раз и заняты тем, что спускают ловушку в воду. Она имеет внушительные размеры, и управляться с нею не так просто. Однако не проходит и двух минут, как ловушка уже в воде. Спустили ее, как я уже сказал, с правого борта, а сайра резвится под левым. Как же заманить ее в сеть? А все тем же светом. Люстры, начиная с кормы, одна за другой вырубаются. И теперь горит только одна носовая. Сайра ушла к носу. И в то время, как левый борт потемнел, включаются люстры правого борта. Сайра незамедлительно перемещается туда и попадает в ловушку. Теперь остается самая нехитрая, хоть и самая тяжелая часть работы: выбрать тридцатиметровую махину — сеть. Весь экипаж выстроился по правому борту, и если поглядеть вдоль него, то увидишь наклоненные головы и ловко, в лад двигающиеся, как шатуны, вверх-вниз руки. Сильные, сноровистые руки: одна ухватилась за сеть, потянула вверх, другая тем временем опустилась. Разраз, вверх-вниз... Общий артельный ритм. И еще, наверное, артельный азарт: рыба уже не где-то там, в океане, плавает, а в этой сети. Вот она тут, совсем рядом.

Все толще ложится на палубу вдоль борта валок сети, в воде остался только кошель, да и тот сужается да сужается. Сайра теперь в куче и кипит белой кипенью — непередаваемое зрелище!

Тралмастер берет каплер — это что-то вроде сачка, каким ребята ловят бабочек, только богатырских размеров — и задевает им

Вулкан Тятя с самолета

рыбу. Поднять такой черпак — дело непосильное: его подымают через блок, переносят через палубу и опрастывают в трюм. Еще черпак, еще...

А сейнер наш между тем идет дальше. Опять горят по левому борту огни, опять капитан шарит прожектором в темноте, ищет новые косяки. Он водит лучом так, словно бы подманивает, приглашает рыбу поближе к судну. И там, где пройдет полоса света, будто кто взборонит воду. Луч для сайры обладает прямо-таки магнетическим свойством, поднимая ее из воды на поверхность.

И вот опять с левого борта, в зеленоватой, просвеченной синими лампами воде засверкали бесшумные голубые молнии, опять сайра, ошеломленная, зачарованная ярким светом, носится вдоль борта из конца в конец, пролетает с ходу в темноту и тут же снова возвращается.

Косяк попался разрозненный, недружный. Бондарец опасается упустить рыбу, когда она заворачивает вокруг носа, и идет на хитрость. Он командует разом вырубить люстры на левом и тут же включить на полный мах на правом борту. Сайра должна пойти на пробивающийся под днищем свет, должна пройти прямо под днищем. Так оно и получается. Сначала немного, а потом все больше и больше замельтешило рыбы по правому борту.

И вновь сильные руки ритмично, ловко поднимают сеть. Разраз, вверх-вниз... Опять кипит, трепещет живое серебро в сетевом кошеле, затем в каплере, когда тот проплывает над палубой к трюму...

Взглянешь вокруг — и слева, и справа, и впереди — огни, огни. Десятка два судов, если не больше, рыбачат в заливе Спокойном, и каждое празднично иллюминировано. Веселая рыбалка! Только и остается разве что запеть:

...Тянут сети рыбаки.

Тянут сети, напевая...

Но это со стороны глядеть легко и весело. А ну-ка, встань и потягай огромную, тяжелую сеть один, да два, да три, семь, а может, и семнадцать раз! И это сейчас море более-менее спокойно. А когда волна разгуляется: только ты потянул сеть — а ее волной у тебя из рук вырвало, наклонился над бортом — а судно накренилось и откинуло тебя от того борта к другому. И сейчас еще не зима. А потяни-ка сеть, полную рыбы, сеть, которая тут же, у тебя на глазах, обледенеет на морозном ветру и от этого станет еще более тяжелой и громоздкой!

Суров и полон всяческих превратностей труд морского рыбака! Одно дело вычерпывать зеркального карпа в колхозном пруду, другое — искать рыбу в безбрежном океане. Где он, тот косяк, который нынче должен попасть в трюм судна?! Как его отыскать и не проскочить мимо, вовремя застопорить винты, без промедления закинуть сеть?

Вам никогда не приходилось задумываться над тем, что среди людей, верящих в разные приметы — в удачливость, везение и т. п.,— больше всего охотников и рыболовов? Правда, они, как люди вполне грамотные, и сами не прочь посмеяться над своей верой в удачливые и неудачливые приметы, но, посмеявшись, в душе продолжают оставаться при прежних убеждениях. В чем тут дело? Не в том ли, что, кроме опыта, профессионального мастерства, еще немало значит в охоте и рыболовстве случай, то самое везение, которое то «вдруг» сопутствует тебе, то «вдруг», «ни с того ни с сего», покидает тебя. Вчера ты вроде и особых стараний не прилагал, а вон на какой богатый косяк наткнулся; нынче же, как ни стараешься, нет рыбы, да и только. Как же не поверить после этого в удачу, в рыбацкое счастье!

Ну, это к слову. А вообще-то смешно думать, что рыбаки полагаются на одну лишь удачу. Нет! Они больше надеются на силу дизелей, которые, если нет рыбы в одном месте, легко перенесут судно на другое, на третье. Они надеются на высокую и все растущую технику лова, на хорошую разведку и другие вполне материальные вещи.

Как раз опять идет капитанский час, и капитаны, не стесняясь в выражениях, деловито ругают оплошавшую нынче разведку: плохо «навела» суда, слишком уж кучно они понаставились в заливе, а рыба, судя по донесениям, пошла в открытый океан. Там кто-то уже взял столько, что спрашивает, куда сдавать улов...

Идет производственное совещание, которое в отличие от всяких других совещаний подобного рода никого не отвлекает от дела. А сколько важных и полезных сведений можно узнать из этого общего большого разговора! Потому-то капитаны и любят свой капитанский час.

Хитрый Бондарец — из молодых да ранний! — спускается к радисту только в тех случаях, когда нужно «выступать» по радио самому. А захотел просто послушать, где и как идут дела, где рыбы мало, а где побольше,— слушает прямо в капитанской рубке. Слушает и в то же время рыбу ловит или, как сейчас вот, палит из мелкокалиберки по дельфинам. Настырные и прожорливые животные эти до того обнаглели, что распугивают косяки рыбы перед самым носом нашего сейнера...

Попался еще косяк, не стали делать замета. Еще встретили — и опять прошли мимо: жидкие, разрозненные косяки. Капитан говорит, что рыба в таких косяках «плохо слушается», не идет за светом туда, куда бы, по мнению капитана, идти ей следовало.

Не такое это простое дело решиться на замет. Вот она, рыба. Не очень много, не сплошь, но все же порядочно. Упустить жалко. Будет ли больше-то? Сделать замет — силы, время потратишь, а подымешь два-три центнера — тоже невыгодно. Может, впереди тебя ждут двадцать, пятьдесят! Вот и подумаешь...

Из залива идем курсом на открытый океан. Заметно посвежело. Ветер поднял волну, начало приплескивать. А один раз плеснуло так, что брызги попали на кормовую люстру и несколько лампочек полопалось. Зато рыба пошла гуще.

Делаем замет. Еще один. Каплер совершает несколько рейсов от ловушки к трюму. Рыбы много.

Но... но все это не то, что так настойчиво ищет капитан в темном ночном море. Как и всякий охотник, он вспоминает особенно удачливые ночи, когда брали по сто, по двести центнеров, когда за один замет брали больше, чем сейчас за пять...

— Стоп, машина! — командует вдруг Бондарец.

Вокруг сейнера кишмя-кишит сайра. Теперь только бы не распугать ее, только бы поскорее заманить в сеть! Не тот ли самый это счастливый косяк, который мы искали всю ночь? И на этот раз все работают особенно дружно, особенно быстро и ловко...

На заре, когда свет нашего прожектора и наших ламп начинает бледнеть перед светом еще невидимого, но уже где-то там, за морем, подымающегося солнца, мы возвращаемся на базу.

За Большой Курильской грядой, еще восточнее, мористее ее, есть Малая гряда с главным островом Шикотан. Вот туда, на Шикотан, мы и держим курс.

Показался высокий и оттого, что весь в густой утренней тени, темный, скалистый берег. В одном месте в черных скалах кто-то нечеловечески сильный прорубил широкие, сквозные ворота. Огромный кусок скалы, напрочь отсеченный, но не упавший в море, похож издали на каменного стража, стерегущего вход. Лилово-розовая дымка объемлет ворота, и чудится, что там, за ними, в глубине острова, откроется твоему взгляду чудесная бухта — не от нее ли это исходит мглистое, несколько таинственное свечение?

Когда мы подходим ближе, то убеждаемся, что так именно оно и есть: глубоко вдавшаяся в берег, защищенная от всех ветров бухта мягко, спокойно блестит под первыми лучами только что показавшегося над островом солнца.

Это первый клочок нашей земли, который увидело вставшее из океана солнце! И еще долго, очень долго — почти полсуток! — идти ему, чтобы увидеть всю нашу советскую землю. В Москве сейчас еще вечер вчерашнего дня, еще только-только смерклось...

Окончание следует.

ЗАВЕТНЫЙ КОЛОС

Александр ПОПОВСКИЙ

Павел Пантелеймонович Лукьяненко посвятил свою жизнь изучению природы пшеницы и выведению различных сортов. Сын кубанского казака, он живет в Краснодаре, трудится в научно-исследовательском институте сельского хозяйства, который до недавнего времени был опытной станцией. И по профессии и по призванию Павел Пантелеймонович селекционер. Ему за пятьдесят. С рассвета дотемна работает он в лаборатории, долгие часы проводит на делянках.

Лукьяненко много сделал для сельского хозяйства, его справедливо удостоили Ленинской премии. Выведенная им гибридная пшеница не страшится ни ливней, ни ветров, она выдерживает непогоду и устойчива против ржавчины. Пшеница урожайна, зерно крупное — одним словом, это истинная его удача. О ней Павел Пантелеймонович охотно поговорит, расскажет некоторые подробности из ее «биографии».

С меньшим интересом рассказывает он о своих опытах с твердой пшеницей.

— Далась она вам! — несколько обиженно говорит он.— Это, право, никому не интересно. Экое событие! Человек тридцать лет пытается вывести сорт твердой озимой пшеницы и до берега не доплыл...

— Значит, опыты оставлены?

Вопрос вызывает у него недоумение.

— Почему вдруг? Они еще не закончены.

Странный на первый взгляд ответ.

— Но вы только что сказали, будто эта работа напрасна. Какой смысл ее продолжать?

— Что значит «напрасна»? — самым серьезным образом спрашивает он.— Мы без этой пшеницы не можем обойтись. Не выйдет такая, которая сгодилась бы для всех,— получим сорт, который послужит нашему краю...

Опыты продолжаются. Твердой озимой пшеницы нет. Но мы все-таки не пройдем мимо этой замечательной истории.

Начало ее относится к 1928 году. Место действия — Дагестан, предгорная зона Северного Кавказа. Лукьяненко, тогда только что окончивший сельскохозяйственный институт, заведовал сортоиспытательным участком. Его обязанности были несложны: он высевал злаки, выведенные другими селекционерами, и выяснял их пригодность для хозяйств этого района. Он много трудился и не меньше мечтал. Ему виделись времена, когда он станет селекционером, будет выводить новые сорта: урожайные, диковинные...

Прошел год, другой, а желанная цель оставалась далекой. Молодой человек успел уже многому научиться. Тогда и родилась идея, которая надолго утвердилась в сознании селекционера, волнующая его поныне.

В один из осенних, ненастных дней, каких в том году в Дагестане было немало, Лукьяненко, высевая твердую озимую пшеницу, подумал, что в его родном краю, на Кубани, этот сорт не известен вовсе. Было бы истинным счастьем, если бы кубанские черноземы получили его! Сорт этот здесь не полегает, он устойчив против гессенской мухи и заболеваний, не осыпается, пятую часть зерна составляют отменные белки, наиболее необходимые при изготовлении изделий макаронной промышленности. Хлеб получается вкусный, ароматный.

Озимой твердой пшеницы на Кубани действительно не было. Сорта «гарновка», «кубанка», создавшие славу русской пшенице в стране и за рубежом, были твердые, но... яровые. В годы коллективизации сельского хозяйства, когда на полях Кубани утверждалась озимая пшеница, великую услугу оказал бы колхозам твердый озимый сорт. Но все попытки переделать яровую форму в озимую к успеху не привели. И на полях утвердились мягкие сорта.

Лукьяненко задумал вернуться на Кубань, породнить ее землю с дагестанской твердой озимой пшеницей. Он отбирает на своих участках лучшие колосья, высевает их и копит запасы, достаточные для пробных посевов на Кубани. С ними он и явился на Краснодарскую опытную станцию.

На новом месте планы Павла Пантелеймоновича никто не принял всерьез. Вскоре он убедился, что осуществить свою задачу ему будет нелегко. У опытной станции свои цели и темы. Придется работу вести на досуге, так сказать, вне плана учреждения. А жаль. Напрасно здесь упускают удивительную возможность, напрасно...

По странному стечению обстоятельств ни тогда, ни значительно позже Лукьяненко так и не смог заняться близкой его сердцу проблемой на опытной станции. Работа над ней всегда была для него, к сожалению, побочной. Но он твердо решил доказать свою правоту и наконец-то высеял привезенную из Дагестана пшеницу. Зима выдалась суровая, и посев вымерз целиком. Пшеница, казавшаяся озимой, была только отчасти такой. То, что выживало в мягком климате предгорного Кавказа, не выживало на более холодной Кубани.

Желанную пшеницу предстояло вывести самому.

Семь лет подряд — с 1934 года — скрещивает он твердую яровую пшеницу с мягкой озимой, ищет возможности сроднить чуждые друг другу виды. Все в этих опытах было учтено. Родители были приспособлены к местному климату. И сами они и предки их издавна прославлены на Кубани.

Гибридное потомство обнаружило новые признаки, необыкновенные достоинства, но холодолюбивым не стало. Твердой озимой пшеницы по-прежнему не было. И в близком будущем не предвиделось... «Успехи не даются легко,— утешал себя молодой селекционер.— Чего стоит удача, добытая без труда?»

Новая надежда неожиданно пришла издалека. Стало известно, что Лысенко переделал мягкую яровую пшеницу в озимую. Он высеял злаки глубокой осенью и вынудил их стадию яровизации проводить при температуре, близкой к нулю. Испытания закалили растение и придали потомству способность выносить холода.

В надежде, что испытание холодом обратит и твердую яровую пшеницу в озимую, он в 1939 году проводит пробный посев. На тот случай, если в кубанские степи нагрянут поздние холода, он выдерживает семена некоторое время на льду и дает им таким образом пройти первую стадию развития, прежде чем лечь в неостывшую почву.

Зима выдалась теплая, пшеница дала урожай. Но не пострадали и контрольные участки, где развивалось непромороженное зерно. Собранные семена были высеяны, и снова мягкая зима скрыла от исследователя истину. Дальнейшие изыскания прервала война: зерно осталось в поле...

Сразу же после освобождения Кубани от оккупантов Лукьяненко возвращается к прежним опытам. Пятнадцать лет он терпел разочарования. Неужели надежды снова обманут его?

Казалось, сама природа решила наконец помочь селекционеру. Три года над краем лютовали морозы, оказавшие бы честь Иркутску. Твердая яровая пшеница завершала стадию яровизации в почве при низких температурах. Но зимы, проведенные родителями в поле, не закалили потомства, не сделали его озимым. Часть растений не вынесла холода и погибла. Лишь немногие из них выжили и дали семена. Их было достаточно, чтобы продолжать работу. Кажущаяся близость удачи настроила исследователя заняться отбором — высевать не все уцелевшие от мороза зерна, а лишь наиболее многообещающие и стойкие. Потомство должно было стать не только холодолюбивым, но и совершенным во всем остальном. Семена отобранных колосьев высеяли отдельно, контролем служила та же твердая яровая пшеница, предки которой зимой не высевались. И снова удача — выжили потомки тех растений, которые терпели зимние невзгоды, а контрольные растения погибли все до единого.

В следующем, 1950 году Лукьяненко отобрал лучшие семена из уцелевших в холодные зимы. Никому не доверяя эту работу, он сам просмотрел каждый колос: все ли зерна тверды, нет ли таких, которые от холода стали мягкими? Много тысяч колосьев обследовал ученый, прежде чем решился посеять эту пшеницу.

В том году на Кубани снова стояла зима — старожилы не запомнят такую! Когда снег сошел с делянок, селекционер мог убедиться, что посевы большей частью... погибли. Некоторые из уцелевших утратили свою природную твердость. И лишь немногие растения дали потомство, сохранившее признаки своего вида. Немногие, но вот они! На них и возложил свои надежды Павел Пантелеймонович. «Выдержали с честью такую жестокую зиму,— думал он,— так вряд ли им будет страшна любая другая кубанская зима...»

И снова высеял ученый свой золотой фонд — пшеницу, уцелевшую в поле. И снова зима показала себя! Январь и февраль дышали небывалым здесь морозом. Выдавались дни, когда столбик ртути в термометре снижался до семнадцати градусов и злой ветер гулял по бесснежному полю... И снова твердая пшеница выдержала испытание, перенесла стужу и нерушимо сохранила природу зерна. Было похоже, что на Кубани все-таки будет своя твердая озимая пшеница!

...Прошли годы, имя ученого стало известно стране. И снова автор этих строк встретил Павла Пантелеймоновича в Москве.

— Наконец-то сбылись ваши надежды,— сказал я,— на Кубани своя твердая озимая пшеница...

На его лице отразилось недоумение. Он оглядел меня и медленно, неохотно проговорил:

— Нет у нас твердой озимой... Не сбылось.

В его голосе прозвучали нотки грусти, и я не без тревоги спросил:

— Не хотите ли вы сказать, что опыты прекращены... без результатов?

— Да, пока без результатов,— склонив голову, ответил он.— Пришлось оставить.

— Совсем?

— Нет, я занимаюсь этой пшеницей. Но только для души. Вместо отдыха... Ничего не

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Павел Пантелеймонович Лукьяненко.

Фото Л. Устинова.

Посевы селекционного материала озимой пшеницы на открытом стеллаже после морозов.

Молодые побеги пшеницы.

Колосья озимой пшеницы сорта «Безостая-1». →

ЖИЗНЬ РАСПУТЫВАЕТ

Далеко от Москвы, где-то под Хабаровском, рассыпались по побережью Уссури небольшие деревеньки — Кленовка, Винокуровка, Борониха, Дубравинка... Плотно окружила их тайга с ее раздумчиво шумящими кедрами, холодными росами по утрам, с ее целебными родниками и суровыми законами. Приходят сюда снежные зимы, дождливые осени и весны с обильными половодьями и опьяняющими запахами пробуждающейся тайги. Своим чередом пришла и весна 1956 года. Особая весна. Она явилась не только порой половодья вешних потоков, но и порой серьезнейших раздумий о жизни — настоящей, прошедшей и будущей. А думать таежникам есть о чем: затянулся тут в свое время крепенький узелок. Жизнь теперь его и распутывает...

Легендарные годы гражданской войны и конец пятидесятых годов — вот время действия нового романа Н. Шундика «Родник у березы». В центре событий — стойкий коммунист Корней Севастьянович Кленов, судьба которого неотделима от судьбы партии. Его не миновали пули белогвардейских бандитов в гражданскую, когда он, будучи совсем еще молодым парнем, заменил погибшего отца, боевого командира красных партизан. Пытались расправиться с ним и местные кулаки в годы коллективизации. А один из них, Терентий Лабунец, затаил кровную фанатическую ненависть к Корнею Кленову. Слишком дрожали руки у Терентия, когда он стрелял в Кленова. Не убил насмерть. Решил действовать иначе, исподтишка, хитростью. Но как бы ни кусала собака — больно одинаково. Долго плели враги хитроумные сети, чтобы расправиться с Кленовым. И в тридцать седьмом году им удалось настигнуть его. Но мужества коммуниста не сломили и долгие годы каторжных работ в рудниках на Крайнем Севере: Кленов не потерял веры в дело партии.

Н. Шундик подробно описывает это трудное для нашей партии время, когда со всей отчетливостью выразились мужество, чистота дел и помыслов таких коммунистов, как Кленов, Чуман, Донник, Гуреев, и ничтожество Рубцовых, Марцевых, Митиных. Именно тогда и завязался тот крепкий узелок, который распутывает жизнь.

Вторая часть романа посвящена событиям, происшедшим с его героями после Двадцатого съезда партии. Вернувшись в родные края, Корней Кленов снова оказался в центре сложнейших событий.

Нашлись в Дубравинке люди, которые пытались с помощью Кленова, ссылаясь на его судьбу, очернить в жизни советского народа все, даже героизм и подвижнический труд во время войны. С затаенным дыханием они ожидали, как встретятся два старых друга, люди разных биографий Кленов и Чуман. Но они встретились как коммунисты.

Культ личности — не отвлеченное понятие. Потому партия и объявила суровую борьбу с его последствиями. Н. Шундик убедительно показал в новом романе, насколько важна эта борьба для народа. Потому и ведут ее люди большой принципиальности и моральной чистоты, которые весной пятьдесят шестого года начали дышать полной грудью.

После романа «Быстроногий олень», повестей «На земле Чукотской», «На севере дальнем» книга «Родник у березы» является новой удачей писателя. Об этом говорит не только важность затронутых проблем. В романе нет резонерствующих героев. И это делает действующих лиц живыми, именно действующими.

Шундик хорошо знает людей, о которых пишет. Язык героев и автора простой, емкий. Все это делает роман интересным и нужным, потому что он повествует о судьбах советских людей в наиболее важные периоды нашей жизни.

Владимир ЕРЕМИН

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Владимир Германович Лидин прожил богатую событиями жизнь. Представитель старшего поколения советских писателей, он в своей книге «Люди и встречи» передает живые черты современников, интересных людей, с которыми ему довелось встречаться.

Автор, рассказывая о встречах с людьми, стремится показать их с какой-то новой, неизвестной многим стороны.

Основную часть книги составляют небольшие очерки о встречах с писателями: Горьким, Телешовым, Гиляровским, Арсеньевым, Вересаевым, Новиковым-Прибоем, Пришвиным, Алексеем Толстым, Малышкиным, Ю. Олешей, Сейфуллиной, Серафимовичем, Фадеевым, Игнатьевым; с актерами: Качаловым, Леонидовым, Михоэлсом; с литераторами Запада: Роменом Ролланом, Анри Барбюсом, Стефаном Цвейгом, Нексе... Люди различных характеров близки автору тем, что каждый по-своему оставил глубокий след в его душе.

Много интересного мы узнаем о М. Пришвине, который «...всегда хотел быть в движении, познавать жизнь на ощупь, лично, не с чужих слов»; об А. Серафимовиче, который в первые годы после революции одним из первых ушел на фронт, где решалась судьба страны, где рождался его «Железный поток»; о застенчивом Малышкине, сохранившем в душе боевой задор, с которым он прошел годы гражданской войны; о неутомимой энергии А. Фадеева, его человеколюбии, широте познаний.

О людях, которых приходилось видеть, знать или дружить с ними, автор рассказывает искренне, просто. Личное знакомство с героями книги позволило автору обрисовать целую галерею образов деятелей литературы и искусства. Эти правдивые рассказы о былом имеют, разумеется, непосредственное отношение и к развитию современной культуры.

Читая книгу «Люди и встречи», все время ощущаешь гордость за свою страну, которая породила такие могучие таланты. Будет очень полезно, если и другие советские писатели поделятся с читателями воспоминаниями о своих современниках. Тогда меньше останется белых пятен в истории советской литературы.

В. ШИШОВ

СКВОЗЬ СЕРДЦЕ

Я потому так назвал свою короткую рецензию на новую книгу стихов Владимира Фирсова, что такое название наиболее точно определяет поэтическое достоинство книги «Вдали от тебя». Прочитаешь ее, и кажется, будто ты сам побывал на сегодняшней Смоленщине, увидел ее неброскую красу, ночевал на сеновале, сидел у костра, пил воду из родников, скакал в ночное верхом на коне, словно хотел догнать собственное детство, услышал шум лесов, увидел придорожную траву в капельках дегтя, встретился с деловыми людьми, умеющими хорошо работать и, если потребуется, воевать с недругами.

Стихи поэта пропущены сквозь сердце. Они ясны, образны, весомы и очень современны. «Я верю тропинке, бегущей сквозь чащу»,— говорит он в одном из стихотворений, а вся его новая книга — это светлая вера в человека труда, вера в наше грядущее.

Вот за аромат родной земли, за умение видеть и взволнованно говорить о прекрасном, за родниковость чувств хочется от всей души поблагодарить русского поэта и пожелать ему новых творческих удач.

Сергей СМИРНОВ

поделаешь, сердце мое все еще лежит к ней... Я работал эти годы над мягкой пшеницей, в наших условиях она более плодородна.

Речь шла о виде, наиболее распространенном на земном шаре. Его возделывают всюду: от Северного полярного круга до южного полушария. Он многообразен и легко приспособляется к любому месту земли. Можно было бы согласиться, что в климатических условиях Кубани пшеница эта более плодородна. Но у нее немало и изъянов. Она подвержена грибковым заболеваниям, ее слабая соломка ложится под сильным ветром и дождем. Ни отбором, ни скрещиванием улучшить ее не удавалось.

— К нам на опытную станцию,— продолжал Лукьяненко,— поступили сорок пять образцов пшеницы из мировой коллекции, некогда созданной академиком Вавиловым. Были тут злаки со всех континентов. Мы высевали их и попутно выясняли, в какой мере они могут пригодиться нам. Одна из пшениц Аргентины заинтересовала меня. Не то чтобы эта пшеничка была особенно хороша,— наоборот, зерно невысокого качества, малоурожайно. Только тем и понравилась, что своей короткой и крепкой соломкой и раннеспелостью. На две недели раньше других вызревает!.. Неплохо бы нашу кубанскую пшеницу на короткую соломку посадить, чтоб не полегала. Хорошо бы и уборку недельки на две передвинуть...

Все усилия в прошлом скрестить такие географически отдаленные виды, как твердую озимую и мягкую яровую пшеницу, ни к чему не приводили. Селекционер знал это, но слишком велика была сила ранних увлечений и неумолима их власть. И снова и снова, как вот уже много лет, он скрещивает чуждые друг другу виды — аргентинскую пшеницу с отечественной «крымкой».

Нелегок труд селекционера. Годами, десятилетиями длится взаимоборство насильно скрещенных организмов. Кто знает, когда еще нужные признаки возьмут верх над другими! Немалые помехи и от капризов природы. Чтобы привить растению устойчивость к суховею, нужна, как по заказу, засуха; чтобы сделать его морозоустойчивым, нужны суровые зимы, которые в Краснодаре не так уж часты.

— После многих лет,— рассказывает Павел Пантелеймонович,— нам удалось вывести сорт «скороспелка» с короткой соломкой — это было свойство аргентинской пшеницы. Сохранились при этом и преимущества отечественной «крымки». В одном лишь мы тогда не дотянули: «скороспелка» все еще оставалась чувствительной к холоду... Унывать некогда, иначе жизни не хватит! Стали ее скрещивать с украинской пшеницей. И вышел прекрасный гибрид. Красавец, колос как колос, но... без остей. Так мы и назвали сорт — «безостая-1». В хозяйстве эти ости ни к чему, но люди стали поговаривать, что, мол, не было на Кубани отродясь безостых пшениц: они либо урожая не давали, либо не выживали. Но наговоры не помешали «безостой» утвердиться на нашей земле и превзойти по урожаю все другие сорта. До шестидесяти центнеров зерна с гектара приносит сорт, а в поливных хозяйствах Киргизии — до восьмидесяти!..

Павел Пантелеймонович умолк и с видом человека, которому нечего добавить, стал перелистывать лежавшую на столе книгу. Я слышал и о других важных качествах сорта и спросил:

— Говорят, «безостой» пришлось выдержать бой с иностранными сортами. Особенно ополчились против нее итальянские экспортеры.

Он улыбнулся и кивнул головой.

— Наша «безостая» имеет исключительные мукомольные и пекарные качества. Впервые в истории нашего земледелия к нам потянулись за семенным товаром. Сорт не только отстоял себя, но и оттеснил на мировом рынке своего главного конкурента — менее зимостойкую, хоть и высокоурожайную итальянскую пшеницу... Мы нашу лауреатку будем сеять на двух с половиной миллионах гектаров земли. Уже этой осенью она займет площадь в миллион гектаров...

Павел Пантелеймонович, получивший Ленинскую премию за «безостую», почему-то умолчал о другом сорте, выведенном тем же любимым приемом — сближением географически далеких видов. На этот раз селекционер превзошел себя. Чтобы вывести пшеницу, способную выдержать холода северной части Краснодарского края, он скрестил свою «скороспелку» с местной рожью. И небезуспешно!

Чем занята мысль Лукьяненко сейчас? Чем он намерен нас удивить?

Не дожидаясь моего вопроса, Павел Пантелеймонович говорит:

— Я думаю вернуться к твердой озимой пшенице. Хочу ее посадить на низкий и прочный стебель «безостой». Теперь с ней забот будет еще больше: ведь мягкая пшеница вырвалась в соревновании далеко вперед. В сравнении с ней стебель у твердой высок, и поэтому она, твердая, чаще полегает... Но какой толк кормить солому? Пусть питание идет в колос и зерно... Если бы удалось переделать твердую, она бы перещеголяла мягкую! На худой конец, не уступала бы ей...

Чего не сделает человек, сердце которого в плену у давней привязанности!

◀ В своем заключительном слове на мартовском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев указал на пример бригады Любы Ли, которая получает урожай кукурузы на силос почти по 2 000 центнеров с гектара. На снимке: Люба Ли, руководитель кукурузоводческой бригады колхоза «Политотдел» в Узбекистане.

Фото Дм. Вальтерманца.

Петр ТУР

АЛЕША

Та прозрачная и ломкая пора, что у нас в России окрещена «бабьим летом», в Болгарии зовется «цыганским праздником». Почему? Бог его знает... То ли потому, что позднее октябрьское тепло и в самом деле радует цыган в их сквозных кибитках с залатанным холщовым пологом? То ли оттого, что склоны гор с осенними лесами походят на яркую цыганскую шаль — неистово красную, смугло-желтую, темно-зеленую?

Мы ехали через Балканы в Пловдив. Дорога, вырубленная на самом краю бездонного каменного отвеса, то подступала к самой снеговой вершине, то далеко уходила от нее. Цыганка-осень азартно тасовала яркую колоду своих карт. Быстро мелькали в ее смуглых ладонях красные червы — листья орешника и черные трефы — обугленная утренниками листва платанов. И все это смешивалось в бурный цветной каскад.

Многоярусные террасы виноградников спускались по крутым склонам к дороге. Каждая лоза была укреплена на подпорке. Пыльные, фиолетово-черные кисти тяжко свисали к земле.

Скоро мы спустились в долину и поехали мимо убранных кукурузных полей, мимо плантаций роз и хмеля. Машина шла по аллеям тополей, акаций и грабов. Рыжие гончие листопада бежали по дороге.

Быстро стемнело. Вдали задрожали огни Пловдива.

Есть особая, трепетная радость — въезжать вечером в чужой, незнакомый город. Пловдив жил шумной уличной жизнью балканского юга. Вряд ли хоть один взрослый обитатель города оставался дома в этот теплый осенний вечер. Смуглые македонцы в бараньих шапках жарили кукурузу и миндаль на чугунных жаровнях. На больших железных листах желтели печеные ломти тыкв, похожие на молодые луны.

В бесчисленных маленьких харчевнях мастеровые и крестьяне спорили о политике, запивая виноградной ракией «шкемерджу» — острую густую похлебку из бобов и требухи. Пожилые рабочие неспешно играли в нарды. Несмотря на вечер, были открыты клубы эсперантистов — со стен строго смотрели портреты доктора Заменгофа, солидного мужчины в очках, изобретшего когда-то странный и звучный язык.

В «читалищах» было полно — юноши и девушки упоенно штудировали Шолохова, Вазова и Данте. Вовсю работали многочисленные тиры — здесь мигали лампочки, качались мишени. Усатые пенсионеры, переламывая стволы пневматических ружей, всаживали пули.

Я остановился в гостинице «Тримонциум». Не успел я умыться и распаковать чемодан, как пришли мои болгарские друзья.

— Отдыхать будешь после. Пошли на помолвку.

Я не расспрашивал, к кому мы идем. В Болгарии для советского человека нет чужих домов, незнакомых семей.

Неподалеку от отеля мы шагнули в крепостные ворота, оставшиеся от византийского владычества. И сразу попали из европейского, геометрически распланированного нового города в каменную сумятицу балканского средневековья. Кривые турецкие кварталы напомнили мне окраины Стамбула. Кованые фонари раскачивались на старинных домах с выдвинутыми вперед вторыми этажами. Их поддерживали дубовые подпорки, густо обитые медными гвоздями.

Из маленьких окон неслись пронзительные звуки самодельных кленовых скрипок «гайдулок», какие мне доводилось слышать ранее в деревенских «пивницах». Небольшое пиршество было в разгаре. Гости плясали старинный танец «рученицу».

Молодые сидели в голове длинного стола, уставленного бутылками с «червеным» вином, зеленоватой водкой-мастикой, жареным овечьим сыром и крупным розовым виноградом. Невесту звали Росица. Она работала ткачихой на местной текстильной фабрике. У жениха по имени Христо были печальные глаза цвета синих баклажанов. Оба они чинно сидели, положив руки на стол, видимо, стесняясь того обстоятельства, что судьба поставила их в центр события.

Гости ели жгучие колбаски «кебатчета», запивая их густой красной «гымзой». Представьте себе, что вам в пищевод влетела маленькая шаровая молния — именно такое ощущение будет, если вы проглотите одну пловдивскую «кебатче». Потом выпили пахнущей анисом и сырцом мастики.

Проводив гостей, жених и невеста взялись за руки и молча пошли к выходу.

— Идут к Алеше, — добродушно улыбаясь, сказал мне отец невесты.

— К Алеше? — переспросил я.

— Ну да. У нас в городе ни одна пара не женится, не сходив в гости к Алеше.

В ответ на мой вопрос, кто же такой этот Алеша, жених Христо улыбнулся, посмотрев на меня своими лилово-черными глазами.

— Пойдемте с нами, увидите.

Мы вышли в темный переулок. Вместе с молодыми я уселся на телегу «каруцу». Маленькая, ростом с ишака лошадь была наряжена с трогательной франтоватостью: на ее шее были бирюзовые бусы, в челку кокетливо вплетены большие атласные банты. Каруца, поскрипывая, двинулась в гору.

Скоро огни стали реже. Мелькнули последние маленькие «сладкарницы», мастерские башмачников и чеканщиков по серебру. Город кончался. Запахло винным духом прелой листвы. Гора становилась круче, воздух свежей.

Каруца остановилась, я спрыгнул на землю. Теперь только я понял, что мы находимся на вершине холма. Внизу беспорядочно роились огни Пловдива: будто кто-то сильно встряхнул головешки на жаровне.

— Вот и Алеша, — сказал Христо, — сегодня у него много гостей.

Я огляделся. На каменных скамьях молча сидели пары. Они как бы застыли в торжественном молчании, не касаясь друг друга.

— Это все женихи и невесты, — тихо сказал Христо. — У нас так заведено — приходить к НЕМУ перед свадьбой. А осенью в Болгарии много свадеб.

Внезапно какой-то внутренний толчок заставил меня обернуться. Я скорее почувствовал, нежели увидел, гранитную громаду, нависшую надо мной. Гигантский черный силуэт, как бы отлитый из са-

---

Миниатюры

Алексей ТРУФИЛОВ

УВЕРЕННОСТЬ

Дорога, кажется,
не выбежит на свет,
Сойдутся сосны —
и ее не будет,
Но ты идешь вперед,
и страха нет:
Раз есть дорога —
значит, будут люди.

РУЧЕЙ

Он спотыкался, пропадал в кустах
И разбивался, падая с порога,
Шел бездорожьем, шел впотьмах,
Но шел — и вышел на дорогу.
Он не боялся не дойти,
С песками встретиться в пути...
...Вот почему, чтоб в зной напиться,
Ему ты должен поклониться.

РЯДОМ СО ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

«Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его», — записал Л. Н. Толстой в своем дневнике 5 августа 1909 года. В книге «Из Ясной Поляны в Чердынь» Николай Николаевич Гусев рассказал историю своей высылки в Пермскую губернию; он был сослан за распространение запрещенных цензурой статей Толстого.

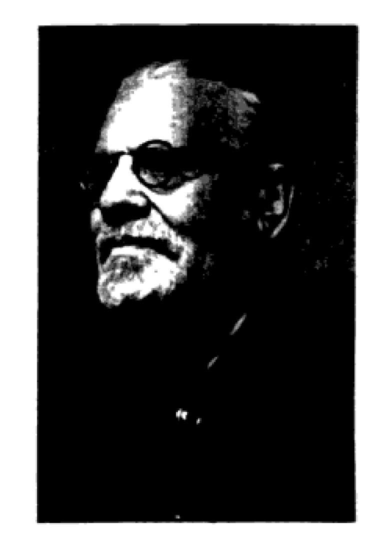
В «Заявлении об аресте Гусева» Толстой писал, что в момент высылки Гусев «был радостен и спокоен и со свойственной ему добротой и заботой о других, а не о себе, спешно приводил в порядок мои дела...»; за три дня до ухода из Ясной Поляны Толстой послал Гусеву портрет с надписью: «Милому Гусеву от любящего его друга Льва Толстого. 25 окт. 1910».

Переписка и знакомство молодого рязанского учителя Гусева с Толстым начались в 1903 году; с 1907 года он личный секретарь писателя. «Помощник и работник он бесценный», — писал Толстой о Гусеве.

Гусев посвятил себя изучению Толстого. Им опубликован дневник «Два года с Л. Н. Толстым», множество книг, статей. Венцом его более чем полувековой работы являются «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого», изданная в двух томах, и фундаментальные «Материалы к биографии» Толстого; два тома этого труда выпущены, третий сдан в издательство, над четвертым ученый начал работу; всего будет пять томов.

21 марта доктору филологических наук Н. Н. Гусеву исполнилось 80 лет. Он работает ежедневно, соблюдая строгий режим; кроме этого, Гусев отвечает на многочисленные письма и запросы, никому не отказывает в приеме и консультации. Он старается поддержать всякую хорошую работу о Толстом, и не только о Толстом.

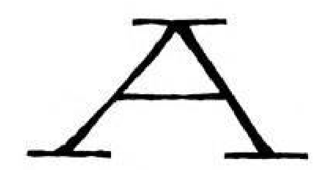
...В одном из рабочих клубов Москвы, очень далеко от центра, недавно состоялся вечер памяти В. Г. Короленко. Гусев выступил с вдохновенной речью об отношениях Короленко и Толстого; его знания, память, ясная мысль и сильное чувство покорили аудиторию: это было лучшее выступление вечера.

Николай Гусев.

Таков Гусев — большой ученый, отзывчивый и скромный человек.

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

мой ночи, высился надо мной, закрывая полнеба.

— Вот он... Алеша, — нежно сказал Христо.

Первым чувством, овладевшим мной, было потрясение громадными размерами статуи. Монумент будто возник из самой природы, — столь он был огромен. Весь гигантский холм как бы служил его подножием.

И тем более неожиданно звучала та ласковая, почти домашняя интонация, которая была в этом уменьшительном «Алеша».

Не помню, сколько времени провел я здесь. Никто не нарушал тишины.

Христо шепотом рассказывал мне, что сюда, к Алеше, — так называют статую русского солдата все жители Пловдива — по неписаному обычаю приходят влюбленные, как бы прося русского друга быть свидетелем их счастья.

Здесь произносятся слова первых любовных признаний, здесь юноши, вступающие в жизнь, дают обеты вечной дружбы, здесь звучат сокровенные и нерушимые клятвы...

Скоро начало светать. Уже можно было различить гору свежих цветов, в которых тонули походные сапоги Алеши. Цветы принесли сюда Алешины друзья, юноши и девушки, люди чистого сердца.

Первые лучи позолотили его пилотку, высветили лицо — простое юношеское лицо, — а гимнастерка была еще в полосе ночи. Я тихо пошел вниз, спускаясь с крутизны. Обернувшись, я увидел: гранитный колосс как бы шагал вперед. Плечи его касались неба.

Фото Ю. Кривоносова.

В АДРЕС МОСКВА, ОГОНЕК

Новые документы об учителе В. И. ЛЕНИНА

В № 4 журнала «Огонек» за 1959 год была опубликована статья Мариэтты Шагинян «О первом учителе детей Ульяновых». В ней рассказывалось об учителе Владимира Ильича Ленина Василии Андреевиче Калашникове.

Вскоре после этой статьи к нам, в Центральный Государственный военно-исторический архив СССР, пришло письмо школьников, которые спрашивали: нет ли у нас каких-либо новых документов о Калашникове?

Таких документов не было. Но мы начали поиски, которые увенчались успехом.

Вот эта находка — дело в синей форменной обложке Главного штаба под заголовком «О производстве и увольнении от службы капитана 7-го Стрелкового полка В. А. Калашникова». Собранные здесь документы освещают период его военной службы с 1880 до 1907 года. Прежде всего это подробный послужной список. В нем указано, что «Василий Андреевич Калашников родился 7 апреля 1855 года, происходит из крестьян Симбирской губернии, в службу вступил по выдержании испытания при Симбирской классической гимназии во 2-de Константиновское училище...»

На основании послужного списка можно сделать вывод, что В. А. Калашников пользовался доверием и уважением товарищей по службе: с февраля 1896 года по октябрь 1897 года он член распорядительного комитета офицерского собрания, с октября 1900 года по апрель 1901 года и в 1904 году — член полкового суда, с апреля 1901 года по октябрь 1902 года — член суда общества офицеров.

Послужной список содержит подробные данные о продвижении по службе В. А. Калашникова до выхода на пенсию, медицинское свидетельство о состоянии здоровья и подробный пенсионный расчет.

В заключение читаем казенную надпись: «Особых поручений сверх прямых обязанностей по высочайшим повелениям не имел», «Всемилостивейших рескриптов и высочайших благоволений не получал».

О. НИКИТИНА,
сотрудник Центрального Государственного военно-исторического архива СССР.

Общество называлось «ОГОНЕК»

Дорогая редакция!

Вам, очевидно, будет интересно узнать, что в буржуазной Эстонии в тридцатых годах существовало общество, носившее название вашего журнала.

Таллинское культурно-просветительное общество «Огонек» проводило большую работу среди рабочей молодежи, помогая ей лучше узнать Советский Союз — первую страну победившего социализма. В библиотеке общества можно было получить такие книги, как «Поднятая целина», «Как закалялась сталь», «Цемент», и многие другие. На еженедельных воскресных вечерах декламировались произведения советских авторов, ставились советские пьесы.

Члены общества активно выступали за укрепление и расширение дружественных связей с СССР.

«Огонек» в Таллине не ограничивался работой только в городе. В начале 1938 года правление общества начинает налаживать связь с молодежными организациями деревень.

На вечера, устраиваемые обществом, ходили и некоторые студенты Таллинского политехнического института. Но вступать в члены общества они не могли. Это запрещалось законом.

Политическая полиция буржуазной Эстонии давно точила зубы на это общество. 24 марта 1938 года были совершены обыски в помещении правления общества и на квартирах членов правления «Огонька».

Обществу было предъявлено политическое обвинение «в распространении и углублении антигосударственных коммунистических настроений». И в начале апреля 1938 года оно было закрыто.

Кандидат исторических наук
В. АРХАНГЕЛЬСКИЙ
г. Таллин.

Благородные, отзывчивые сердца

В 5-м номере вашего журнала за этот год мы с большим интересом прочли рассказ А. Старкова «Воробей».

Маленький воробьишка чуть было не натворил бед. Умел бы он мыслить, как бы высоко оценил благородство своих спасителей!

Ведь обязан он и Валерке как непосредственному своему благодетелю и всем, кто спас Валерку. Хочется поблагодарить всех и даже бездействующего «стража» Сережку. Ведь он же «единица, не охваченная еще системой народного образования», а значит, иначе не смог выражать своего отношения к происходящему. Важно, что не был безразличен и пост не покинул!

Как легко было бы жить, если бы все мы были такими же благородными, как Анатолий Климович Ящук, спасший детей, не пожалевший своей жизни ради другого!

Коллектив преподавателей строительного техникума.
г. Комсомольск-на-Амуре.

Запретная зона

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Роман

Было уже за полночь. Восточнее поселка облака, переплывающие четкий срез плотины, вспыхивали под столбом электрического света и тут же гасли. С танцплощадки в сквере уже не доносились звуки аккордеона, и по молодым голосам, звучавшим в разных концах поселка, можно было заключить, что ее посетители разбредались по улицам и укромным местечкам. Молодежь делала то, что в этих случаях всегда делает молодежь. Мимо двух или трех парочек, молчаливо слившихся на скамейках у ворот, Греков уже прошел, стараясь нечаянно не спугнуть их, но у самого своего дома ему пришлось придержать шаги и затаиться в нише забора. Прямо перед его домом темнели две фигуры, до него донеслись голоса:

— Дальше, Игорь, ты меня не провожай, я дойду сама.

— Почему? До общежития еще целый квартал и все время в темноте.

— Но как раз перед нашим общежитием горит фонарь. Видишь, вьются мошки.

— Вижу,— покорно ответил первый, юношеский, голос, как будто мошки и в самом деле были тем неотразимым доводом, против которого он не мог спорить. И тут же неуловимо изменившись:

— Тамара!

— Что, Игорь? — Греков услышал, как и второй голос тотчас же чутко изменился в тон первому.

— Тамара, это только мне запрещается провожать тебя дальше этого угла?

— Спокойной ночи, Игорь,— сухо и гордо сказал голос Тамары.

Фигура поменьше и потоньше отделилась от другой и двинулась по улице в тот конец квартала, где вокруг фонаря клубились мошки.

— Нет, ты меня не поняла, Тамара!— И Греков увидел, как юноша догнал ее и взял за руку. Она руку отняла, но остановилась.— Я вовсе не для того, чтобы напомнить. Какое может иметь значение то, что было когда-то. Если теперь у тебя с ним все порвано...

— Вот ты и опять, Игорь, спрашиваешь,— с печальной суровостью сказал ее голос.

— Но, Тамара, пойми... Нет, нет, я не буду. Хорошо, мы постоим здесь всего десять минут, и ты пойдешь в общежитие. Не знаешь, чем это здесь так пахнет? Вчера здесь этого запаха не было слышно. Какие-то цветы...

— Розы. Они только сегодня расцвели. Я утром заметила, когда шла на работу.

— Где? В это время года?

— Профан! За твоей спиной, в палисаднике. Это же осенние розы.

— В самом деле я профан. Слышу, пахнут, а откуда, не могу понять. Впервые в жизни вижу осенние розы.

— Здесь живет Греков.

— Да, это его дом. Нет, ты посмотри, Тома, на этот куст, на который падает свет. Я еще не встречал таких крупных. Сейчас я тебе нарву.

— Но тут же, Игорь, живет Греков,— понизив голос, повторила Тамара.

— До него здесь жили другие, и эти розы принадлежали им,— возразил Игорь.

— Нет, Игорь, это он сам посадил.

— Сам? Кто бы мог подумать? — с сомнением переспросил Игорь.

Грекову видно было, как он уже взялся за колья палисадника, чтобы перемахнуть на ту сторону, и остановился.

— Конечно, вдвоем с женой, я сама видела. Посмотри, Игорь, а эти пять растут вместе. Целый букет! — с чисто женской непоследовательностью закричала Тамара.

И этого оказалось вполне достаточно, чтобы тот, кто уже начал сомневаться, хорошо ли будет то, что он хотел сделать, перестал сомневаться.

— Сейчас я тебе их достану,— ответил он так же быстро, как перемахнул через палисадник, спрыгивая на мягкую, не далее как вчера вскопанную Грековым землю.

Этого Греков уже не мог позволить. Выступая из своего укрытия, он совсем уже приготовился произнести властное слово, если бы не услышанные им слова Игоря:

— Конечно, если сам посадил, то это действительно нехорошо. Но зачем им вдвоем с женой столько роз? Если бы Василий Гаврилович знал, он бы и сам с нами поделился.

— Тише, у них еще не спят! — Его подруга, волнуясь по эту сторону частокола, подавала советы.— Ты не только с этого куста рви, чтобы не так было заметно. Нет, на этом, пожалуй, самые крупные.

— И самые колючие. А, ч-черт! Ай!!

— Игорь, ты что, решил оборвать все розы? Я всегда считала, что Греков к тебе относится лучше, чем к кому-нибудь из ребят, а ты сейчас его попросту грабишь.

— Во-первых, я, Тамара, режу через одну, даже не через одну, а через две розы, так что не бойся, Грекову твоему останется. Нельзя же, чтобы только он с женой наслаждались этой красотой. Собственность на красоту — самый худший вид собственности. Во-вторых...— Игорь помедлил.

— Что во-вторых? — потребовала Тамара.

— К чему не вынудит любовь,— не то в шутку, не то всерьез закончил Игорь.

— Пора бы людям уже придумать какое-то другое слово! — презрительно сказала Тамара.

Игорь помолчал, орудуя ножиком в кустах роз.

— Черт возьми, как кусаются! — вскрикнул он приглушенно.

— Не жадничай.

В том же полусерьезном тоне он ответил:

— Чем яростней шипы, тем ярче розы.

— Это из стихов Вадима.— И она пригрозила: — Игорь, я сейчас уйду.

Только после этого он послушался ее и, протягивая ей через палисадник целую охапку роз, сказал:

— Слово, Тамара, другое придумать можно, а...

Она перебила:

— Кажется, мы уже твердо условились об этом не говорить.

Тем же путем Игорь перепрыгнул через частокол и очутился на улице. Лезвие света, падавшее из окна на кусты роз, прихватило и их лица: его большой чистый лоб под строгим, аккуратным зачесом ярко-каштановых волос, темные и, пожалуй, не в меру крупные, скорее девичьи глаза и ее тоже каштановую юную головку, которую можно было бы назвать одним словом — «прелесть», если бы Греков любил это слово.

— Завтра все наши девчата в общежитии лопнут от зависти,— говорила она, прижимая к себе розы, на которые безропотно смотрел из своего укрытия их подлинный владелец.

И когда они уже уходили от Грекова по улице, окутанные облаком ни с чем не сравнимого аромата, до его слуха донеслись слова Игоря:

— Хорошо, Тамара, об этом будем молчать.

Греков терпеливо дожидался, пока они разошлись, постояв еще немного у большого тополя на углу квартала, и вошел во двор. Да, это был тот самый куст, на котором были самые крупные розы. Девушка лишь немного ошиблась: другие кусты три года назад посадил под окнами дома Греков, а этот посадила его жена Валентина Ивановна. Впрочем, это было одно и то же и теперь уже не имело никакого значения.

За его спиной по безлюдной улице прошуршала автомашина. Повернув голову, Греков увидел, что она остановилась у фонаря, вокруг которого метались мошки. Человек, вышедший из машины, стал пересекать площадь, направляясь к женскому общежитию. Несмотря на то, что он держался за чертой света, распространяемого фонарем, Греков узнал в нем Гамзина. Только у Гамзина на стройке был такой же, как у Автономова, плащ. Оставаясь в тени, Гамзин пересек площадь, нагнулся и, что-то подняв с земли, бросил в окно второго этажа общежития. Должно быть, это был совсем маленький камушек, мельчайшая галька, потому что стекло в окне звенькнуло совсем тихо. Гамзин постоял под окном и, так как на его призыв не отозвались, еще раз нагнулся и еще раз бросил камушек, на этот раз уже покрупнее. Стекло задребезжало громче, и тотчас же половинки окна распахнулись. Сердитый, заспанный голос Ночной Фиалки произнес на всю площадь:

— Тамарка, иди уж, твой ухажер тебя вызывает. Еще стекло разобьет!

Гамзин шарахнулся за угол общежития, но тут же его голова выглянула из-за водосточной трубы. Видимо, желание, чтобы его зов не остался без ответа, было сильнее чувства осторожности.

В открытом окне забелело чье-то лицо. Издали не разглядеть было, чье оно, но в том, что Гамзину отвечала Тамара Чернова, не приходилось сомневаться.

— Нет, Борис Аркадьевич, идите домой,— тихо, но четко сказала Тамара.

И весь их последующий разговор, несмотря на то, что говорили они вполголоса, хорошо был слышен в четкой тишине поселка.

— Томочка, только на полчаса,— сказал Гамзин.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—12.

— Нет, никогда,— ответила Тамара, и белая рука потянула внутрь половинки окна. Но быстро сказанные Гамзиным слова тут же заставили ее отказаться от этой попытки:

— Тамара, я собираюсь съездить на катере в станицу.

Греков недоумевал, каким образом эти слова Гамзина могли поколебать непреклонность Тамары, но и в этом нельзя было сомневаться. Внезапно надломленным голосом она уронила из окна:

— Хорошо, я сейчас.

Минут через пять ее тоненькая фигурка показалась из двери общежития, зябко кутаясь в легкую жакетку, и Гамзин, обняв рукой ее плечи, уверенно повел Тамару к машине. На пути их, на самой черте отбрасываемого фонарем света, лежала роза, выпавшая, должно быть, из букета, который нарезал для Тамары Игорь. Сапог Гамзина наступил на нее. В том месте расползлось пятно.

Хлопнула дверца машины. Вслед за этим на всю площадь ужаснулся голос Ночной Фиалки:

— Девочки, она опять с ним поехала!..

Нащупывая ключом замок в двери дома, Греков слышал, как машина проехала за его спиной обратно и повернула за угол в сторону порта. Скользящим светом фар осветило кусты роз. Нет, не совсем был оборван этот куст. Несколько роз юная жестокая рука великодушно пощадила, и они зияли среди обломанных ветвей, как свежие раны. И оттого, что их теперь было меньше, их запах стал совсем тонким, чуть слышным.

Свет от фар автомашины, упав на дверь, помог Грекову найти и щель замка. Сняв в передней сапоги, он на носках прошел через столовую, где спал на диване Алеша, к себе в комнату и, плотно прикрыв дверь, повернул выключатель.

Тот из прохожих, кто шел бы в этот час мимо дома Грековых, увидел бы, как осветилось у них угловое окно, а другое окно на противоположном крыле дома тут же погасло.

— А я и не знал, Греков, что ты такой негостеприимный хозяин.

Автономов и Греков весь день пробыли на дамбах порта будущего моря, на строительстве камер шлюзов и теперь, отпустив машину, пешком возвращались по левобережному крылу плотины в поселок. Усталые, долго шли рядом молча, прислушиваясь к шороху песка под ногами. Местами он шуршал сухо и звучно, а местами, где он только что был намыт, шипел. Там, где проходили они, следы их заполнялись водой. И вот Автономов нарушил молчание.

— К нам,— продолжал он,— приезжает литературная знаменитость из самой Москвы и едет не ради экскурсии, а затем, чтобы с нашей помощью запастись здесь, так сказать, вдохновением, и... встречает такой прием. И от кого же — от самого партийного руководства. А литературные знаменитости, как известно,— народ тонкошкурый.

Умел Автономов, как по лезвию, вести разговор. От Гамзина, конечно, он уже успел узнать, что произошло вчера в доме у Лилии Андреевны, но так и нельзя было понять, к чему он теперь клонит. То ли не прочь поиронизировать над столичной знаменитостью, которой вчера пощипали перья, то ли недоволен тем, что ей пощипали перья. На всякий случай Греков решил уклониться от ответа.

— Это всего-навсего был застольный обмен мнениями.

Автономов подхватил:

— После которого гость сел в свой лимузин и обратным курсом — в столицу.

Вот теперь можно было твердо сказать, что Автономов недоволен. И за то, что так обошлись в курене у Лилии Андреевны с почетным гостем, он делал теперь выговор Грекову. Но этого Греков не мог позволить.

— И...— насмешливо добавил он,— оставляет хозяев под угрозой очутиться в сюжете его нового произведения совсем в ином фокусе, чем они хотели бы себя увидеть.

Автономов приостановился, закуривая. Трепещущим пламенем озарились его небольшие бурые усы, раздвоенный подбородок. Вопреки ожиданию Грекова он не обиделся.

— А ты как же хотел? — спокойно сказал он, снова шагая рядом с ним по плотине. Ночь была душной, но намытый земснарядами песок окутывал их свежестью.— Ты назови мне хоть одного человека, который хотел бы, чтобы другие узнали его не с лучшей, а с худшей стороны. И если мы с тобой патриоты своей стройки...

— Смотря что понимать под этим словом. Патриот...— начал Греков, но Автономов не дал ему договорить.

— Здесь двух ответов не может быть. Спроси хотя бы у самой непутевой хозяйки, что она сперва спешит показать гостям: сор по углам или же пироги на столе.

— Не знаю, как непутевая, а хорошая хозяйка, по-моему, спешит вымести сор из углов.

— И на этом основании ты решил вдохновить своего гостя своей излюбленной темой, да? А он теперь вернется в Москву и начнет всем рассказывать, как его хотели тут сориентировать, так сказать.

— Ну, если всего бояться, что могут о нас рассказать...

Автономов мотнул головой так, что с его папиросы посыпались искры.

— Я, как ты знаешь, ничего не боюсь. Но и забывать никогда не стоит, что и в застольном разговоре каждый из нас остается тем, кто он есть. Эта Цымлова — всего-навсего женщина, ей позволительно все, что угодно говорить, а твое слово имеет резонанс. И, между прочим, позволь мне теперь по-иному воспринимать кое-какие другие факты у нас на стройке. Сегодня утром, например, является ко мне прямо в управление эта диспетчер Чернова и требует, понимаешь ли, требует, чтобы я ей дал в ученицы — кого бы ты думал?

Греков замедлил шаги.

— Кого же?

— Некую Шаповалову. То есть, значит, распространил на нее льготный режим.

— Что за Шаповалова?

Явное недоверие проскозило в голосе у Автономова, когда он, в свою очередь, спросил:

— Разве ты ее не знаешь?

— В первый раз слышу. Кто она такая?

— Соучастница твоего подзащитного Молчанова, она у нас на левом берегу. Да, да, Греков, сначала ты передо мной ходатайствовал за с а м о г о Молчанова, а теперь одна из твоих подопечных комсомолок — за его соучастницу. Так прямо и заявилась ко мне среди бела дня. И знаешь, чем она думала меня сразить?

— Чем же?

— Тем, что эта Шаповалова, оказывается, всего-навсего возлюбленная Молчанова и, стало быть, они должны постоянно чувствовать друг друга. Иначе может произойти трагедия. А она, Чернова, берется в два счета перевоспитать эту наводчицу. У себя в диспетчерской будке.

— И что же ты ей ответил?

— То же, что я ответил тебе и Цымлову, когда вы ходатайствовали за Коптева. Только, конечно, с соответствующим добавлением насчет сверчка и шестка. Эта королева красоты вспыхнула у меня в кабинете, как лазоре-

вый цветок, и хлопнула дверью так, что мой Персианов стал заикаться. А как же она думала? Этак, Греков, с твоей легкой руки каждая девчонка начнет у меня ключи к зоне подбирать. Или после эпизода с Коптевым на проране ты думал, что я свое мнение на этот счет изменил?..

— Нет, этого я не думал.

— И правильно делаешь. Этот эпизод с Коптевым еще ни о чем не говорит. Скорее всего бросился он на помощь к тому шоферу из чувства обычной профессиональной солидарности, не больше. Вы с Цымловым вообще бываете склонны разводить философию вокруг самых рядовых фактов.

— А ты, Юрий Александрович, считаешь, что можно и не считаться с фактами, раз это заведено не нами,— холодно сказал Греков.

Автономов рассмеялся.

— Ого, ты, оказывается, не прочь мне за Коптева отомстить?

— Нет, просто у меня хорошая память. И не за Коптева я тебе мщу, хотя, вообще-то говоря, и мщу. Я уже убедился, что в деле с Коптевым ты, к сожалению, прав.

— Почему же, к сожалению?

— Потому что иногда в жизни бывает, когда для человека лучше узнать, что он ошибся.

— Что-то очень мудро.

— Проще пареной репы. Невелика радость заподозрить человека в плохом и потом торжествовать свою проницательность. И мщу я тебе, если хочешь, как раз за то, что в деле с Коптевым ошибся я, а не ты. Конечно, с точки зрения твоего авторитета, ты еще раз оказываешься на высоте, но с другой точки зрения, это еще одна потеря.

Автономов долго шел после этого, не проронив ни слова. Вспышки папиросы освещали его лицо. Потом он дотронулся до плеча Грекова.

— Давай сядем.

И первый опустился на песчаную бровку плотины, протянув ноги вниз по склону. Греков сел рядом. С громадной высоты открывались им многочисленные огни, бороздившие внизу пойму. И в этот предрассветный час по всем ее дорогам и по бездорожью бродили бульдозеры и автомашины, а на опушках лесов и на лугах горели костры лесорубов и чабанов. Порывами ветра доносило оттуда едкую горечь. Еще три года назад нельзя было и представить, что эта тишина может быть так разбужена, эти ночи так осиянны, а все чистейшие ароматы, которыми дышали зеленые луга, не только разбавлены, но и почти совсем изгнаны отсюда смесью запахов дизельного топлива и металлической гари.

— Хорошо, будем философствовать,— снова дотрагиваясь до плеча Грекова, сказал Автономов.— Есть два человека, беседующих на тему о времени и о себе. Ты готов?

Другой удивился бы столь быстрой смене настроений у Автономова, но Греков к этому привык.

— А не поздно?

— Об этом поздно говорить только на кладбище. Вот ты мне скажи, великий гуманист, как ты думаешь: поймут ли нас и оправдают ли наши дети и внуки? То есть ближайшие наши потомки?

От Автономова можно было ожидать самого неожиданного поворота в разговоре, но теперь и Греков удивился:

— Об этом, пожалуй, лучше всего будет спросить у самих потомков.

— Ты знаешь, что я остроты люблю только умные. На серьезный вопрос серьезно и отвечай. Оценят ли они все то, что мы для них сделали? Поймут ли нас, оправдают или же бесповоротно осудят?

— Но прежде нужно выяснить, в чем они могут нас понять или не понять? Какие наши доблести они должны оценить и в каком оправдании мы с тобой будем нуждаться? — низким голосом поинтересовался Греков.

— Ну хорошо, подойдем к этому же вопросу с другой стороны. Как ты, Греков, считаешь: в чем состоит главная трагедия людей нашего поколения? Да, да, не смотри на меня так, я это слово выговариваю хорошо.— И, не дожидаясь ответа, Автономов сам и продолжал: — По-моему, главная трагедия их в том, что им приходилось быть и жестокими. И не только потому, что они этого хотели. Но трагедия даже не столько в этом, сколько в том, что дети, пожалуй, и не поймут, во имя чего это делалось. Не оценят, Греков, а скорее всего осудят, посчитают нас черствыми и, возможно, даже бесчеловечными. И знаешь, какая, по-моему, единственная возможность у нашего поколения быть понятым?

— Какая же?

— Оставить память в вещах. Все остальное можно сдвинуть и переоценить, а эта плотина,— Автономов очертил в воздухе дугу огоньком папиросы,— будет стоять. Тогда, быть может, и дети поймут, во имя чего были и суровость и даже излишние жертвы.

— Итак, жертвоприношение во имя будущего? — спросил Греков.

— Может быть, и так.

— Но нельзя же жертвоприношение превращать в государственную философию. Мы не жрецы.

— Ты, Греков, часто бываешь похож на попа. У тебя в карманах есть ответы на все вопросы жизни. Стоит только полезть в карман — и готов ответ.

— А ты, Юрий Александрович, хотел, чтобы я или кто-нибудь другой сразу отпустил тебе все прошлые грехи и выдал, кроме того, индульгенцию на будущее. С индульгенцией в кармане можно жить без всяких угрызений совести. Совершил ошибку, поцарапал себе раскаянием сердце и тут же пролил на него бальзам во имя будущего. Обидел и даже сломал человека, пощупал индульгенцию в кармане и — шагай дальше. С индульгенцией можно не ковыряться.

— Вот и я говорю, что ты мстительный. Ну что же, если, по-твоему, мы не жрецы, то, значит, тогда ягнята. Это тебя устраивает?

Струйчато переливая из руки в руку песок, Греков усмехнулся:

— Что-то ты взялся меня сегодня пугать. И сам, похоже, чего-то боишься.

— Я-то не боюсь.

— Ну, а мне и подавно не страшно. Хороши ягнята, которые Гитлера съели. Да ты, Юрий Александрович, и сам на ягненка не очень похож.

Автономов засмеялся.

— А что, разве мало нашей кровушки осталось за спиной?

— И что же, все это время ты думал о себе, как о слепой жертве? А, по-моему, если нам и приходилось оставлять свою кровь, то без всякого жертвенничества. Не с закрытыми глазами ложились под резак жреца. Глаза у нас были открытыми, и мы знали, куда идем. Может быть, конечно, и не оценят. Но если думать только о том, оценят тебя или нет, то это действительно будет трагедия.

Внизу, на самом дне поймы, что-то начинало светлеть: то ли вода, то ли разгорался большой костер. После долгого молчания Автономов глухо сказал:

— Иногда завидую я тебе, Греков. Вот и однолетки мы с тобой, и водку я, пожалуй, умею пить лучше тебя, а на что-нибудь другое, кроме плотины, у меня уже сил не хватает. Ни на то, чтобы возиться с Коптевыми или Молчановыми, ни на другое. Я могу делать только одно. Вот мое главное дело,— и он снова очертил папиросой дугу в воздухе.— Ну, а все остальное...— И, не договорив, он резко встал, стряхивая ладонями с одежды песок.— Пойдем, что ли.

И снова у них под ногами зашуршал песок. Внезапно, после того как они перешагнули через пульповод и их обдало мельчайшей пылью фонтанирующей на сочленении труб воды, Автономов остановился и, придерживая Грекова за локоть, заглянул ему в лицо.

— Третий год, Греков, мы здесь вместе, а все так же трудно мне с тобой. И больше всего трудно потому, что не можешь ты без того, чтобы не посыпать душу солью. Есть в тебе какое-то непостижимое упорство, когда ты садишься на своего конька, измором человека берешь.— В голосе у Автономова сплелись восхищение и зависть, но тут же он вздохнул.— Устал я от тебя. Знаешь что, поезжай-ка ты сейчас в отпуск. Тебе ведь тоже пора отдохнуть, три года в отпуске не был. Если хочешь, я с тобой и Валентину Ивановну отпущу. Махните вместе куда-нибудь на Черное море.

Греков опешил. Все что угодно мог ожидать он от Автономова, но только не того, чтобы обратился он к нему с таким предложением, и притом с самым серьезным видом. Не выпуская локтя Грекова, он смотрел на него таким убеждающим взглядом, что тот невольно рассмеялся.

— Спасибо, Юрий Александрович, за заботу о моем здоровье, но позволь мне воспользоваться твоим предложением после окончания стройки. Отдыхать будем вместе, теперь уже недолго ждать осталось.

— Ну, как знаешь,— вяло сказал Автономов.— Но я тебе уже сказал, что для меня сейчас забота номер один — плотина. И ты мне своими вечными вопросами душу не трави. Кроме этой заботы, как ты знаешь, у меня ничего нет. Ты вот сейчас придешь домой, у тебя жена, дочь и, кажется, приехал к тебе в гости сын...

— Приехал.

— Теперь вся семья, значит, в сборе?

— Вся.

— Ну вот... А я сейчас приду домой и опять останусь один. У меня, как ты знаешь, после того, как Шура в роддоме умерла двадцать лет назад, ни жены, ни семьи нет. Мог бы, конечно, за это время и жениться, но, говорят, есть такие странные люди — однолюбы, должно быть, и я принадлежу к их числу. И жену я бы, конечно, себе нашел, а вот мать для дочери — это еще вопрос. А теперь и дочь уже отлетела от меня: учится в Москве. Теперь я совсем один. И эта плотина для меня — все.— Угрожающие нотки прозвучали у него в голосе, как будто кто-то намеревался отобрать у него его плотину.— Ты вот сейчас придешь домой и скажешь жене: Валя, Валюша. А я приду, сниму трубку и скажу: бетон и монтаж. И ничего другого я сейчас не хочу знать.

Предрассветная мгла впереди голубела, и из нее все отчетливее проступали башни кранов. Но все линии еще были расплывчаты, а лязг и грохот впереди то ли смягчен заполнявшей пойму водой, то ли приглушен утренним туманом.

У входа на эстакаду они расстались. Автономов, не задерживаясь, стал опускаться по откосу плотины прямо в поселок, а Греков еще задержался у кранов.

Он тоже пошел бы с Автономовым прямо домой и после бессонной ночи с наслаждением поспал бы часа три-четыре перед началом нового дня на стройке, но его окликнул откуда-то сверху знакомый голос:

— Василий Гаврилович! Товарищ Греков!

Осматриваясь, он никого поблизости не увидел и уже хотел было согласиться с тем, что голос ему почудился.

— Да это же, Василий Гаврилович, я!

Только после этого увидел он наконец над собой ковбойскую рубашку Федора Сорокина, который спускался по железной лесенке с башни портального крана.

— Вас-то, Василий Гаврилович, мне и нужно,— спрыгивая с последней ступеньки лесенки, радостно сказал Федор.

Греков посмотрел вслед Автономову, который не спеша спускался с откоса. Шел он, чуть откинув корпус, у него была такая же, как всегда, твердая, уверенная походка. Он, конечно, так и прошагает до самого поселка и ни разу не оглянется, в уверенности, что его спутник никуда не денется. Автономов не привык, чтобы его заставляли ждать.

— Ты кто, Сорокин: крановщик или секретарь комитета комсомола? — сурово спросил Греков.

Тем более сердился он, что ему приходилось расстаться с надеждой вздремнуть перед утром. Он хорошо знал, что отделаться от Федора теперь будет не так-то просто, и, сердясь, даже не назвал его, как обычно, по имени.

И, должно быть, заметив это, Федор Сорокин тоже ответил ему с подчеркнутой официальностью:

— Секретарю комитета, товарищ Греков, приходится иногда быть и крановщиком, и бетонщиком, и еще кое-кем.

Последние слова он произнес с явной загадочностью.

— В три часа ночи?

— И в три часа ночи.

Греков взглянул в его покрасневшие глаза и смягчился. Все на стройке, кто привык отбывать только положенные часы, давно уже видят в своих постелях вторые и третьи сны, а этого парня с глазами, будто засыпанными песком, и в этот час удерживает на эстакаде какая-то забота. Как же на него обижаться!

— Это Вадима Зверева кран? — примирительно спросил Греков, беря Федора за рукав и отводя его в сторону с рельсов, по которым надвигалась на них выпуклая грудь мотопоезда, везущего с завода бадьи с бетоном.

Федор Сорокин был столь же обидчив, сколь и отходчив.

— Его.

— И это ты решил его навестить?

Но Федор не захотел продолжать разговор в том же тоне.

— Много для него чести,— сказал он сухо.

— Зачем же ты к нему лазил?

— В порядке воспитания,— сказал Федор с такой убежденной серьезностью, что и Греков не посмел улыбнуться.— Я ему там,— он повел подбородком, показывая на кабинку крана,— такую баню закатил, что он сидит теперь весь мокрый, как мышь. И этого для него еще мало за то, что он так вляпался в эту историю с запиской.

— Что еще за история?

— А разве до вас еще не дошло?

— В первый раз слышу.

Федор вздохнул с явным облегчением.

— Значит, Чернова все-таки успела уговорить Гамзина.

— При чем здесь Гамзин?

— Как при чем? Вы, должно быть, знаете, что Гамзин не может Тамаре ни в чем отказать. Влюбился в нее на старости лет, плешивый дурак...

— Он, Федор, все-таки начальник района.

— Извиняюсь. Но тут у него, конечно, ничего не выйдет,— уверенно добавил Федор.

— Допустим.

— И вот я попросил Тамару повлиять на Гамзина, чтобы он пока не давал этому делу хода. Она сперва отказалась, но ведь речь идет о судьбе товарища.

Греков сердито прервал его:

— Подожди, так я у тебя все равно ничего не пойму. Если ты не перестанешь перескакивать с одного на другое, я брошу тебя слушать и уйду. Говори о чем-нибудь одном. Сперва ты говорил о Вадиме, потом о какой-то записке, теперь о Тамаре и Гамзине.

— Так она же, Василий Гаврилович, попала прямо к нему! — вибрирующим голосом вскричал Федор.

— Кто? Тамара?

— Да нет же, записка. После того, как этот краснолицый Профессор полминуты потерся около Вадима, она исчезла у того из кармана и очутилась у Гамзина.

— Ну вот, теперь еще появился какой-то профессор, и я уже ровным счетом ничего не могу понять. Давай договоримся так: сейчас иди поспи, я тоже пойду вздремну часа два, а потом придешь ко мне и все расскажешь по порядку.

И Греков решительно повернулся, чтобы уходить. Но Федор взмолился таким голосом, что он невольно остановился.

— Нет, нет, Василий Гаврилович, не уходите, сейчас я вам все расскажу. Все по порядку. А откладывать это дело ну никак нельзя! После того, как оно завертится, его уже нельзя будет остановить. Я вам в двух словах. Давайте только отойдем отсюда.— Теперь уже он взял Грекова за рукав и отвел его подальше от рельсов, по которым возвращался на бетонный завод с порожними бадьями мотопоезд.— Вы, конечно, знаете, что теперь напарником у Вадима на кране работает его старый друг Виталий Молчанов...

— Знаю, Федор, и о том, что Чернова по твоему поручению ходила к Автономову, чтобы и подругу этого друга тоже перевели сюда, на эстакаду.

— Нет, Василий Гаврилович,— виновато сказал Федор,— это она не по поручению, а сама. Но я, конечно, об этом знал.

Вконец обезоруживал Грекова бесхитростно-ясный взгляд этих глаз, не знающих, что такое обман и вероломство.

— Но о том, что Вадим согласился передать записку Молчанова его девушке, я, Василий Гаврилович, честное комсомольское, не знал,— грудным голосом заверил Федор. Греков ни на секунду не усомнился, что так оно и было.— Конечно, записка самая безобидная, но все равно факт налицо. Как комсомолец, он не имел права. А этот Профессор, должно быть, подсмотрел, когда Вадим с Молчановым договаривались в прорабской во время пересмены, потерся около Вадима, и записка перекочевала к Гамзину. Нет, он не настоящий профессор,— подстерегая недоуменное движение Грекова, поспешил пояснить Федор.— Это воровская кличка того самого парня, который месяц назад с помощью Гамзина перевелся из зоны Цымлова сюда и теперь работает здесь бригадиром по бетону. Да вы должны его знать. Краснолицый и такой совсем мозгляненький на вид.

— Припоминаю.

— Ну вот,— веселея, вздохнул Федор.— Я же и говорю, что вы должны его помнить. Одним щелчком можно сшибить. Но, несмотря на это, у него здесь над всей шпаной власть. Говорят, это и есть тот самый король воров, о котором был слух.— Федор оглянулся.— А к Гамзину, говорят, он натаптывал дорожку с тыла. Через дом Клепиковых. Но это, Василий Гаврилович, совсем уже похоже на сплетню.

— Продолжай, Федор, продолжай,— хмуро разрешил Греков.

— Мои комсомольцы приметили, что одна и та же женщина и индюшек каждое воскресенье доставляет Лилии Андреевне на дом и передачи этому Профессору носит. А Гамзин с Лилией Андреевной дружит. Но, может быть, Василий Гаврилович, это и просто совпадение,— тут же горячо сказал Федор.

Страшно боялся он, чтобы хоть единое пятнышко зря упало на человека. Греков кивнул.

— Ты, Федор, продолжай.

— И, как я уже сказал, из той зоны он перекочевал в эту, и тут его сразу же назначили бригадиром. А с Молчановым он, оказывается, связан одной веревочкой с давних пор: вместе в одном деле участвовали. И теперь он решил Молчанову отомстить, когда тот отказался отдавать ему долю.

— Какую долю?

— Я же сказал, что этот краснолицый Профессор имеет власть над всей шпаной, и каждый обязан отдавать ему третью часть заработка или даже половину, точно не знаю. А бетонщиков в своей бригаде он заставляет отдавать ему и его близким дружкам проценты при перевыполнении плана. Чтобы досрочно попасть на волю. Тут же, Василий Гаврилович, люди есть разные. Одни, как Молчанов, хотят заработать себе сокращение срока или амнистию честно, а другие — любым путем, лишь бы поскорее выйти, а там опять в одну руку отмычку, а в другую нож. Но, кажется, мы этому Профессору сумеем дорожку перейти, хоть он и намекнул мне, что иногда на дурную голову падает и дурной кирпич.— Федор презрительно фыркнул.— У меня голова крепкая. У нас здесь все десятники и учетчики — комсомольцы, они не позволят ему эти процентики стричь. Вот только Гамзин говорит, что это не наше дело, на это есть администрация зоны.

— А Молчанов, говоришь, работает хорошо?

Федор вздохнул.

— Работал, но теперь что-то опять завял. Он Вадиму сказал, что для него, видно, нигде жизни нет.

— И после этого Вадим тут же согласился к нему в почтальоны поступить? — низким тенорком спросил Греков.

— Да, но...

— А теперь ты хочешь, чтобы я Вадиму бросил спасательный круг?

— Я, Василий Гаврилович, думал...

Но Греков резко перебил его:

— Ты думал, что Греков здесь царь и бог, да? Достаточно ему повести бровью — и все будет сделано, как он хочет?! Ты думал, что никого здесь больше на стройке, кроме Грекова, нет, да?!

Федор потерянно повторил:

— Я думал...

И опять Греков перебил его, рубя ладонью воздух:

— Думать об одном и том же можно поразному. Можно, например, думать о Молчанове, что он жертва воспитания, и сочувствовать, что он разлучен со своей милашкой, а можно думать о нем как об убийце, который только случайно не пустил в ход свой нож. И помогать этому убийце устанавливать связь со своей наводчицей тоже не больше, не меньше, как уголовное преступление. Если говорить прямо, больше оснований думать именно так. Закон есть закон, а все остальное, как говорит твой Автономов, область эмоций. И ты, как секретарь комитета, своего Вадима Зверева за это по головке не гладь.

— Я, Василий Гаврилович, и не глажу.

— Если погладить его за это сейчас, то мы здесь такое разведем, что и вся охрана зоны превратится в стаю почтовых голубей. Будут носить мокрушникам приветы от их марусь. Нет, ты этого своего друга Вадима...

Федор Сорокин взроптал:

— Да что вы, Василий Гаврилович, я ему уже и так... Вот я еще его на комитет вытащу.

— А вот на комитет выносить, пожалуй, и не стоит,— понизив голос, сказал Греков.— И вообще предавать это дело широкой огласке не следует. Ведь у него это первый случай.

— Первый-то первый...

— Ну вот, он мог и не знать, какой это может принять оборот. Он, конечно, по своей наивности думал другу помочь. Достаточно будет и той бани, которую он от тебя получил.

— А как же Гамзин? У него же в руках этот вопиющий документ.

— С Гамзиным я сам поговорю. Он сейчас у себя?

— Был у себя. Спит в кабинете.— И, помолчав, Федор добавил: — На казарменном положении.

— Ну и договорились. А теперь иди спать. Глаза у тебя, как щелочки. Пора бы уже знать тебе, что не тот руководитель хорош, который и себе и другим спать не дает.

Гамзина он нашел на его КП, выглядывающем из-под откоса плотины на эстакаду белой шиферной крышей и тремя остекленными поверху стенами. Достаточно было начальнику центрального района встать в своем кабинете из-за стола во весь рост, и он мог, как на ладони, увидеть в любой час дня и ночи, что делается на плотине и на ГЭС: и как портальные краны носят с платформ бадьи с бетоном к блокам плотины; и как электросварщики, повиснув на цепях, сваривают арматуру; и как монтажники собирают на отдельном стенде ротор первой гидротурбины; и все остальное, что совершалось на железобетонной части плотины, этом, по выражению Автономова, сердце всей стройки. Ни на минуту не переставало оно ворочаться и стучать так, что лязгающее эхо его расходилось вокруг по степи, как круги по воде.

Но сейчас все три стеклянных стены КП были наглухо задернуты малиновыми шторами, точно такими, как в кабинете у Автономова. И когда Греков, открыв дверь, вошел к Гамзину в кабинет, там был разлит красноватый полумрак. Сквозь плотные шторы почти не пробивалось могучее электрическое свечение на эстакаде. Тускло блестели на столике сбоку стола телефоны.

Пошарив на стене у двери, Греков повернул выключатель и при ярком свете вспыхнувшей под куполообразным потолком люстры, такой, как в кабинете у Автономова, увидел Гамзина. Он лежал на спине на раскладушке, высунув из-под пухового одеяла усы. Сбоку на спинке стула висели китель и галифе, а под стулом стояли хромовые сапоги. Из начальников районов Гамзин первый на стройке перешел на казарменное положение, привез в свой кабинет раскладушку, и Автономов не раз на совещаниях ставил его в пример.

И весь кабинет Гамзина был как младший брат кабинету Автономова: такие же зеленые пупырчатые стены, так же батарея телефонов расположилась на маленьком столике справа от письменного стола, и такая же люстра с электрическими свечечками струила сверху нераздражающий, матовый свет. Только все было меньших размеров. Кабинет Автономова в миниатюре.

Разбуженный светом, Гамзин сердито прикрыл глаза ладонью.

— Я же сказал, что если только сам Автономов!..— Но, увидев Грекова, он тут же спустил с кровати ноги.— А я вас, Василий Гаврилович, не сразу узнал. Я всего пять минут как уснул. Тут только позволь, круглые сутки будет в кабинет к начальнику района стоять очередь. Если вас интересует последняя сводка о бетоне, я...— Рука его потянулась к телефону.

Греков успокоил его.

— Сводку я знаю. Я всего лишь попутно. Тут у вас есть, говорят, некое любовное послание...

Круглые глаза Гамзина стали еще более круглыми.

— Какое послание?

— Там, кажется, кто-то из крановщиков...— Греков старался говорить как можно небрежнее.

— Ах, да, как же, есть.— И Гамзин полез в карман кителя, повешенного на спинку стула. Листок оторванного от папиросной коробки картона лежал у него в записной книжке.— Вот.

Греков вскользь пробежал глазами строчки, набросанные карандашом на листке картона еще совсем мальчишеским почерком. «Сам отказал,— прочитал он,— но ты, рыженькая, не унывай, обещают амнистию. А Профессора я теперь ничуть не боюсь».

Записка, конечно, была без подписи, законы конспирации соблюдались здесь строго. Перевернув листок картона с красным сургучным пятном «Нашей марки», Греков подумал, что папиросы автор записки курит дорогие. А, быть может, он и просто подобрал брошенную кем-нибудь пустую коробку. Вон и на стуле у Гамзина раскрыта «Наша марка».

— Придется мне ее взять и заняться этим самому,— все так же небрежно сказал Греков.

Гамзин немедленно согласился:

— Пожалуйста, она мне не нужна. Если бы я, Василий Гаврилович, знал, что вы лично заинтересованы в этом деле, я бы сразу переслал ее вам.

— Приходится интересоваться всем,— пряча кусок картона в карман, сказал Греков.

— Понимаю... По долгу партийного руководителя,— подтвердил Гамзин.

А глаза его смотрели на Грекова насмешливо-трезво. И где-то в глубине их затаилась чуткая, выжидательная настороженность.

Нет, так и не удалось ему попасть домой и поспать хотя бы час перед началом нового дня. Этот день уже начался. Красное солнце, выплывая из-за Дона, уже отразилось в стеклах кабин на кранах, а на их стрелах погасли огни. На эстакаде, на земснарядах, на картах намыва ночная смена уступала место утренней. Одни колонны, молчаливые, дрогнувшие в утреннем тумане, выливались из ворот зоны, а другие, громкоголосые, насмешливые, вливались в них и ручьями растекались по участкам. Торжествовал молодой, ласковый смех.

И заглянув только на десять минут в рабочую столовую, Греков оттуда попал в управление, где Автономов со свежим, выбритым лицом, как будто он всю ночь проспал богатырским сном, уже проводил диспетчерское совещание, а из управления поехал на раскопки хазарской крепости, на арматурный двор и на бетонные заводы... Теперь уже ему было не вырваться из этого ритма... Удивительным свойством обладал этот тугой, слаженный ритм большой стройки — поднять человека на волну какого-то особенного подмывающего настроения и заставить его забыть об усталости.

И еще давно уже заметил Греков какую-то особую, объединяющую власть этого ритма на самых разных людей: и на тех, что вливались в ворота зоны в сопровождении конвоиров, и на тех, что ходили и выходили из этих ворот свободными, шумными толпами, сопровождаемые лишь раскатами беззаботного смеха. И всегда какое-то волнение начинало щемить его сердце, когда он видел, как те и другие, и так называемые вольные и так называемые ЗК, с началом рабочего дня смешивались на строительных площадках вместе, и тогда уже совершенно невозможно было понять, кто же из них ЗК, а кто вольный. Нередко даже можно было слышать, как кто-нибудь из ЗК прикрикивал на своего нерасторопного напарника из вольных и тот ничуть не обижался. В свою очередь, можно было видеть, как ЗК при чересчур суровом окрике своего вольного напарника лишь раздувал ноздри и скатывал в сторону налившиеся кровью глаза, но не шарил за пазухой нож, а, усмиряя гнев, молча начинал исправлять своюошибку. В труде таяла непроницаемая перегородка между ними; труд и общая цель если не уравнивали, то объединяли всех.

И, может быть, самое радостное было убедиться, как при этом что-то глубоко запрятанное, истинно человеческое все явственнее начинало проступать в обычно притененных угрюмоватой печалью лицах так называемых ЗК, и они вдруг совсем забывали об этом магическом слове з а ч е т и работали уже не во имя зачета, а для того, чтобы побыстрее дать плотину стране. А если это так, то, значит, и в каждом из этих людей, решительно в каждом, за самыми редкими исключениями — но Греков не хотел признавать и этих исключений,— самым существенным оставалось вот это истинно человеческое, что извлекал труд из-под завалов ошибок, из-под коросты обмана, из тины равнодушия и из скорлупы других наслоений бурного времени.

И тогда вдруг нелепым сновидением начинали казаться все эти нити колючей проволоки, отчеркнувшей запретную зону, а венчающие ее по углам сторожевые вышки как будто отступали куда-то далеко в степь и, колеблясь, таяли там в изменчивом мареве.

Но звучал сигнал отбоя. Одни выливались из ворот зоны жизнерадостными толпами, а другие строились и вытягивались из этих же ворот, зорко охраняемые конвоирами. И все эти вышки с лохматыми нитями протянутой между ними проволоки опять подступали ближе, приобретая свое подлинное значение. Нет, это был не сон.

И невозможно было заслониться от всего этого ни словами, что все это з а в е д е н о кем-то другим, ни словами, что н а ш е д е л о — воздвигать плотину и оставлять о себе память в вещах. Совесть нельзя было запрятать в зону этих удобных формул и слов и убаюкать, как розовой соской, тем доводом, что есть такие вопросы, на которые будут даны исчерпывающие ответы потом, после. Но почему же, думал Греков, потом, если не в 2001-м, а в 1951 году совершил такую ошибку Молчанов, в то время как его ровесник и друг Зверев не совершал подобной ошибки? И с Коптевым, который, как и все другие солдаты, защищал на фронтах Родину, теперь произошла вся эта история, о которой рассказала Грекову желтая папка?

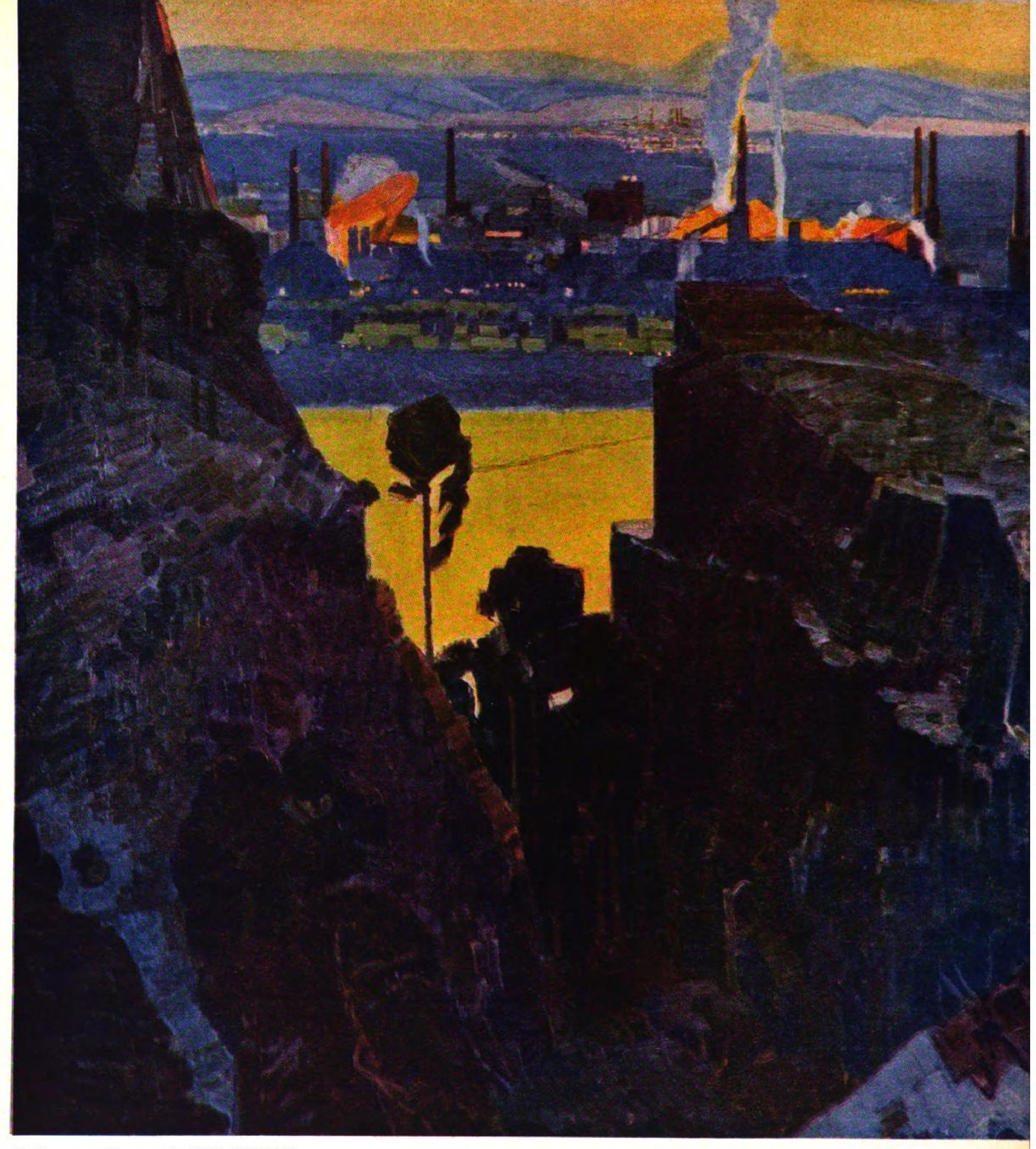
И кто из них действительно виноват, а кто просто ошибся или же попал в густой бредень излишне сурового закона?

Но и в том случае, когда закон справедлив, ему, коммунисту Грекову, не успокоиться, не утешиться мыслью, что все, стало быть, в порядке вещей, коль порок наказан. Вон и Галина Алексеевна не хочет утешаться этой соской, а домогается ответа, как и когда случилось, что в детстве Молчанов и Зверев лазили друг к другу через забор, как сегодня лазают Алеша и Вовка Гамзин, а теперь их разделяет граница запретной зоны. Один оказался преступником, а у другого жизнь сложилась иначе.

Если откладывать ответы на все эти вопросы на п о т о м, то, значит, пусть и дальше все это продолжает случаться?.. Но почему же Греков и его товарищи должны перекладывать весь этот груз на плечи тех, кто будет жить потом, оставляя все это в наследство своим детям и внукам?!

Он возвращался домой, но и там он не мог не думать об этом. Не всякую мысль можно погасить так же просто, как гасят свет, повернув выключатель.

Продолжение следует.

И. Чермянин (Кемерово). ОГНИ КУЗБАССА.

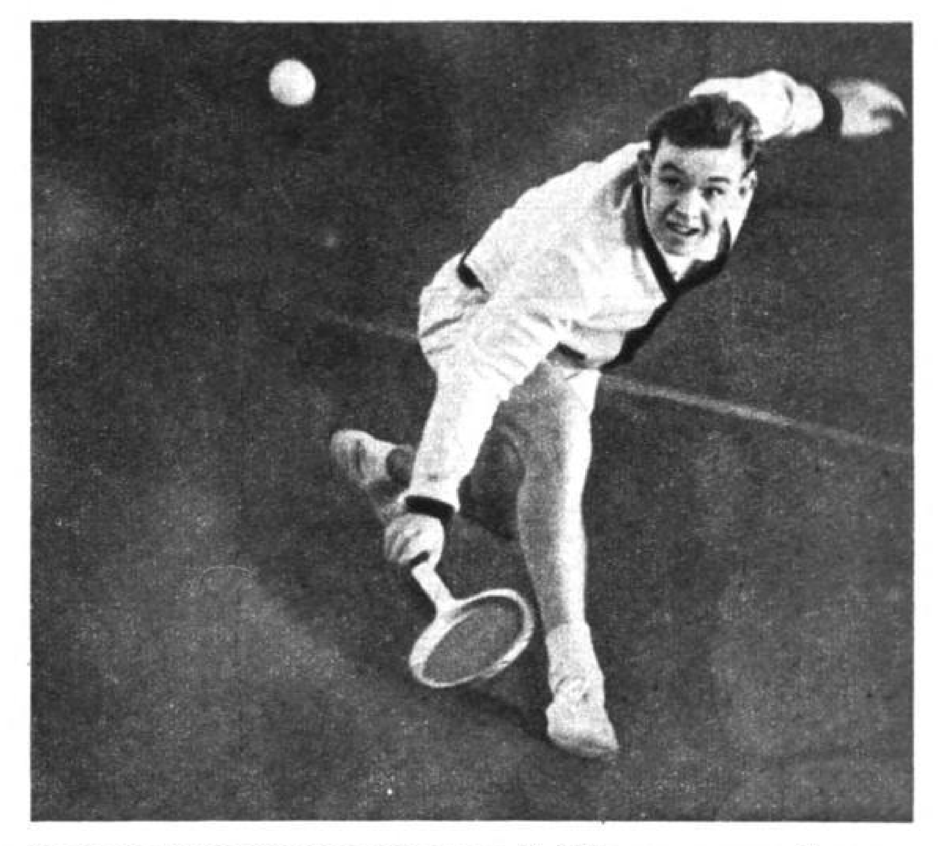
Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

М. Володин (Москва). КОЛХОЗНОЕ СТАДО. Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Ю. Анохин (Московская область). ПЫЛАЮЩИЙ ВЕЧЕР. Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Победил Лейус...

П. МИХАЛЕВ,
К. ХЕЛЕМЯЭ

На московском международном турнире Т. Лейус встретился в финале с итальянцем С. Якобини. Решающий мяч.

Фото Евг. Волкова.

Альги Лейус в мечтах видела своего сына пианистом. У маленького Тоомаса был хороший слух. Но накануне испытаний в музыкальной школе мальчугана вдруг поразил вирус спорта, и у Тоомаса не осталось ни минуты на разучивание гамм. Тогда мать решила схитрить.

— Хочешь иметь настоящую теннисную ракетку?

— Хочу.

— Куплю, если ты хорошо выдержишь экзамены.

О, ради этого стоило стараться! И Тоомас уже не бежал в парк Кадриорг на корты, а прилежно сидел за роялем.

Его приняли в музыкальную школу, и мать выполнила свое обещание.

Своя ракетка! Теперь Тоомас с раннего утра поднимал чуть ли не весь дом. Отрабатывая удар, он посылал упругий мячик в деревянную, гудевшую, как барабан, стенку дома. Соседи прогоняли его, жаловались родителям. Но на следующий день все начиналось сначала.

Шло время. Вместо глухой стены дома, безропотно переносившей удары мяча, Тоомас стал использовать для шлифовки своих ударов тренировочную стенку удобного корта. А когда на следующий год Тоомас завоевал первенство среди юных таллинских теннисистов, в дом Лейусов пришел незнакомец.

— Эвальд Крез, тренер,— представился он родителям.—Иди, Тоомас, погуляй,— сказал он мальчику.

— Вы знаете, что ваш сын может стать хорошим теннисистом?— спросил гость, когда за Тоомасом хлопнула дверь.

Карл Лейус не сумел скрыть довольной улыбки (в душе он был поклонником спорта), а Альги схватилась за голову. Что будет с ее мальчиком! Классная руководительница в школе, где Тоомас учился на круглые пятерки, говорила ей, что у сына светлая голова. «Он всегда первым сдает контрольные работы». В музыкальной школе педагог был доволен его успехами. А тут этот тренер!..

Теперь весь день был расписан у Тоомаса по минутам. Пока Альги по утрам хозяйничала на кухне, из комнаты доносилось прерывистое дыхание сына, неутомимо работавшего с гантелями, эспандером. Затем его ждали школа, рояль, уроки, занятия в теннис-холле у Крез.

Лишь мать знала, как нелегко даются Тоомасу многочасовые тренировки. Пожалуй, это и примирило ее со спортом. Ведь Альги видела, что теннис воспитывает в Тоомасе упорство, трудолюбие, мужество.

...Молнией летал маленький Лейус по корту, еле успевая отражать пушечные удары сильнейших теннисистов республики — Хиопа, Кедарса... Он разбил вдребезги не одну ракетку, пытаясь в падении отбить «мертвый» мяч. Но Тоомас не только оборонялся. Он упорно рвался вперед, к сетке, на огневой рубеж настоящих теннисистов. И все время пытался атаковать. Но тщетно. Судьи раз за разом бесстрастно объявляли о поражениях Тоомаса. Однако даже сам Крез не мог ничего прочесть на лице Лейуса, когда тот жал руку сопернику после очередного поражения. И только Альги знала его другим. Молчаливый, замкнутый, неразговорчивый, Тоомас лишь матери поверял все самое сокровенное. Сквозь слезы он упрямо шептал ей: «Я буду выигрывать у них!» И в этих словах было столько решимости, чувствовалось столько желания победить, что порой Альги пугалась.

И вот победа пришла! Она была добыта упорным, честным трудом. Тоомас отказывал себе во многих развлечениях своих сверстников. Он повзрослел, научившись управлять своими мальчишескими желаниями. Теперь Тоомас обыгрывал и Хиопа, и Кедарса, и Пармаса. Вместе с паспортом он получил почетное звание мастера спорта.

Да, это был успех. Но, к огромному огорчению матери, Тоомас, грубо говоря, задрал нос. Для него мгновенно перестали существовать авторитеты. Он возомнил себя незаменимым игроком сборной Эстонии. С товарищами стал резок и заносчив. А однажды на стадионе, после очередной победы сына, Альги вся залилась краской, случайно услышав, как, спеша в душевую, этот мальчишка на вопросы корреспондента небрежно бросил: «Обо мне уже писали. Посмотрите в других газетах, а я занят».

Альги и Крез это взволновало не на шутку. И тогда с прямотой, на которую имеют право только мать и только такой тренер, как Крез, они высказали Тоомасу в глаза все, что думали о нем. Наверное, это был самый тяжелый день в жизни Лейуса.

На следующее утро перед уходом матери на работу Тоомас сказал ей только:

— Я все понял, мама!

И Альги поверила ему. Во взгляде сына она увидела точно такую же ясность, точно такое же стремление жить по большому счету, как в тот день, когда Тоомас принес домой комсомольский билет.

Но был в жизни Лейуса и еще один очень трудный день. Это случилось далеко от дома — в Англии, в маленьком, но известном всему миру городке Уимблдоне. В 1959 году в эту «теннисную Мекку», на ее травяные корты съехались сильнейшие ракетки земного шара и среди них юные советские теннисисты. Правда, Тоомасу не повезло. Он не смог попасть в финал взрослых с участием сильнейших и довольствовался «утешительной» подгруппой. Однако для него не все еще было потеряно.

Так получилось, что в день розыгрыша юношеских полуфиналов Тоомасу, как назло, выпало играть последнюю «утешительную» встречу. Он проиграл этот многочасовой «марафон» взрослому — американцу Фоксу. На отдых оставалось меньше двух часов. Быстро летели эти минуты, а его противник по юношескому турниру южноафриканец Мандельштат чувствует себя прекрасно: ведь он не выступал в этот день — и, свежий, полный сил, с первых ударов начинает наступление.

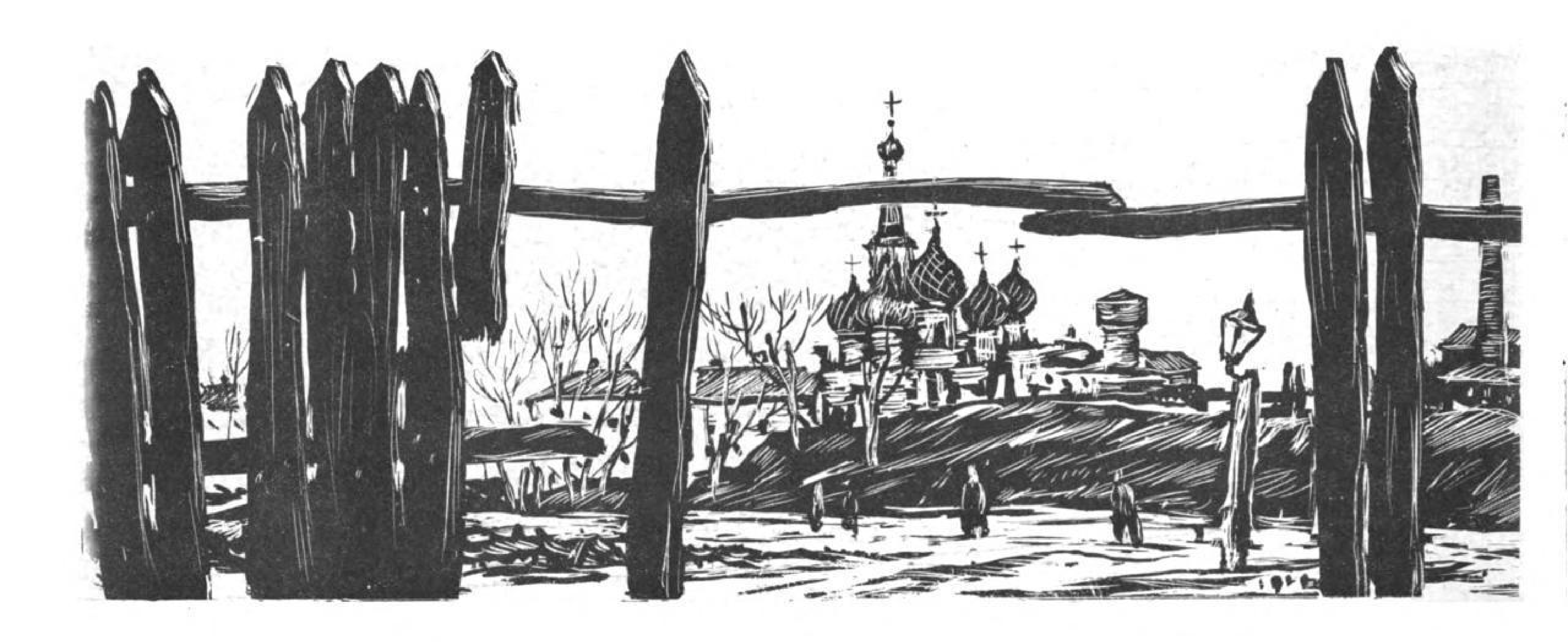
А Тоомаса не узнать — в ногах усталость, ракетка кажется свинцовой... Вот недалеко от сетки падает «крученый» мяч. «Стоит ли за ним гоняться? Все равно не успеть». Но нет, прочь такие мысли! Тоомас делает неимоверный рывок и достает «мертвый» мяч. Он опять готов в падении разбивать ракетки, спасая, казалось бы, безнадежные мячи. Он заставляет себя забыть все. Бороться, бороться и выиграть!

Жарко. Пот льет ливнем. Тоомас этого не замечает: он должен выиграть. И он выигрывает у Мандельштата. А потом, в финале, — у бразильца Бернса.

Так Тоомас Лейус первым из советских теннисистов стал чемпионом мира среди юношей.

Сильнейший... Нелегка, Тоомас, спортивная слава, нелегка. Не всякие плечи смогут выдержать ее опасное бремя.. И действительно, вслед за этим взлетом налетела полоса неудач. Со многими неудачами пришлось столкнуться Лейусу после своего успеха в Уимблдоне. Когда он вторично приехал в Уимблдон, уже взрослым теннисистом, то выступил неудачно. Да и на родной земле Тоомаса ждала серия серьезных поражений. И многие решили, что Лейус сдал, «сломался», как грубо, но удивительно точно говорят спортсмены. В это не хотелось верить, но поражения говорили сами за себя. И ответ на эти предположения дал сам Тоомас. На всесоюзных зимних соревнованиях 1961 года он вновь блеснул отличной игрой, в упорнейшей борьбе став победителем турнира. Кроме того, вместе с Потаниным он нанес поражение чемпионам СССР в парном разряде Лихачеву и Мозеру. Свидетели этих двух успехов увидели не прежнего, а нового, более сильного, более волевого Лейуса. А теперь мы знаем, что «возрождение» Тоомаса было не случайным: он блестяще выиграл международный турнир в Риге прошлой весной, а еще раньше отлично выступил в московском международном турнире, небывало сильном по своему составу; на пути к пьедесталу почета сокрушил американца Френкса, входящего в первую десятку США, а затем в финале победил и англичанина Миллса...

В те дни, когда писался этот очерк, Тоомас Лейус снова участвовал в московском международном турнире на закрытых кортах «Шахтера» и снова добился победы. Он блестяще обыграл в финале итальянца Якобини. Если вспомнить, что Якобини — представитель команды, бывшей финалисткой Кубка Дэвиса — приза, в борьбу за который с этого года вступает и сборная СССР, то значение успеха Тоомаса Лейуса можно смело расценить как первый аванс грядущих успехов. Они придут, эти успехи,— залогом этому нелегкий, но прямой путь Тоомаса Лейуса к высокому мастерству.

МИЛЛИОНЩИКОВЫ ДЕТИ

Юрий АРБАТ

(Из сказов «Звонкое чудо»)

Рисунки С. БРОДСКОГО.

Не ты первый про Ивана Селиверстовича вспомнил. Люди приезжают к нам и часто интересуются.

— Это,— говорят,— у вас прежний хозяин завода по дворам ходит, дрова колет? Или брешут?

Вот я по мере надобности и сообщаю, что было и такое: ходил старик, колол дрова; но я и о том не утаиваю, чем кончилась история его степенства, коммерции советника, владельца фарфорового завода Ивана Селиверстовича. Потому как теперь его в живых нет, одна память осталась, да и та конфузная. А меня в ту пору народным заседателем выбрали, и мне, следовательно, многие подробности известны.

Овдовел Иван Селиверстович рано — молодая жена родами скончалась,— на руках сынок. Сначала горевал по своей красавице, убивался, а потом, может, и женился бы, да женина родня бунт подняла: насчет наследства беспокоилась.

Состояла при хозяйском сыне крестьянская девка Палага. Собой неказистая, горбатенькая: в два года с лавки упала, хребет повредила. И лицом не смазлива — нижняя губа что твой сковородничек. Поди ж вот, урод, а увертливая, ловкая, характером покладиста, сердцем ласкова, и хозяйский сынок Алешенька любил ее, как родную. Она семью и подымала: не только дите нянчила, но и в доме за порядком следила.

Фамилия у Ивана Селиверстовича веская: Серебренников. Завод родовой, лет сто существовал. А сам-то хозяин по нраву — жила. Мог бы горнишных да лакеев во фраках содержать, а он одну Палагу-домоправительницу по дешевой цене нанял. Даст ей на неделю три рубля, и за то скажи спасибо. Голодом не морил, но и досыта не кормил. И сам ел над горсточкой.

Так и жила Пелагея на подачке, а Серебренников наживал рублики. Да что рублики! Идет по улице, копейку увидит — и ту подымет, в рукавичку сунет, а дома в кубышку положит, говорит:

— Копеечка — того же золота малая кроха.

А девка, думаешь, унывала? Ни!.. Как заведет:

> Снежки белые, пушистые
> Позакрыли все поля.

Заслушаешься!

В Иване Селиверстовиче красоты тоже не сыщешь: жидкие волосы репейным маслом смазаны, плутоватые глаза, как щелки, а нос вроде сапожка с загогулиной. Говорить смешно, а утаить грешно — стал хозяин жить с горбатой Палагой. Она безропотная: как прикажут, так и поступит.

У бога дней не решето: текут они, дни-то, время идет, не заметишь, как годы минут. Родила Пелагея хозяину сына, нарекла его Егором, по той причине, что стояла у домоправительницы на божнице старинная и особо чтимая икона новгородского письма — «Чудо Георгия о змие».

К тому времени законный-то сын Ивана Селиверстовича в возраст вошел, нянька ему вроде не нужна. Нанял Серебренников стряпуху, а Палагу с малышом отделил.

— Сними,— говорит,— фатеру.

Ей что: опять, как прикажут.

Сняла за рубль в месяц хибарку.

Ходила для приработка по домам белье стирать, а в страду на поля — жать да снопы вязать.

Не раз и у самого Серебренникова батрачила, а сын Егорушка подрос, так и его прихватывала для подмоги.

В каменных рядах имел Серебренников два «номера»; приказчик там торговал. Ну, приказчик-то плут, берет что и не дадут, раз его поймал на этом деле Серебренников, другой раз поймал да и выгнал. Приспособил Иван Селиверстович к торговле сына Алексея.

Как ни скрывался купец гильдейный, а в городе все знали, что нажил он вторую семью. В лицо, конечно, никто слова вымолвить не смел, но за спиной валили волку на холку. Состоял Серебренников гласным городской думы, а за то, что в церкви святой Троицы много лет выполнял казначейскую должность, имел нагрудную медаль.

В эту самую церковь велел он на собственном заводе иконостас из фарфора отлить и без единой копейки отдал.

— Пусть,— говорит,— раба божьего помянут. Я на сто лет для той цели дал вклад.

Он свою вторую семью считал великим грехом и все этот грех замаливал.

А теперь, слава богу, и церкви серебренниковской нет: узорные купола просели, деревяшки с них на голову прохожим стали падать — ее и развалили. А новую строить доброхотов не сыскалось. На том месте дом пятиэтажный уже в советское время поставили для рабочих завода. Вот и поминай как звали.

Чтой-то я на наше время сбился. Разговор-то ведь еще про старину шел, про то, как наш фабрикант-заводчик свой грех замаливал.

Днем он на людей кидался, копейку выспаривал, а ввечеру встанет у иконостаса в полстены и ну поклоны отстукивать да молитвы читать по скитскому покаянию:

— Аще суть, господи, грехи мои: зависть, ненависть, лютость, острожелчие, наглодушие, свирепство, смех, клич, свар, бой, скверных мыслей приимание и повседневное падение.

Утешит себя на сон грядущий, а с утра все

снова начинается: и свар, и бой, и свирепство.

Егорушка помучился в батрацкой лямке на земле у собственного папаши, который его даже сыном не признавал, и решил на завод идти. Мать Палага ему тот совет подала.

— Бедного человека,— говорит,— ремесло кормит.

Формовал Егор в точильной посуду. И так это у него ловко получалось, что хоть и молод, а скоро прослыл первым мастером на формовке.

А не из пригульной — из законной — семьи сын Алексей пошел по другой стежке. Сперва руку в кассу стал запускать, а потом такое учинил, что весь уезд целую зиму толковал. Отец, Иван Селиверстович, в столицу по делам укатил, а хозяиновать Алексея оставил. Чуть батя за ворота, Алеха кликнул ярмарочного приказчика, пошептался, а тот и рад стараться: накупил вина да закусок, из господского дома выкатил большой ковер, снес в лодку, позвал, как про то распорядился хозяйский сын, гармониста Яшку из живописной и трех девок посговорчивей, и вниз по матушке по Волге отправилась вся компания на гулянку к Хомутовой горе. А там, следовательно, женский монастырь. На виду монашеского общества началась пьянка, гульба и плескание в воде. Отец вернулся, а к нему первым делом игуменья с жалобой.

Вот так сын согрешил, накрошил да не выхлебал. С той поры вышел он из родительского доверия: в лавке хоть и сидит, а из-под отцовой руки глядит. И покатился под горку: все, что в кармане звенело, шло трактирному сидельцу.

Отец по ночам поклоны пуще бьет:

— Яко беззаконие мое аз знаю и грех мой пред тобою, о господи, выну.

А сын до первых петухов с собутыльниками и гулящими девками беса тешит.

Перед самой революцией у миллионщиковых детей жизнь и распределилась надвое: один трудится, а другой на папашины деньги веселится.

Фабрику, конечно, отобрало государство. Алексея из лавки в гостином дворе долой, да и самую лавку прикрыли — фарфоровый товар стали отправлять на нужды страны и фронта. Опять же и выпуск небольшой: сырья не хватало.

Сам-то Иван Селиверстович на долгие годы исчез, а когда вернулся в родные места — ходит тише воды, ниже травы, по дворам и — верно, это ты слышал — с готовностью пилит и рубит дрова желающим, а получает с кого хлебом насущным и другими продуктами на пропитание, а с кого носильными вещами. Деньги тогда, сам знаешь, не в цене были.

В общем, живет этот мирный старичок в городе, будто и не он состоял хозяином фарфорового завода, из двора во двор путешествует с колуном и двуручной пилой. Сначала его зарьянцовский сынок Алексей вместе с ним ходил, а когда открыли в городе первый ларек по сбору утиля, стал там приемщиком всякого добра, вроде медных самоваров, отслуживших свой век, рваных галош и тряпья: отец-то его ничему доброму не научил, кроме как выручку подсчитывать.

Егор вместе с матерью, горбатой Палагой, надумал из родного города уехать: звали его как первейшего мастера на большой фарфоровый завод.

Стороной прослышал Иван Селиверстович об этом и ввечеру как-то нежданно-негаданно заявился к Палаге. (Егора-то тогда дома не оказалось; может, старик нарочно такое удобное время укараулил.)

— Здравствуй,— говорит,— Пелагея Федоровна!

Обрати внимание: он свою куфарку и няньку так никогда не величал, все Палашка да дуреха, других и слов не знал.

Она ему с почтением:

— Здравствуйте, батюшка Иван Селиверстович!

Это уж у нее всегдашнее обращение.

— Как живешь, Пелагея Федоровна? Расскажи!

Она опять почтительно:

— Благодарствуйте, Иван Селиверстович. Сынок Егорушка меня душевно радует, работает честно, благородно, мне оказывает сыновье уважение, в рот хмельного не берет.

Сказала так Палага и смутилась: а вдруг хозяин примет это за намек касательно пропойцы Алексея? Вот ведь святая душа: и про то забыла, что революция давно произошла и наступила и никакой ей теперь Серебренников не хозяин, а так, ничто, бывший капиталист-миллионщик, который ходит по дворам и дрова пилит и колет.

Однако Иван Селиверстович все сказанное Палагой пропустил мимо ушей. Видно, он только церемонию соблюдал, вежливый разговор для отвода глаз вел, а сам собирался что-то свое выложить. Так, понимаешь ли, и вышло.

— Слышал,— говорит,— вы из города собираетесь уезжать?

— Егорушка надумал,— подтверждает Палага.

— Хочу и я с вами ехать,— сообщил Серебренников.— Надоело мне одному горе мыкать, слова не с кем сказать, а помру — кто мне глаза, грешнику окаянному, закроет? Копил я капиталы всю жизнь, а для кого — неизвестно.

Палага на него с испугом воззрилась, и так он стал улещать:

— Ты не сомневайся, баба. У меня кое-что из золота осталось, не все ведь хранил я в несгорающем шкафу. И желтые николаевские кругляшки найдутся, и ризы со святых икон утаил, да и за последние годы я своим топором и пилой некие средства накопил. В каком ни на есть новом месте купим домик и яблонек вокруг посадим и станем жить семейно: я, ты и Егор. Его я своим сыном по всей формальности признаю.

Палага от робости слова сказать не в силах. А Серебренников оглянулся — видит, стоит в дверях Егор, лицо белое, как гипсовая форма, а в глазах огонь.

— Нет,— говорит,— у меня отца, а был злой хозяин, у которого и я и мать батрачили. Добрые люди да доброе время нас от голодной смерти спасли. Уедем мы без вас, гражданин Серебренников, и я строго попрошу: в дальнейшем вы мою матушку не смущайте и с такими прельстительными речами не подкатывайтесь. Красно́ поете, да нам плясать неохота. Вот вам от нас и весь сказ.

С тем Иван Селиверстович и домой вернулся. Но, видно, душа его забродила. Крепко в упрямую голову засела мечта перевернуть жизнь наново. Рассчитывал, поди-ка, на прежнюю свою хозяйскую власть, на старую Палагину почтительность да безропотную согласность.

А она видит, что сын Егорушка непреклонен, стала потихоньку собираться к отъезду.

И вот произошло последнее страшное событие. Так ли точно в подробностях это было, как я тебе поведаю, или немного по-иному,

за это уж не взыщи: свидетелей не осталось, а следователь и прокурор картину преступления все же нарисовали.

Будто бы пришел Серебренников ночью, вызнав, что Егор на заводе задерживается, стал снова Палагу зазывать ехать в неизвестные края — и не втроем, а без Егора. Чудак человек! Для Палаги сын — ее чрева урывочек, на старость печальник, на покой души помимщик. Она Серебренникову все и выложила: нет мне жизни без Егорушки. Старик кинулся на горбунью и удушил ее. А потом испугался, отыскал веревку, к балясине привязал и Палагу в петлю сунул: дескать, она сама руки на себя наложила. И потихоньку скрылся в ночи.

Явился Егорушка с завода — мать мертва. Обезумел парень, кинулся за помощью. Милиция арестовала Серебренникова, а тот твердит: «Я ни при чем».

Долго следствие тянулось. Разные научные методы применяли: в микроскопы смотрели, порошки подсыпали — и точно установили, что перед домом следы серебренниковских сапог, и другие приметы сходятся.

Следователь припирает:

— Сознавайся.

А Серебренников одно твердит:

— Не виновен я; сама Палага удавилась.

И вот однажды пришел в тюремную одиночную камеру прокурор.

— Совсем,— говорит,— напрасно вы, гражданин Серебренников, упорствуете и путаете следственную систему. Наука по раскрытию преступлений решительно выступает против вас. Сознавайтесь, вам же лучше.

Иван Селиверстович усмехнулся,— это мне прокурор рассказывал, так что я из первых рук передаю:

— Чем мне,— интересуется,— лучше?

— Сознаетесь, расскажете все чистосердечно — вам лет пять тюрьмы справедливые судьи скинут.

— И сколько оставят? — опять с этакой усмешечкой допытывается Серебренников.

— Лет пять придется отбыть за свое преступление, коли сочтут, что это не предумышленное убийство, а все произошло в запальчивости.

Ничего не ответил Серебренников, задумался.

Прокурор его оставил в покое, пусть, мол, поразмыслит. Как говорится, утро вечера мудренее.

А к утру развязка и настала. Охрана заглянет в глазок — старик сидит на полу и раз за разом свою старую кожаную рукавицу подкидывает. Тебе-то невдомек, а мы эту привычку хорошо знаем. Да ведь и не только у Серебренникова таков обычай: гадать на рукавичке. Бывало, цыгане городом пройдут, обязательно у кого-то лошадь пропадет. Полиции жаловаться — дело бесполезное, надо самим на поиски отправляться. А куда идти? В какую такую сторону? Направо или налево? Брали люди кожаную рукавицу и бросали над головой. А сначала загадают: опалком вниз упадет — идти направо, а опалком вверх— налево. Что ж ты думаешь — можешь смеяться, это твое полное право,— а только всегда угадывали цыганский путь и не раз конокрадов настигали.

Вот так и решил в ту ночь погадать по старому обычаю бывший коммерции советник Серебренников. Условие сделал: упадет рукавичка опалком вверх—сознàюсь, понесу наказание, а остаток дней, если сподоблюсь, проживу в мире. А коли упадет рукавичка опалком вниз—ни слòва правды не произнесу. Может, и то рассчитал: ему уже тогда семьдесят с двумя годами сполнилось, не выйти живым из тюрьмы.

Так или нет — о том только догадываться можно,— а стража сообщила: рукавичка все опалком вниз падала. И уже как стража за всем наблюдала, а то проглядела: удавился на шнурке от исподников. Сам себя, одним словом, казнил.

А когда рукавичку стали разглядывать, нащупали в напалке четыре слипшихся и черных, будто чугунных, копейки с царским орлом. Они, видно, еще с каких пор там, средь меха, затерялись! Велики ли деньги, а ведь жизнь перевесили,— потому рукавичка напалком вниз все и падала.

ТРУДНОЕ, ПРЕКРАСНОЕ, ЧЕЛ

Я мало и неохотно говорю об искусстве. Почему? Потому что художник, на мой взгляд, должен высказываться своими произведениями. Потому что творчество всегда требует сдержанности и не терпит многословия. Потому, наконец, что разговор об искусстве не имеет конца: настолько неисчерпаем, сложен и вечен этот предмет. Кроме того, я не принадлежу к художникам, которые могут последовательно, связно и холодно изложить на бумаге творческий процесс.

Начиная работать над произведением, я никогда не знаю, что именно в этот раз родится в моей мастерской, не знаю конечный результат и всегда с волнением и тревогой наблюдаю, как возникает, словно живое существо, картина. Вот в этой возможности не сковывать себя заранее заданным построением для меня заключена поэтическая и притягательная сила живописи.

Я могу рассказать лишь о том, чем было, есть и всегда будет в моей жизни искусство.

Я достиг того возраста, когда, казалось бы, можно прекратить работу, но в живописи для меня — смысл жизни. Работа — это мое дыхание, моя глубочайшая потребность.

Сердце художника бьется лишь до той минуты, пока его жар, его искренность живут в произведениях. Поэтому работа прежде всего должна удовлетворять самого художника. Если он честен, если он никогда не изменяет своим убеждениям, если он всегда ищет, зритель непременно поймет, оценит, полюбит его искусство.

От сердца — к сердцу. Таков путь настоящего творчества. Для меня не существует искусства вне чувств, вне сложных и многообразных человеческих переживаний. Там, где холодный рассудок берет верх, гибнет творчество. Самое эффектное в мельчайших частностях, заранее продуманное, но не прочувствованное автором произведение оставит зрителя холодным. А самая скромная вещь, рожденная непосредственным чувством художника и сохранившая в себе человеческое тепло, непременно вызовет в зрителе ответное чувство, обретет над ним могучую власть. В этом и заключается, вероятно, секрет способности художника выразить душу народа. В этом и скрыта, вероятно, причина того, что во все времена и эпохи искусство оставалось самой прекрасной, трудной и самой непостижимой областью жизни.

Вот живет человек и воспринимает мир, выражаясь нашим профессиональным языком, натуралистически. Такое восприятие бесплодно и бессмысленно: душа человека молчит, интеллект бездействует, и все прекрасное скрыто за семью печатями. И вдруг в жизнь человека входит художник. Его глазу доступно все, неуловимое для обыденного взгляда; его талант способен претворить мир в произведение искусства. Так происходит чудо соприкосновения человека с искусством. И всякий раз, соприкоснувшись с Прекрасным, человек сам становится выше, чище, лучше.

Исследования ученых раскрывают тайны природы, радость познания мира приносит наука. Искусство же обладает не только силой постижения мира, но и созидает красоту его. Вот почему так велика радость творчества. Искусство должно возвышать человека, освобождать его от всего мелкого, пошлого, принижающего.

Доказать потребность народа в большом, настоящем искусстве нетрудно. Достаточно вспомнить, какое великое множество музеев в нашей стране — от Третьяковской галереи до маленьких сельских, организованных в последние годы. Народ действительно получил широкую возможность приобщаться к Прекрасному. Однако,

РОБЕР ДЕ МОНИ ОТКРЫВАЕТ МИР

Оно дорого стоило, это открытие. За него пришлось расплатиться жизнью. Но Робер де Мони, герой пьесы Ирвина Шоу «Убийца», далек от того, чтобы оплакивать себя. Мы слышим его последние слова, произнесенные под дулами автоматов. Слова, обращенные к людям, зовущие их к страстной, самоотверженной борьбе за счастье и справедливость, против лжи, лицемерия и жестокости.

Боевой, остро публицистический спектакль «Убийца», поставленный Московским Художественным театром, рассказывает о событиях, которые происходили в одном из портовых городов Северной Африки в конце 1942 года, о патриотах-антифашистах, сражавшихся в Сопротивлении, и о реакционной военщине, без труда находившей общий язык как с гитлеровскими оккупантами, так и с американскими «освободителями».

Нужно ли говорить о том, насколько актуально звучит спектакль сегодня, когда фашиствующие генералы готовят мятеж в Алжире, а власти «пятой республики» бросают за решетку демократов?

Лаконичен и меток текст пьесы Шоу, сохраненный в отличном переводе З. Гинзбург. Хочется поздравить с большой актерской удачей Александра Михайлова, исполняющего центральную роль Робера де Мони. Его герой превращается на наших глазах из самоуверенного светского шалопая в мужественного борца, жертвующего собой во имя спасения товарищей. Запоминающийся, яркий образ!..

Г. ГУРКОВ

На снимке: Александр Михайлов в роли Робера де Мони.

ОВЕЧНОЕ

Мартирос САРЬЯН,
народный художник СССР, лауреат Ленинской премии

мне думается, к этому следует подходить очень разумно.

На мой взгляд, очень скверно, когда человека начинают «пичкать» искусством с детских лет. Попробую пояснить свою мысль. Жизнь человеческая вмещает в себя, по существу, несколько жизней. Человек меняется непрерывно, усложняются и чувства его и интеллект, иным становится вкус, меняется восприятие мира.

Поэтому мы должны очень бережно относиться к тому, что принято называть эстетическим воспитанием детей, а по существу, является воспитанием человека, которому предстоит сознательная творческая жизнь через десять — двадцать лет. Ведь ребенок не может понять и оценить произведения великих мастеров, а когда он уже вторично, юношей встретится с тем же полотном, изваянием, рисунком, он будет лишен прелести первого, сознательного знакомства с Прекрасным. А среди людей этого нового поколения должны вырасти замечательные художники, которые будут создавать искусство завтрашнего дня...

Разумеется, я имею в виду настоящее искусство, а не то, что создается ради денег. Творить надо ради людей — такова моя установка. Расчет, хитрость, изворотливость в творчестве, желание во что бы то ни стало продать свои произведения приводят либо к ползучему натурализму, либо к беспочвенному абстракционизму.

Никто не убедит меня в том, что абстракционизм — подлинное искусство. Природа этих ухищрений довольно проста. Возьмем живопись современной Франции. Ведь при кажущейся свободе творчества очень точно различаешь, где художник действительно свободен, а где он работает «на сбыт». Конечно, такие произведения не отражают ни жизни общества, ни духа человеческого, они лишь предмет купли-продажи. И самый страшный результат этой «свободы» творчества — полное вырождение индивидуальности художника.

Но если такое формотворчество, вызванное потребностями рынка, растлевает талант художника, то не менее губительно для него и желание «потрафить» самому примитивному мещанскому вкусу. Это желание приводит к созданию раскрашенных копий с действительно существующих предметов, на которых человек — величайшее творение природы — принижен до уровня неодушевленного предмета. Это желание рождает сотни натуралистических полотен, совершенно обезличивающих художника и никак не воспитывающих зрителя.

Для меня натурализм — прежде всего свидетельство духовного убожества художника, бедности его фантазии, примитивности его мышления и мировосприятия. К чему иллюзия, фотографическое правдоподобие, когда существует реальный предмет? Натурализм обкрадывает живопись, убивает все лучшее, что накапливалось в этом трудном и замечательном искусстве веками. Поэтому очень опасно, когда натурализм прикрывается чистым и высоким понятием реализма.

Именно реализм составлял всегда существо русской живописи. Именно реализм был той славной традицией, которую отстаивали великие художники России. Вот почему сегодня любой из нас чтит шедевры русского изобразительного искусства — от Владимирской богоматери до великих портретов Серова — произведения, дышащие глубоким, подлинным и истинно национальным реализмом. Это объединяет русское искусство с творениями других великих художников мира.

Когда смотришь на религиозные полотна художников Возрождения, сумевших в каноническом образе Мадонны с младенцем Христом навеки запечатлеть вдохновенное величие материнства; когда смотришь на изумительно человечные, не стареющие пейзажи барбизонцев — художников, впервые начавших по-настоящему портретировать природу с ее сумерками и восходами, с ее многосложной и таинственной жизнью; когда погружаешься в полные света и радости полотна импрессионистов — живописцев, которые открыли секрет преображения предметов солнечным светом и принесли этот свет в свое искусство,— когда смотришь на все это, понимаешь, что такое истинный реализм. Он доступен далеко не каждому художнику, но понятен каждому зрителю; он безграничен в своих проявлениях и уж, конечно, не имеет ничего общего с ремесленным перенесением натуры на холст.

Натурализм по природе своей космополитичен. Между тем как истинное искусство и настоящая живопись всегда национальны. Природа неотделима от человека. Человек сам — Природа. Он создан землей, он заключает в себе все то замечательное, что дала ему земля.

Каждый народ представляется мне могучим деревом. Корни этого дерева уходят в родную почву, а усыпанные цветами и плодами ветви принадлежат всему миру. Так и искусство: все истинное и ярко национальное всегда несет в себе нечто общечеловеческое. И все, как в природе, имеет свои корни и свою неповторимую форму.

Вот во дворе моего дома посажены абрикосы и виноград. И я вижу: с каждым годом пышнее их цветение, щедрее их плоды. То, что кровно связано с родной землей, обновляется непрерывно; в этом секрет вечной юности всякого подлинно национального искусства. И чем сильнее эта связь искусства с землей и народом, его породившими, тем значительнее художественные результаты.

Величие культуры, искусства народа определяется не его численностью, не размерами, а именно силой национального самовыражения в творчестве. На маленьких островах японский народ создал фантастически прекрасное искусство; Греция, изолированная от внешнего, тогда еще очень малого мира, оставила нам изумительную культуру. А Египет! Какая поразительная завершенность, какая торжественная монументальность царит во всех дошедших до нас сооружениях! Да куда бы мы ни обратили свой взгляд — в Индию, Китай, Италию, Иран,— сквозь искусство всегда отчетливо вырисовывается земля и живущий там народ, и характер земли и народа создает неповторимость искусства.

Для меня нет большего счастья, большей радости, чем видеть на своих холстах землю моей Армении — страны древней культуры, страны, перенесшей много страданий, но сохранившей свое великое национальное искусство. Моя земля и весь мир подобны живому существу. Это существо принадлежит людям, и они оберегают его. Оберегают добром, оберегают трудом, оберегают искусством.

Человек всегда стремится к лучшему. А ведь в искусстве сосредоточено лучшее, что есть в человеке. Значит, мы защищаем землю своим творчеством. В этом я вижу смысл и величие сегодняшнего искусства. В страшные периоды истории, когда гремели войны, художники создавали прекрасный, поэтический мир. Проходили века, и время утверждало мудрость и правоту художника. С отвращением и гневом вспоминают народы имена тех, кто уничтожал и разрушал. И с благодарностью вечно будут хранить в своей памяти имена художников, оставивших нам великое наследие, воспевших землю.

Она прекрасна. Ее законами мы живем. Нас безгранично радуют героические полеты в космос и проникновение в глубины вселенной. Но Земля — наш дом. И люди хотят жить в своем доме. Люди хотят очень простых вещей — тепла, уюта, мира. По-моему, достигнуть этого гораздо легче, чем вооружаться и жить в состоянии непрерывного страха и запуганности. Кстати, и гораздо дешевле, чем вооружаться. Защитим же этот полный красок, звуков, чувств, мыслей мир нашим оружием — искусством! И сохраним этот мир для нашего искусства — трудного, прекрасного, человечного!

Ереван.

«НЕ ПАМЯТЬ РАБСКАЯ, НО СЕРДЦЕ»

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

Эдуардо де Филиппо назвал их искусство огненным. «Я думал, что уже хорошо знаю Советский Союз, но я не знал советских цыган»,— говорил Андре Стиль после знакомства с московским театром «Ромэн» — единственным в мире цыганским театром.

Передо мной лежат программы спектаклей, поставленных театром «Ромэн». Я листаю их, восстанавливая в памяти события жизни интереснейшего коллектива.

А между тем, когда тридцать лет назад театр этот начал свой первый сезон, мало кто верил в его долголетие. Какой может быть национальный театр у народа, который вечно кочует и не имеет не только своей драматургии, но даже письменности?

Первый спектакль — «Жизнь на колесах» — был, по существу, концертом. Артисты молодого театра, которые пришли на сцену прямо из кочевых таборов или хоровых ансамблей, умели петь, плясать, играть на гитаре, но, конечно, никакого представления не имели ни о театральной школе, ни об актерском мастерстве.

Театр «Ромэн» стал их школой.

Один за другим появляются на его подмостках новые спектакли. Сначала сугубо фольклорные, потом посвященные нашей современности, затем и классика. Постепенно театр отходит от пресловутой цыганской экзотики. В своем творчестве он раскрывает духовное богатство народа, стремление цыган к новой жизни.

Прошли годы. Тесноватый, но уютный зрительный зал «Ромэн» с удовольствием посещают и москвичи и приезжие, советские и зарубежные гости.

К своему тридцатилетию театр поставил трагическую повесть И. Ром-Лебедева по мотивам новеллы П. Мериме «Кармен». Спектакль производит очень сильное впечатление. В нем ощущаешь не только талантливость исполнителей, но — что мне представляется не менее важным — художественную сплоченность коллектива, единство ансамбля. В этом, конечно, заслуга главного режиссера театра С. Баркана и постановщика «Кармен» воспитанника ГИТИСа Анхеля Гутьеррес.

Когда смотришь на исполнителей и слушаешь их речь, вспоминаешь слова поэта: «Слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце». Да, искусство этих актеров — сердечное искусство.

Сцена из спектакля «Кармен». Фото А. Гладштейна.

ЧТО ТАКОЕ ГЛОБАЛЬНАЯ РАКЕТА?

«...Советский лидер совершенно прав, когда он говорит, что глобальные ракеты, летящие со стороны Южного полюса, совершенно спутали бы все американские системы обнаружения и предупреждения»,— таково горькое признание военных специалистов США:

Что же такое глобальная ракета? В чем ее отличие от обычных ракет?

С этими вопросами наш корреспондент В. Гуков обратился к профессору, генерал-майору Г. И. Покровскому. Вот что он рассказал.

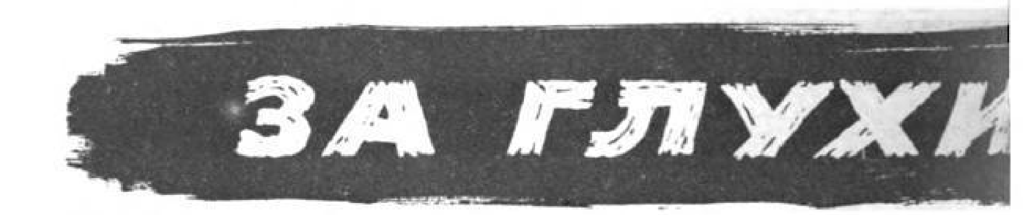
Всякая баллистическая ракета движется в плоскости, которая проходит через центр тяжести нашей планеты. Выведенный однажды на орбиту спутник будет обращаться исключительно в своей плоскости, независимо от формы орбиты: круговой, эллипсоидальной или даже неполной — менее одного витка.

Таким образом, из одной точки земного шара в другую точку можно попасть всего по двум траекториям, лежащим в одной плоскости: по кратчайшему расстоянию и по более длинному — свыше полуокружности. Ракеты, способные преодолеть расстояния, превышающие половину окружности, и охватить весь «глобус» земли, и называются глобальными.

За минувшие годы в Соединенных Штатах Америки были созданы два пояса противовоздушной обороны, прикрывающие страну со стороны Арктики. Первый из поясов — предварительного обнаружения и оповещения — протянулся от Аляски через Гренландию, Исландию до Англии. Согласно замыслу его создателей, этот пояс должен был, словно большой зонт от дождя, надежно прикрывать США от ракетно-ядерного возмездия, появление которого предполагалось с севера. На границе США и Канады был воздвигнут второй оборонительный пояс, предназначенный для нейтрализации военно-воздушных и ракетных сил, пересекающих границу.

Ныне, с появлением глобальных ракет, огромные суммы денег, выкачанные из кармана среднего американца, оказались «попусту затраченными деньгами», как подтвердил министр обороны США Макнамара, а территория США оказалась абсолютно беззащитной с южной, восточной и западной сторон.

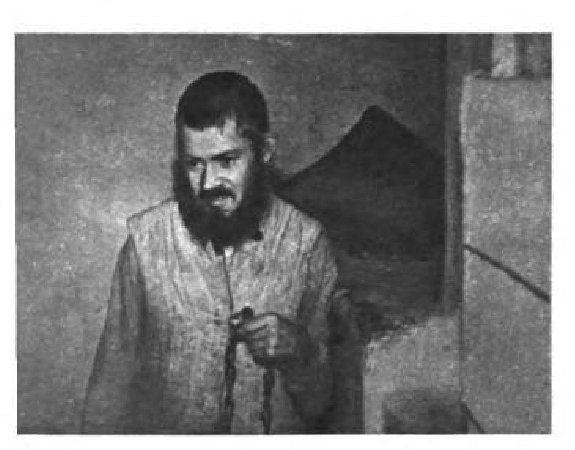
География североамериканского континента такова, что не может быть и речи о создании оборонительного «зонта» с южной стороны

Алла ТРУБНИКОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Дом главы сектантов на отшибе.

Архип Лазарев.

Вот они, изуверы Лазаревы.

— Ну, Яша, отвечай урок,— говорит «учительница».

— Чаю воскресение мертвых,— скороговоркой выпаливает худенький мальчуган лет девяти.

— Молодец. А теперь поясни, когда же это произойдет.

В голубых ребячьих глазах испуг. Неужели действительно может случиться, что бабка выйдет из могилы и снова уцепится костлявой рукой за его ухо?

— Воскресение мертвых произойдет,— мягко подсказывает «учительница»,— при втором пришествии Христа. А теперь давайте, дети, повторим все вместе.

И три десятка голосов подхватывают хором...

А снаружи, за стенами этого дома, в котором идет урок закона божия, в этот обычный воскресный день течет обычная жизнь. Толпится молодежь возле стенда газеты «Комсомолец Кубани». В кинотеатре «Октябрь» при полном аншлаге демонстрируется фильм «Первый рейс к звездам». Просторным Дворцом пионеров с утра завладели юные хозяева земли. И ни роно, ни даже крайоно, коим надлежит ведать, направлять и возглавлять систему народного образования, понятия не имеют о существовании вышеупомянутой «школы» в самом центре Краснодарского края, в самом городе Краснодаре.

Между тем с учениками воскресной «школы», которые во все остальные дни недели являются учениками обычных школ, творятся странные вещи.

Вот в школе № 41 во втором классе «В» идет урок пения. «Орленок, орленок, взлети выше солнца»,— звонко поют все. Не поет только худенький мальчик лет девяти. Он сидит, понуро опустив голову, зажав рот бледной ручонкой. «Нельзя, нельзя»,— на все уговоры учительницы твердит Яша Степанюга и горько плачет.

Яшина сестра Люда — единственная во всем шестом «Ж» — не вступила в пионеры.

В 23-й школе есть двенадцатилетняя Валя Андреева. Недавно она сняла пионерский галстук: «Я верю в бога, а бог не велит». Заканчивает десятый класс Виктор Богомаз. Он хотя и не отказывается нарисовать для школы какое-нибудь наглядное пособие, но самым наглядным пособием для себя считает библию...

В школе № 39... Да, этот печальный перечень мог бы быть продолжен: мы не ошиблись, насчитав в воскресной «школе» до тридцати учащихся. Но если из окон роно не видно каждого ученика, то ведь в школе-то такие, как Яша Степанюга, не могут не бросаться в глаза! Но вот старшая пионервожатая 23-й школы Тамара Карпенко взахлеб рассказывает мне о том, как активно действует ее пионерия. На карте микрорайона условные знаки: топорик, книжка, кукла, тряпка. В доме, который помечен топориком, надо наколоть дрова: там живет инвалид; престарелым читают книги, в куклы играют с девчушкой, которую мать оставляет одну. Все это хорошие дела. Но ни Тамара Карпенко, ни завуч Постнов, ни преподавательница Луговая, окончившая специальные курсы антирелигиозников, так и не могут рассказать, как они вытаскивают своих учеников из религиозной трясины...

Зато сектанты — те орудуют активно, цепко держатся за «своих» учеников. Конечно, нелегко заманить штудировать библейские притчи, когда Гагарин летал в космос. Не всякий клюнет и на даровые подачки, щедро раздаваемые на молитвенных собраниях. Первыми попадают сюда из покорности воле родительской дети самих сектантов. Страшно подумать, в чьих грязных лапах находится судьба таких «учеников»: «школа» создана по инициативе матерых руководителей сектантов Дубовченко и Кириллова, в прошлом судимых за антисоветскую деятельность, и некоего Кобзаря, отбывавшего срок за бандитизм.

Что ждет дальше Яшу Степанюгу? Станет ли он таким, как Евдокия Бридня — та самая «учительница», которая учит детей молитвам в воскресной «школе»?..

Когда на камвольно-суконном комбинате узнали про темные дела Евдокии, рабочие возмутились. От Бридни потребовали прекратить гнусное занятие.

— Пока прекращу,— хмуро согласилась та,— однако в будущем буду поступать так, как мне подскажет совесть.

А совесть, направляемая опытной рукой таких, как Дубовченко и Кобзарь, подсказала ей другие формы сектантской пропаганды: ходить по домам, втемяшивая в ребячьи головы религиозный вздор.

Когда я спросила на комбинате, в какой бригаде работает Евдокия Бридня, мне сперва назвали один номер, потом другой.

— Она у нас долго ни в одной бригаде не задерживается,— пояснила мне парторг Якубова.— Хотя и неплохая работница, каждая бригада норовит от нее избавиться. Ведь все борются за звание бригады коммунистического труда. А разве может член такой бригады ткать мануфактуру для бога?

Окончилась смена. Толпа устремилась к проходной. Шли, оживленно переговариваясь. Поодаль, по самой обочине, торопливо, не глядя по сторонам, пробиралась по грязи одинокая фигура. Это и была Бридня...

Ваша вина, ваше упущение, товарищи с камвольного комбината, что в 22 года превратилась Евдокия в отщепенку. Помните, совсем девчонкой пришла она в ФЗУ? И училась, как все, и в комсомол

США. Защита с юга осложняется еще и тем, что характер южных соседей США в корне отличается от податливого характера северных союзников США — пленников НАТО.

Нетрудно также провести ряд орбитальных плоскостей, которые пересекают землю через Тихий или Атлантический океан, где практически невозможно осуществить раннее обнаружение летательного аппарата, а тем более — принятие мер защиты.

Следует отметить еще одну особенность глобальной ракеты: помимо высокой точности попадания в наземную цель, они обладают способностью нести сверхмощное ядерное оружие большого веса.

* * *

Однако, несмотря на превосходство ракетной и ядерной техники, Советский Союз неустанно заявляет: «Давайте выбросим ядерное оружие вон! Давайте разоружимся!»

«Чудовищная разрушительная сила современных ядерных средств, возможность их доставки в любую точку земного шара являются сегодня такими убедительными аргументами, что разум человека не может не требовать скорейшего решения проблемы разоружения»,— так устами нашего Никиты Сергеевича Хрущева заявляет весь советский народ.

А руководителям современной Америки, боящимся признать, что «король-то голый!», не мешало бы прислушаться к голосам американских детей, письма которых к президенту Кеннеди были недавно опубликованы в печати.

«Господин Кеннеди. Мне 9 лет. Мне не нравятся планы, которые Вы предлагаете. Я слишком маленький, чтобы умирать. Роберт Стивенс».

«Дорогой президент Кеннеди,— пишет другой американский мальчик, Берт Дибольд.— Я хотел бы, чтобы у нас не было никаких войн. У меня есть кое-какие свои идеи. Я хотел бы, чтобы Вы могли сесть и обсудить все это с Россией. Есть ли у Вас какие-нибудь мысли по этому поводу?»

На эти письма, оставшиеся без ответа, хочется ответить мне, советскому генералу. Мы никогда не начнем войну первыми, Роберт Стивенс и Берт Дибольд. Если хотите, приезжайте к нам в гости, убедитесь в этом сами.

А с глобальными ракетами после достижения соглашения по разоружению мы поступим так: переделаем их на космические корабли и пошлем на Марс и Венеру. И пусть рядом летят сразу два космических корабля — посланцы вашей и моей страны. Согласны?

Очередная пятница «Огонька» проведена в Доме культуры газеты «Правда». На вечер были приглашены избиратели Тимирязевского района. Пятница открылась выступлениями специальных корреспондентов «Огонька» Г. Боровика, А. Сербина и Л. Степанова, которые побывали на Кубе, в Африке, Германской Демократической Республике и в других странах. Они рассказали о борьбе народов за мир, против империализма, о любви зарубежных трудящихся к Советскому Союзу.

Встреча с избирателями завершилась большим концертом, в котором были исполнены песни и танцы разных стран и народов. Перед собравшимися выступили заслуженный артист РСФСР и народный артист Чечено-Ингушской АССР Махмуд Эсамбаев, солисты и эстрадные коллективы: дипломанты конкурсов артистов эстрады Альдона Долинова и Тамара Миансарова, Галина Савченко, Р. Аванесов, В. Дегтярев, квинтет под руководством Е. Воробьева, конферансье Г. Титов, участники ансамблей И. Гранов, Х. Грисаленя, В. Ремезов, К. Забелин, Р. Колдобский, А. Хаин, В. Кондратьев, А. Болотов, О. Волков, В. Пестравкин, Г. Каневский, О. Петровский.

Участницы концерта (слева направо): Т. Миансарова, А. Долинова, Г. Савченко.

Фото Б. Кузьмина.

...ми ставнями

вступила, как все. А потом начались разговорчики:

— Выйду замуж только за того, кого назначит пресвитер.

— Да ведь ты такая красивая, а вдруг жених будет косой или рябой? — недоумевали подруги.

— Значит, так богу угодно.

И все только посмеивались и головами покачивали: что за чушь несет девушка!

Да, теперь зашло далеко, и вернуть Бридню на верную дорогу будет куда труднее!

Теперь об Архипе Лазареве. Чтобы разобраться в его истории, я приехала в станицу Спокойную, центр Спокойненского района. Зашла в райком партии.

— Как же получилось, что у вас под боком в станице Надежной Архип Лазарев десять лет на цепи сидит? — спрашиваю секретаря райкома Анну Авраамовну Курган.

— Может, он и сидит десять лет! — сухо отвечает секретарь.— Но мы узнали об этом месяц назад — прочитали в районной газете.

Всего в каких-нибудь полутора десятках километров от Спокойной — станица Надежная. Возле леса на крутом берегу речушки прилепилась хата, в которой живут Лазаревы. Стоит она обособленно от всего селения, чем-то схожая с хозяином, который в войну был немецким полицаем, а в мирное время так и остался единоличником. Одно окно ее наглухо забито ставнями. Скользкая тропинка ведет к жилищу руководителя надежнинских сектантов.

При нашем приближении разъяренно лает пес: идут чужие! Хозяин встречает нас настороженно. Неохотно приглашает войти. Хата разделена на две половины. В одной оборудована своего рода домашняя церковь: иконостас, теплящиеся лампадки, просвирки и самодельный «гроб господень» в миниатюре. Центральное место занимает икона божьей матери. Я сразу узнала ее по описанию в «Спутнике атеиста»: та самая, которая по приказу царского сатрапа Аракчеева писалась с его любовницы Минкиной. И на эту икону приходят сюда молиться!

За дощатой перегородкой полутемно. Окно наглухо заколочено. Здесь, на деревянном настиле, покрытом рваным тряпьем, десять лет прикованный цепью за ногу, провел «раб божий» Архип.

Архипу было всего семь лет, когда мать и старшая сестра Елена — религиозные фанатички — начали совершать над ребенком обряды. Мальчик пугался, плакал, просил оставить его в покое. Но те продолжали свое. Даже стали «лечить» его от порчи. Миску с водой ставили мальчику на голову, в миску капал расплавленный воск под аккомпанемент молитв. Естественно, от такой «процедуры» нервное потрясение усиливалось. Мальчик убегал в лес. Его ловили и продолжали «лечить». Он стал кричать во сне, бояться чужих людей. «Раз его заболевание угодно богу, значит, он избранник божий»,— решили Лазаревы. Расчет простой и жестокий: калеки и особенно нервнобольные у «истинно-православных христиан», к которым причисляют себя Лазаревы, пользуются особым почетом. А чтобы «избранник божий» не вздумал противиться воле всевышнего, его приковали цепью. И вот сперва он разучился писать и читать, потом перестал разговаривать и понимать...

Он сидит перед нами, двадцатишестилетний загубленный человек. Бессмысленно-тупое выражение лица, потухшие глаза смотрят в одну точку. Не шагать Архипу в ногу со своими сверстниками-односельчанами. Не поступить ему в сельхозинститут, как Юрию Харченко, не станет он врачом, как Алексей Самоненко, не вернется в родной совхоз инженером, как Дмитрий Выголевский.

— Но случай с Архипом исключительный,— уверяет меня товарищ Курган.— А вообще-то у нас за прошлый год прочитано 2 106 лекций, и это, заметьте, при плане в 2 тысячи! Из них только антирелигиозных — 65!

Спокойно, видно, на душе у руководителей Спокойненского района. Да разве ходят на лекции такие, как родители Архипа Лазарева, или Бондаренко, или Малашенны, или другие члены секты? Вы, товарищ Курган, говорите, что и «секты-то, собственно, нет, так себе, старички тихо молятся». Так ли уж тихо? А известно ли вам, какой пропагандой и какой агитацией занимаются эти «тихие» старички? Как они распространяют антисоветскую литературу? Как угрожают одной из местных жительниц, Л., требуя от нее, чтобы она принесла в жертву богу свою дочь Раю? Да, правда, дочери Л. уже не грозит опасность. Но в этом вы ей, товарищи, не помогли: Рая уехала, вернее, убежала из станицы, живет в городе.

Сейчас наконец возбуждается уголовное дело против Лазаревых, которые на всякий случай поторопились пустить версию, что их сын «тронулся умом», и они стали его лечить. Спустя десять лет расковали несчастного. Его хотят везти в больницу. Но повезут или нет, еще не известно: для этого требуется, видите ли, согласие родителей. А родители не согласны...

«Что же делать, когда мракобесы-родители калечат «богом данную» человеческую жизнь? Разве маленький Яша Степанюга избавлен от участи Архипа Лазарева?» — вот о чем с тревогой думала я, уезжая из станицы.

В Армавире я получила ответ на свой вопрос. В детский дом номер один поступили две сестры — Нина и Люда Бондаревы. Их отобрали у матери по решению суда: изуверка запретила своим дочерям посещать школу. Тщетно директор и учителя пытались вразумить сектантку. Тогда Ильинский сельсовет обратился в суд. Суд решил, что ответчица осуществляет свои права во вред детям, и лишил ее материнских прав.

Молчаливые, без улыбки на напряженных лицах, пришли в детский дом сестры. Молились, крестились, шептались. Девочкам не докучали разговорами и расспросами. Жизнь в детском доме шла своим чередом. Ребята учились, работали в мастерских, ездили на экскурсии, смотрели телевизор, проводили пионерские сборы. В дом на Лермонтовскую улицу приходили шефы — усатые дяди из СМУ и молоденькие работницы с шинного завода. И вот уже Нина впервые в жизни идет в кино и не закрывает лицо рукавами, а с волнением смотрит «Обманутую». Потом говорит своей воспитательнице: «Мне очень понравилось».

Я видела, какой жизнерадостной стала Нина, с какой жадностью она читает, как охотно учится. Люда еще не совсем пришла в себя, но и она, конечно, станет такой же, как сверстницы.

И опять я вспомнила маленького Яшу Степанюгу. Я побывала у него дома. На калитке надпись: «Во дворе злая собака». Пусть простят меня читатели за такое сравнение: Яшина мать показалась мне злее. Лидия Ивановна так и набросилась на меня:

— В кино почему не пускаю? А это потеха дьявола, вот почему. И радио я изломала. Я сама неграмотная, а вот живу.— Она с довольным видом оглядывает свой добротный, новый дом.— Мы с мужем люди верующие, и наши дети в пионерских галстуках ходить не будут...

Муж и жена Степанюги — закоренелые сектанты. У них семеро детей, семеро маленьких советских граждан, которые принуждены жить за глухими ставнями, закрывающими от них мир. Злая воля мракобесов-родителей может лишить их даже права на учение, ставшее обязательным законом для всех ребят нашей страны. Разве не правильнее, чтобы дети таких степанюг жили в больших домах с широкими окнами, в которые видно и солнце, и небо, и зеленую траву, в таком же доме, в каком живут теперь Нина и Люда?!

ПОЕДИНОК

Погода выдалась мягкая, с легким ветерком. «Схожу-ка я на зайчишек»,— решил механик Дома культуры села Нагорье Дмитрий Муравьев и зарядил двустволку мелкой дробью.

Почти полдня бродил он по лесам, но удачи не предвиделось. Пустив своего пса по болоту, охотник направился к дому. Но вот раздался заливистый лай. Муравьев насторожился. Взвел курки. И почти сразу же услышал подозрительный шелест: кто-то мягко, с большой осторожностью пробирался по камышам.

Дмитрий встал за елку. Через несколько секунд шагах в двадцати показалась огромная волчица.

Охотник замер: заряд в стволах на зайца, мелкодробный! Но долго раздумывать было некогда. «По глазам!» — решил Муравьев и нажал курок. Серая взвыла. Почти ослепленная, она как-то нелепо повернулась — и наутек. Ей вдогонку был послан второй заряд. Хищник споткнулся. Охотник кинулся к зверю, настиг, схватил за загривок. Волчица яростно щелкнула зубами, рванулась и оказалась вдруг на спине. Муравьев вцепился зверю в горло, стараясь задушить.

— Байкал, Байкал!

Пес набросился на волчицу и тут же с жалобным воем откатился в сторону. Трудно сказать, чем бы закончился этот поединок, если бы на глаза Муравьеву не попался маленький топорик, торчавший у него за поясом...

Муравьев с трудом подвесил свой трофей к дереву, чтобы содрать шкуру. Вернувшись домой, он измерил ее. Ровно два с половиной метра!

Село Нагорье, Ярославской области.

В. ТУХТИН

Почему мы так говорим

СТАДИЯ, ПОПРИЩЕ, СТАДИОН

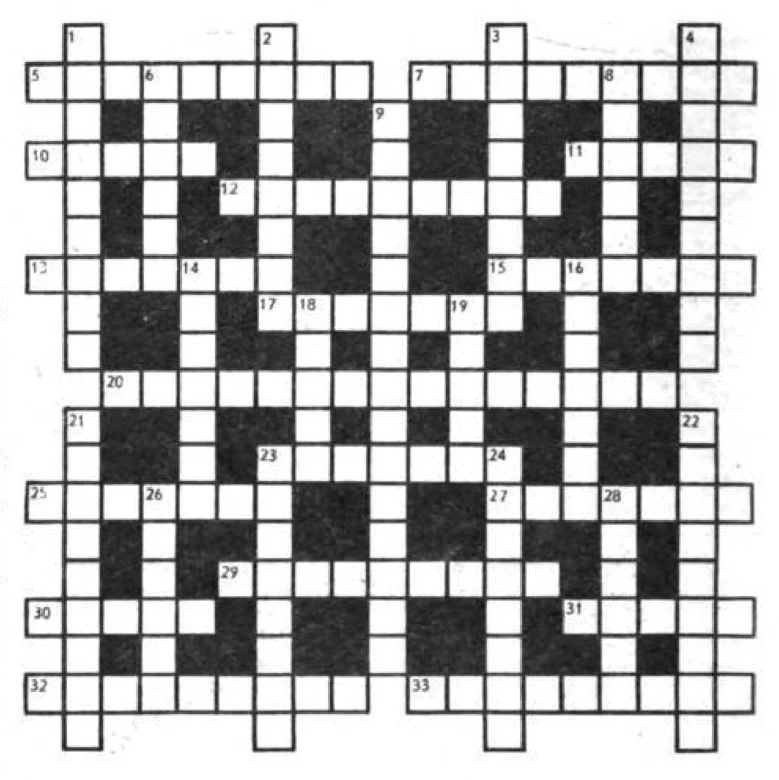
Едва блеснет первый луч восходящего солнца, путник начинает идти ровным шагом, пока солнечный диск полностью не поднимется над горизонтом. Это расстояние, пройденное за две минуты (столько длится восход), легло в основание меры длины у многих народов древности — у вавилонян, египтян, греков. В Греции называли его «стадион». Слово это (с усеченным окончанием), звучавшее как «стадий, стадия», было заимствовано нами. Так называли в Греции не только меру длины (греческий стадий был равен 192 метрам, римский — 185 метрам), но и место олимпийских состязаний по длине дорожек для бега и конных состязаний. У нас впервые слово «стадия» отмечено в рукописи 1220 года в значении «ристалище». Позже слово «стадия» приобрело еще значение «этап состязаний», ступень развития чего-нибудь.

«Стадион» встарь переводили также русским словом «поприще» (от «попирать»). «Поприще» тоже было местом состязаний и мерой длины («сташа за два поприща от Великого Новограда», — читаем в летописи от 1569 года). Второе значение «поприща» — «область деятельности» (на поприще науки)—сохранилось до наших дней.

В 1896 году в Греции возродились международные олимпийские состязания, а с ними, теперь уже в чисто греческом звучании, возродилось и слово «стадион» — название места соревнований и специально для этого оборудованных площадок.

Раньше для названия мест состязания у нас (и в других странах) были слова, образованные от «дромос» — по-гречески «бег»: «ипподром» — для конского бега (по-гречески «иппос» — конь), «велодром» и «циклодром» — для велосипедных гонок. В наше время по этим образцам создано и международное «аэродром».

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Бабочка, разводимая в домашних условиях. 7. Зеленый пигмент растений. 10. Высшая цель, совершенство. 11. Высокогорный каток в СССР. 12. Растение с мясистым корнем. 13. Спортивная игра. 15. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 17. Вид тары. 20. Отдел физики. 23. Рулевое колесо. 25. Сочувствие, сердечное отношение. 27. Стихотворный размер. 29. Наука о полеводстве, земледелии. 30. Минерал белого цвета. 31. Автор драматической поэмы «Пер Гюнт». 32. Лесная птица Австралии. 33. Порода крупных собак.

По вертикали:

1. Персонаж трагедии В. Шекспира «Отелло». 2. Автомобиль для перевозки тяжестей. 3. Вентиляционный проем в окне. 4. Иносказание. 6. Город в Чехословакии. 8. Парусный корабль. 9. Агротехнический прием. 14. Выборный представитель. 16. Приманка для рыбы. 18. Молочный продукт. 19. Хлопчатобумажная ткань. 21. Мелодия декламационного характера. 22. Пирог. 23. Соратник Н. Г. Чернышевского. 24. Запутанная сеть коридоров. 26. Итальянская мелкая монета. 28. Специальное устройство для измерения, управления, контроля.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 12

По горизонтали:

7. Турбоход. 8. Карандаш. 9. Стереотруба. 10. Ливорно. 14. Вандура. 16. Лаура. 17. Валл. 18. Бокс. 19. Организатор. 20. Стаж. 22. «Овод». 24. Дробь. 25. Пифагор. 27. Тапажос. 31. Бухгалтерия. 32. Калмыкия. 33. Розмарин.

По вертикали:

1. Жужелица. 2. Доктор. 3. Адрес. 4. Якуты. 5. Карбон. 6. Мастерок. 11. Обложка. 12. Олеандр. 13. Суриков. 14. Базальт. 15. Доброта. 21. Трикотаж. 23. Орошение. 26. Глупыш. 28. Призма. 29. Маляр. 30. Штырь.

МИМОХОДОМ...

* * *

Хитры ли голуби? Этот вопрос задавали себе посетители вашингтонского зоопарка, наблюдая любопытную картину. В зоопарке живут суслики. Им часто бросают земляные орешки, до которых зверьки большие охотники. Но лакомство пришлось по вкусу и голубям. Однако, к великому своему огорчению, голуби не могут раскалывать орешки. Птицы нашли выход. Они подсаживались к сусликам, и как только какой-нибудь из грызунов раскусывал орешек, голуби отбирали у него зернышко.

* * *

Петер Петрильо, по профессии ночной сторож, житель города Коннектикута (США), подал заявление в полицию, что у него во время сна украли его деревянную ногу. Убыток был бы небольшой, если бы Петрильо не хранил в дыре, выдолбленной в ноге, все свои сбережения.

* * *

Доктор Маклинен и мистер Грант уже 34 года разыгрывают в шахматы партию, которую они начали, когда еще были студентами университета в Глазго (Англия). Маклинен живет теперь в австралийском городе Сиднее, а Грант — в Глазго. Каждое первое января партнеры обмениваются новогодними поздравлениями, и одновременно тот игрок, которому предстоит сделать очередной ход, сообщает о нем своему противнику. Игроки полагают, что им удастся закончить партию лет через пятнадцать.

* * *

Управление лондонского городского транспорта располагает отличным средством определять, какая в том или ином году была в столице Англии погода. Так, в 1960 году в городских автобусах было забыто пассажирами 90 984 зонтика — на 31 429 зонтиков больше, чем в 1959 году. Это дает основание считать 1960 год очень дождливым.

Рисунки В. Соловьева

На первой странице обложки: Теплым днем в закарпатском селе Ивановке.

На последней странице обложки: Весенние хлопоты.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05005 Подписано к печати 22/III 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 193. Заказ 790.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Если бы наша тень не умела лгать

Рисунки Гр. ОГАНОВА.

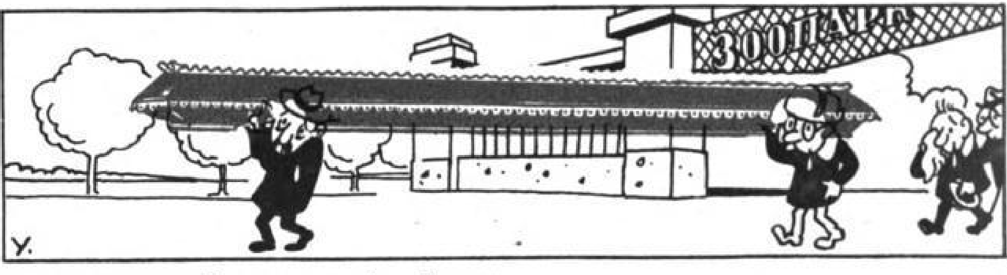

На Москве-реке. Фото В. Яковлева.

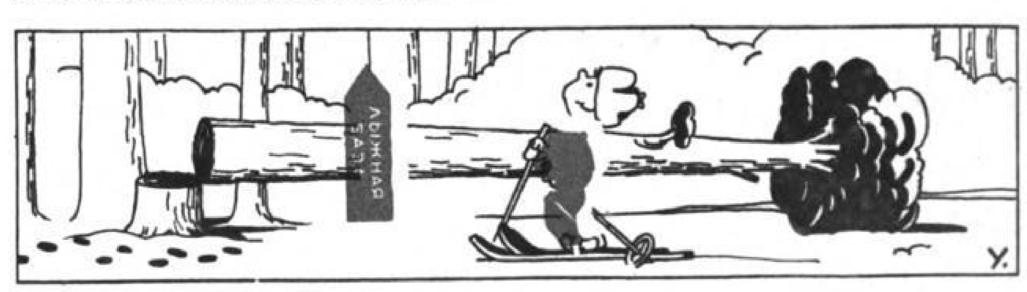
ДЛИННЫЙ ЮМОР

Рисунки прислал в редакцию М. Ушац.

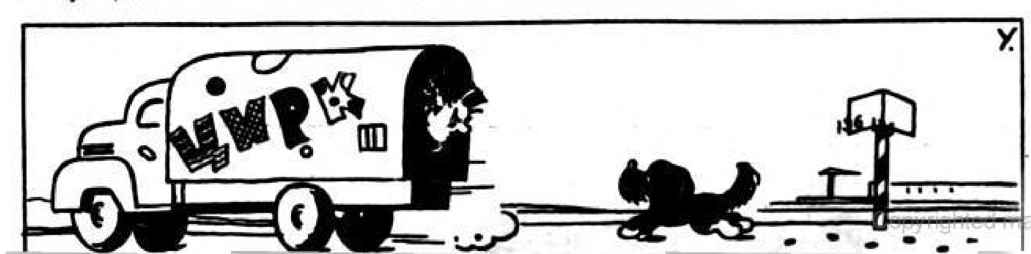

В зоопарке. Похороны любимой змеи.

Потерял ориентировку.

Говорящая собака: — Может быть, все-таки возьмете меня?..

Цена номера 30 коп.